

АЛЕКСАНДР СЛАВИНСКИЙ

ЭРА ВОДОЛЕЯ

Александр Славинский

Эра Водолея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22471098

ISBN 9785448357329

Аннотация

Конец 21 века. На корабле неизвестной цивилизации, летящем параллельно Земле в поясе астероидов, обнаружен труп мужчины. Лейтенант космического музея «Атлантида» Николай Уралов начинает расследование и открывает много удивительного. Как оказалось, Атлантида – небесная ладья древнешумерского бога Ану. Приближается эра Водолея, и на ковчег прибывают боги, чтобы провести обряд передачи власти. Но, несмотря на древние законы, борьба за власть продолжается. А главный претендент на трон Земли убит.

Содержание

Пролог	6
Часть 1	12
Глава 1.	12
Глава 2.	35
Глава 3.	54
Глава 4.	72
Глава 5.	90
Глава 6.	110
Глава 7.	129
Глава 8.	149
Глава 9.	167
Часть 2	192
Глава 10.	192
Глава 11.	203
Конец ознакомительного фрагмента.	215

Эра Водолея

Александр Славинский

© Александр Славинский, 2016

© Виктория Шатилова, дизайн обложки, 2016

© Виктория Шатилова, иллюстрации, 2016

© Анастасия Евграфова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-5732-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Как хорошо, что стены не могут говорить. Иначе рассказали бы о таких ужасах, и с такими подробностями, что от осознания дух захватывает. Но, к счастью, окружающие перегородки молчат, и лишь наблюдают – внимательно и беспристрастно.

Улыбка тронула губы, ибо Творец смерти знает истину – безмолвные свидетели не проболтаются. Даже не смотря на то, что увиденное ими сегодня, ни много ни мало – изменит мир. Что неизбежно, как и шаги, раздающиеся на лестнице – едва слышные, неспешные. А чуткое ухо различает лёгкое дыхание. Потрясающая акустика.

Шаги приближаются. А ведь если задуматься – так неторопливо подкрадывается закат старой эпохи. Иногда одна смерть может перевернуть мир. И тому немало примеров. Взять хотя бы убийство Николая II, уход из жизни Клеопатры, либо отравление Александра Македонского.

Подумать только – я причастен к истории. Мне доверили столь великую честь. От осознания значимости ощущаешь волнение. Сейчас именно я вершитель судеб, и в моих руках будущее целого мира.

Творец смерти позволил себе расслабиться. Уже скоро. Да и убивать не впервой. Устранять неудобных – моя работа. И вот снова востребован. Говорят, ремесло прости-

туток самое древнее. Но люди ошибаются. Каждый знает библейскую притчу, как Авель погиб от руки Каина. Вот самое первое задокументированное преступление. И где там путаны?

Жертва неторопливо поднялась по ступеням и остановилась на площадке у входа. Что случилось? Палач задержал дыхание.

Секунды тянутся бесконечно медленно. Но Творец смерти – профессионал, к тому же лучший. Потому и доверили столь ответственное задание. Следует набраться терпения, чтобы ничего не испортить. Убить нужно в углу у окна. Так приказано. И вот жертва на месте.

Творец смерти мог бы и сейчас нанести удар. Но приговорённый должен сам пройти в угол. А до мелочей соблюсти пожелания заказчика – дело чести.

Царящую в пустых комнатах тишину взбудрил отдалённый шум – гомон толпы, шаги. Тремя этажами ниже сейчас многолюдно. Впрочем, ненадолго. Скоро опять воцарится безмолвие. Может, жертва того и дожидается?

И снова бесконечно медленно тянутся секунды. Творец смерти позволил себе дышать. Если б приговорённый учуял чужака, мог бы и сбежать. Но мужчина ещё тут.

Голоса внизу постепенно смолкают, и в здании опять воцаряется тишина. Вершитель судеб даже усомнился в присутствии жертвы. Но вот снова шаги. Медленные, осторожные.

Приговорённый входит. Здесь пусто, и даже шуршание материи при ходьбе отдаётся эхом.

Невероятно, но события развиваются, как и предсказано. Вошедший пересёк комнату и приблизился к окну. Высокий мужчина в дорогом тёмном костюме с короткой стрижкой. По гордой походке, широкой ровной спине, величественно поднятой голове чувствуется сильная личность. А значит, тот, кого заказали. Сомнений больше нет.

Едва появившись в поле зрения палача, укрытым за выступом стены, мужчина остановился. Всего на пару шагов не дошёл до окна. Возможно, остерегается, чтобы не заметили снизу. Но, почему стал именно там, где должен быть нанесён роковой удар? Нет объяснения. Как и до мелочей описанное заказчиком развитие событий.

Но сейчас не до размышлений. Творец смерти приготовился. Теперь ничто не остановит его. Даже если жертва обнаружит засаду.

Мужчина на шаг приблизился к роковому углу, расположенному немного в стороне от окна. Затем ещё на один, и снова остановился. Всё, как и предсказывалось.

Молится, что ли? – пронеслось в голове палача. – Самый раз.

Жертва резко обернулась, и глаза участников великой драмы встретились. А в следующий миг, чисто рефлекторно, Творец смерти нажал кнопку.

Голубая вспышка ослепила. А затем....

Они смотрели друг на друга в упор – глаза в глаза. Лишь мгновение. Не долгие. Но Творцу смерти показалось – целую вечность. Неожиданные эмоции затопили душу, зачерствевшую от множества убийств, и палач едва не разрыдался. Предупреждали – будет нелегко. Но даже не подозревал, что настолько.

Сами ноги подогнулись, и палач рухнул на колени, а голова склонилась вниз. Само сочинённая молитва заструилась, кажется, из глубины естества, поскольку Творец смерти не признавал священных текстов. Но....

То была просьба о прощении. Душа, не разум, осознала, что сотворили руки. Конечно, убийца никому не расскажет о постыдном эпизоде, да и себе не простит минутной слабости. Но сейчас....

Не издав ни звука, жертва рухнула. И наваждение пропало, оставив в душе незаживающую рану. Вот так. Что бы ни выдумывали философы, всему приходит конец.

При падении голова жертвы под неестественным углом повернулась вправо, а тело, будто сложившись, влево. Творец смерти поразился, насколько тщательно продумана и спланирована операция. Ведь заказчик описал даже позу, изламывающую мертвеца.

Волнение охолодило душу. А пришедшая мысль повергла в шок. Возникло предчувствие краха. Но, почему? Ведь скрупулёзно, до мелочей следовал инструкциям, и надлежасшим образом нанёс смертельный удар. Жертва повержена. Но....

Мозг напряжённно заработал, пытаясь отыскать причину. Ведь не зря же Творец смерти заслужил признание лучшего.

Мудрость подсказала – жертва предполагала такой финал. Вот чем объясняется осторожность и медлительность. Вероятно, мужчина готовился. Затем резкий поворот. Догадался, что кто-то стоит за спиной? Палач несколько раз проиграл сцену в голове, и понял, что не ошибся. Вывод – если мужчина знал о готовящемся покушении, и всё же пришёл – значит, у него имелся план и для такого исхода. А себя то ли сознательно принёс в жертву, то ли...

Творец смерти затряс головой от досады. Не решить ему задачку. Слишком мало информации. А здравый смысл подсказывает – следует поскорее исчезнуть из этого уголка вселенной.

Творец смерти устало поднялся и вытер с лица предательские слёзы. И не подозревал, что способен на такие эмоции.

У выхода обернулся. Край брючины выглядывает из-за выступа. Почему-то боясь смотреть в лицо жертвы, палач аккуратно устранил недостаток. Теперь можно уходить.

Спускаясь по лестнице, Творец смерти ощутил, как что-то огромное свалилось с плеч, и снова жизнь вернулась в прежнее русло. Вероятно, то была ответственность.

Вот и всё. Профессионал выполнил заказ – аккуратно и добросовестно. А теперь начнётся самое интересное. Тво-

рец смерти один из немногих, кто посвящён в сокровенную тайну грядущего. И отныне будет наблюдать, как начнёт разворачиваться агония старого мира, а ему на смену придёт новый порядок. Вероятно, так же чувствовал себя и Харви Ли Освальд, убивший Джона Кеннеди. Но не хотелось бы закончить жизнь, как и тот легендарный убийца.

Кто здесь? Вроде бы различил шуршание материи. От напряжения голова кругом.

Мгновения тянутся бесконечно долго. Но тишина по-прежнему такая же, как в гробу при инициации. Может, это отразило шорох собственных одежд? Вероятно, поскольку чуткое ухо больше не уловило ни звука.

Пора. Даже если кто-то есть, ничего не изменится. А когда обнаружат труп, вообще неизвестно. И, с чувством выполненного долга, но с ощущением поражения, Творец смерти покинул здание.

Часть 1

Глава 1.

Книга Ника Уралова

16 марта

Откинувшись на спинку кресла, я отрешённо пялюсь на входящих девушек. Почему отрешённо? Ну, во-первых, меня оторвали от работы, и я ещё не влился в новую реальность. А, во-вторых, есть на что посмотреть, чем и занимаюсь. Будто сидишь в зрительном зале и созерцаешь дефилирующих по подиуму моделей. Класс!

Но вот мельтешение прекратилось, девушки расселись, а сопровождавшие лица закрыли дверь. И я остался наедине с прекрасными созданиями, не в силах управиться с накатившими эмоциями. И тому виной женщины. Ведь с них всё начинается, и ими же заканчивается, когда приходит дама с косой. Но, хватит воды. Пора бы заняться делом.

Итак, девушки....

Честное слово, я пытался сосредоточиться. Но разве можно в присутствии красавиц думать о серьёзном?

Хм. У меня в глазах рябит от них, и я снова пересчитал. Для порядка. Нужно же хоть с чего-то начать.

Раз (*куколка*). Два (*само очарование*). Три (*конфетка*).
Четыре (*цветик-семицветик*). Пять (*мечта*). Шесть (*загля-
денье*).

Одно плохо – ну почему так много?! Нет бы две, или три.
Но столько.... Явно перебор. И все, как назло, красавицы.
Засмотришься. Я, конечно, не против очаровательных созда-
ний. Моей одинокой, истосковавшей по женской ласке ду-
ше, они весьма по сердцу.

Я бы с удовольствием встретился б с ними, скажем, в ре-
сторане. Спросил бы: как вас зовут? Где живёте? Хм. Кем
работаете? Вы замужем или нет?

Стоп. Так нельзя говорить с дамами. Настоящий допрос.
И тут я поймал себя на мысли – где-нибудь в ресторане де-
вушки вряд ли откровенно беседовали б со мной. Ну, по-
нятно. В интимной обстановке любая красавица постарается
оказать впечатление на собеседника, напустит загадочного
тумана, навешает лапши на уши. А заодно проверит, сколь-
ко может поместиться (своеобразный тест на лохотрон). Да,
нравится нам, мужчины, или нет – такова проза жизни.

*А ведь сейчас обстановка иная, – рассуждал я. – И в тес-
ной полицейской комнатухе девушки ничего не утаят.*

Хм. Последнее умозаключение мне понравилось. И я
мысленно улыбнулся. А может, и воочию, поскольку
во взглядах красавиц заметил перемену. Невозможно
от женщины скрыть эмоции. Каждый мужчина должен пом-
нить святое правило: глаза живого детектора внимательно

следят за тобой, подмечая любую оплошность.

– Ну, и сколько вы будете разглядывать нас? — словно ушатом холодной (бр-р-р) воды окотила меня одна из красоток. Встрепенувшись и растеряв часть романтической мечтательности, я перевёл взгляд на ту, что совсем недавно окрестил «куколка».

У выхода на стуле примостилась жгучая брюнетка. Сексуальная и желанная – мечта одинокого мужчины. Длинные, прямые волосы, светло-голубые тени и неестественно белая кожа. У меня возникла ассоциация со Снежной королевой.

Стройную фигурку красавицы облегает чёрное платье без рукавов, едва прикрывающее трусики того же цвета. *Да, я заметил.* А на ногах кожаные сапоги со шнуровкой до колен, отделанные замшей. На бёдрах Снежной королевы широкий пояс с блестящими заклёпками. *Как бы я хотел оказаться на его месте, чтобы ощутить каждый сантиметр такой соблазнительной талии.* Говорят же — мужчина любит глазами и руками.

Прекрати!!!

– Сколько захочу, столько и буду вас разглядывать, – выпалил я, застигнутый врасплох. И тут же пожалел. Нельзя грубо разговаривать с красивыми женщинами. Теперь я у них в чёрном списке нежелательных особ, от кого лучше держаться подальше.

– Лейтенант, не век же тут сидеть под вашим пытливым взглядом, – мудро заметила Снежная королева.

– С вас и начнём, – решил я. Но голос звучал мягче. Не хочется в присутствии красавиц переходить на официальные тона. К тому же инструкции требуют, чтобы мы с посетителями музея держались любезнее.

– Ваше имя, место проживания, род занятий.

– Посмотрите в компе, – раздражённо бросила Снежная королева. — Нажмите пальцем клавишу, и вся наша подноготная окажется перед вами.

Какой напор! Сколько эмоций. А как важно держится. Чувствую, скоро к ней начну обращаться – Ваше величество.

– Будете меня учить, как проводить беседу?! — рыкнул я.

Брюнетка лишь стиснула зубы. На умный вопрос, такой же ответ. Проглотив очередную горькую пилюлю женского презрения, я продолжил нейтральным тоном:

– Итак, ваше имя, место проживания, род занятий.

– Стефания Кельни, – представилась брюнетка, окидывая меня холодным взглядом.

– Но я не понимаю, зачем вы проводите допрос? – отрубил Снежная королева. И от выбранного тона меня пробрал озноб. — На Земле мы заполнили анкеты, и в них записано....

– Уважаемая, я знаю, что в анкете есть, а чего нет. Но у вас же на лбу не написано: меня зовут Стефания Кельни. Правда? Или я подслеповат? К тому же, мне нужно сверить информацию в стандартной анкете, с той, что вы предо-

ставите. А вдруг вы не та, за кого себя выдаёте?

– Да уж, конечно... – фыркнула Стефания.

– А если хотите, чтобы дело, наконец, сдвинулось с мёртвой точки, то будете кратко и быстро отвечать на вопросы, – продолжал я, не обращая внимания на реплики. — Итак, род занятий и место проживания.

– Живу в Париже, на Елисейских полях. Работаю в модельном бизнесе визажистом.

Хм. А откуда так хорошо знаешь русский язык? — едва не вырвалось у меня.

Я набрал на клавише – Стефания Кельни, и из базы данных корпорации получил стандартную анкету. Пока девушку не на чем ловить. Да я и не собирался. Им же не предъявлено обвинение. Проведу беседу и отпущу.

Итак, в досье указано – Кельни проживает в ультрасовременной квартире из серии «Умный дом». В подобных жилищах учтена любая прихоть, и стоят баснословно дорого. Но вот приобрести такой шедевр инженерной мысли визажисту явно не по карману.

В собственности – последней модели «Феррари» с антигравитационным приводом, что даёт возможность перемещаться как по земле, так и по воздуху. Короче, не автомобиль, а мини самолёт, или, как ещё называют – мультикоптер.

И ко всему заработок — пять тысяч евро в месяц. (*Информация к размышлению о доходах и тратах*). Стефании два-

дцать три. Из родственников мать. Кстати, не миллионерша, чтобы баловать ребёнка дорогими игрушками. *Может, есть любящий отец или другая родня? Но в анкете не указано.*

А впереди удивительные подробности. В разделе хобби написано — посещение кладбищ. Жуть. Впрочем, каждый проводит досуг по-своему. Я же не набиваюсь в женихи.

— Вы получили ответы? — с мрачным видом полюбопытствовала Стефания, когда я оторвался от монитора. Бр-р-р. От напряженного взгляда девушки можно превратиться в ледяную глыбу. И я даже ощутил, как мороз пробежал по спине.

— Да. За исключением того, что не указано в анкете.

Я обвёл взглядом притихших (хм) девочек. *Сколько напряжения в позах и ненависти в глазах. И чего так волнуются? Неужели есть повод?*

И снова вернулся к Стефании.

— Что вы делали на территории музея, закрытой для посещения, в то время как гид с ног сбился, разыскивая вас?

— Ну..., — Стефания задумалась, и черты лица разгладились, показывая настоящий облик красавицы. Но девушка тут же взяла себя в руки, и голос обрёл прежнюю твёрдость. — Офицер..., нечто привлекло моё внимание.... Осознаю, что поступила неправильно.... Приношу извинения. Вы должны отпустить меня. Вы же понимаете, я спешу, чтобы не опоздать на обратный рейс.

Вот как! Вы торопитесь и опаздываете, а я тут ерундой

занимаюсь?

– Уважаемые, хочу вас уведомить – в связи с произошедшими событиями, ваш отлёт задерживается.

– Как?! Почему?! Да что вы себе позволяете?! – в один голос воскликнули красотки, миг из ангелов превратившись в озлобленных фурий. Вскочив с мест, женщины навалились на стол. Благо, монитор, как крепость, прикрыл меня от их бурного негодования.

Дамы возвышаются надо мной, словно полноценное отделение, создавая голосами настоящий боевой гул. А суровые глаза, уставившиеся, словно запровленные пулями стволы, готовы расстрелять на месте.

– Так почему наш отлёт задерживается? — грозным тоном спросила блондинка. Умопомрачительно сексуальная и такая желанная....

Ну вот, опять переключаюсь.

С сожалением должен констатировать – после месяцев воздержания холостой мужчина несколько однобоко рассматривает противоположный пол.

– Прошу вернуться на места! — произнёс я, поднявшись с кресла. Но со своими метр девяносто выгляжу неубедительно, ведь дамы возвышаются на добрую голову, и даже больше. Но сейчас не до банальностей. Расправив плечи, я стал шире и весомее, чем казался из-за компьютера.

– Сесть!!!

Думаю, мне удалось изобразить подобающий грозный

вид, поскольку девушки на удивление быстро ретировались к стульям. Дерзкая атака красавиц захлебнулась. И после, с видом победителя, важно уперев руки в бока, я заявил:

– Произошедшие события требуют основательного следования.

– Па-адума-аешь, са-абыти-ия ка-акие. Девушки ха-ате-ли па-апудрить носики, – манерно выдохнула цветик-семи-цветик с большим сиреневым бантом на голове. Тот немного съехал на сторону, либо специально так приколот, чтобы создать образ игривой куколки.

– Та-ак что же теперь, ка-арабль из-за этава за-адерживать? А-афи-цер, ну, вы же па-анимаете, что это смеш-но, – ворковала цветик. – Будьте па-аи-инькой.

Честно, красавица меня побила. На моём же поле. Я вмиг ощутил, как спала напряжённость.

Опустившись на стул, я как из-за крепостной стены оглядел противостоящего «врага». Как-то плохо у меня выходит. Но ведь в первый раз.

– Продолжим знакомство, – произнёс я, словно выдвигая ультиматум.

– Простите, лейтенант, – переведя взгляд, я упёрся в суровые женские глаза, смотревшие через очки в строгой оправе. Сколько же в них надменности и, как мне показалось, откровенной неприязни. Девушка производит впечатление интеллектуалки, кому палец в рот не клади – откусит. – Вы не имеете права задерживать нас по таким пустякам.

– К тому же, – надменно продолжила она, – у нас есть собственные неотложные дела. И если вы нас задержите, где мы, по-вашему, проведём ночь? Ведь тут нет отелей....

Как я понял, данное обстоятельство представлялось интеллектуалке весомым аргументом, чем и атаковала меня.

– ...и вы должны отпустить нас. Вы же понимаете, что не правы, – закончила красотка поучительную речь.

– Уважаемые дамы, – произнёс я, стараясь вложить в голос побольше металла. — Ещё раз повторяю, вы считаетесь задержанными. Когда удостоверюсь, что вы чисты перед законом, вас тут же посадят на корабль, и отправят домой. Я прошу *не мешать мне работать*, – последние четыре слова я выделил особо. — Или буду вынужден поместить вас в камеру. И стану вызывать по одной. Заверяю, в таком случае вы задержитесь намного дольше, чем до следующего рейса. Вы хотите? — грозным взглядом обвёл я притихших дам.

– Мне кажется, – смягчил я тон, – хотя здесь и тесновато, но приятнее, чем в карцере. Или вы жаждете совершить экскурсию в нашу музейную арестантскую? Я устрою вам бесплатный тур, и даже могу стать гидом.

Не знаю, что именно – выбранный тон, речь, либо сила приведённых аргументов произвели впечатление на женский пол, но больше никто не пытался умничать. Однако красавицы не сдались и, как партизаны в засаде, вновь принялись буравить меня выразительными глазками. Отчего создавалось впечатление, что девушки мысленно пытаются меня – проты-

кая ножами, вгоняя иголки под ногти.... Бррр.... Ну и разыгралось воображение. Лучше бы помогло мне закончить дело.

– Познакомимся с вами, – перевёл я взгляд на цветика-семицветика, сидевшую напротив. Девушка казалась не такой строгой и непреклонной, как интеллектуалка. — Те же вопросы, что и к Стефании.

– Меня зовут Гетти Квин, – скромно представилась красавица. Развязный тон исчез, и теперь девушка говорит со мной, наверное, как с преподавателем — официально и отрешённо. — Учусь в Делийском университете. Индия. Пита джи¹ и мата джи² подарили мне поездку за хорошую учёбу.

Звучит впечатляюще. Космотур — великолепная награда, учитывающая стоимость. В анкете указано – Гетти студентка второго курса. Родители – состоятельные люди, владельцы золотоносных рудников. Есть сестра – старшая, замужем. В разделе хобби — коллекционирую плюшевых мишек.

Я посмотрел на девушку. Если б не дата рождения в анкете, дал бы Гетти шестнадцать или восемнадцать. Но не двадцать три. Да и выглядит в тинейджеровском наряде не по взрослому. На плечах кремовая блузка с молнией, оголяющая живот с соблазнительным пупком. Ниже талии коричневая юбочка в клетку. На ногах модные кроссовки и ультрасовременные гольфы с вышитыми звёздами.

¹ Пита джи – папа (*хинди*)

² Мата джи – мама (*хинди*)

Из косметики лишь помада. Да к свежей бархатистой коже и не нужна краска. Девушка и так потрясающе выглядит.

– Что вы делали в помещении, где вас задержали?

– Я хотела увидеть панно, – сказала Квин. – Ну, с изображением атомов. Я пыталась определить элемент. Мы в университете сейчас проходим химию. Наверное, увлеклась. А затем полицейский наорал на меня. Я расстроилась, и теперь жалею, что прилетела сюда. Здесь столько правил.

Сама невинность. Но то панно на третьем этаже, а туристов водят лишь по первому. Не так уж красавица и безгрешна, как хочет показать. Налицо грубое нарушение правил музея.

Я вздохнул и переключился на следующую задержанную.

– Представьтесь, — обратился я к интеллектуалке. Теперь мне требуется холодной воды, чтобы умерить разыгравшееся воображение.

Девушка взяла руки в замок и обхватила перекинутое через ногу левое колено. Затем осмотрела меня с ног до головы, словно оценивая личность, скрывающуюся за крепостью из стола и монитора. Но отвечать не спешила.

На девушке строгий костюм чёрного цвета в тонкую белую полоску, состоящий из трёх предметов: жакета, юбки и жилета. На ногах туфли.

– Итак? — поторопил я.

– Патриция Алисандро Пепе, – сухо представилась девушка. — Работаю в компании по продаже недвижимости. Про-

живаю в основном в Гонконге. У подруги кровь пошла носом. С ней иногда случается. Мы не стали никого беспокоить, и решили немного задержаться. Я и не думала, что здесь такие строгие законы.

Интеллектуалка приврала. Насколько я знаю, экскурсантам доводят правила музея.

Я набрал на клавише – Патриция Алисандро Пепе. В анкете указано – проживает в Гонконге и работает в агентстве по продаже недвижимости. Помимо городской квартиры, есть земля в России, доставшаяся в наследство от дяди. Патриции двадцать пять. Разведена. Хобби — прочерк. Но, видимо, по настоянию принимавшего анкету клерка, дописала – люблю готовить и читать книги. Хм. Я бы скорее поверил во второе.

– Кто ваша подруга? — спросил я.

– Альберта Таскани, – кивнула девушка на сидящую рядом красавицу.

– Альберта Таскани, – повторил я, переводя взгляд.

– Да? – тут же отозвалась соседка Пепе.

На плечиках девушки лёгкая накидка из белой искусственной шерсти. Свободное платье того же цвета. Под ним угадываются кружевные трусики и бюстгальтер. (*И почему я на них обращаю внимание?*)

Широкие закрученные локоны равномерно покрывают голову. Кажется, бигуди сняла, а расчесаться забыла. Косметики тоже немного: подведены брови, тушь и помада.

– Ваше объяснение, – поинтересовался я, набирая имя.

– Что тут добавить? – пожала Альберта плечами. — У меня иногда случаются носовые кровотечения. Сегодня днём во время экскурсии я почувствовала слабость, и после у меня обычно идёт кровь. Мы с Патрицией немного отстали от группы. А затем пришли солдаты и арестовали нас. Вот, собственно, и всё.

Я всмотрелся в лицо Альберты. Краткой речью девушка произвела впечатление. И не тем, что сказала, а как. Представьте королеву, решившую прикинуться, ну, скажем, птичницей. И одета, как простая женщина, и лицо измазано. Но попробуйте заговорить, и поймёте – беседуете не с той, кто всю жизнь проработал на ферме. Дикция, аура величия, само построение речи – выдают особу голубых кровей. Но почему решила влезть в шкуру обыкновенной девушки, и представиться невзрачной простушкой? Загадка. Кто же ты на самом деле, Альберта Таскани?

В анкете написано – художница. Гражданка Италии. Нигде не работает. Живёт на доходы от продажи картин. На банковском счету приличная сумма (приписка ручкой – в несколько миллиардов лир) – наследство покойного мужа, скончавшегося от инсульта. Возраст – двадцать семь. Есть пятилетняя дочь Мария. Альберта проживает на яхте и путешествует по всему миру. Недвижимость на Багамских островах.

В разделе хобби — *вся жизнь*. Оригинально. Хотя, ес-

ли подумать, так мог написать вполне счастливый человек. Кстати, жить на яхте моя детская мечта, к сожалению, так и не реализовавшаяся.

Стук в дверь отвлёк меня.

– Кто там? — спросил я, отрывая взгляд от экрана.

Створка приоткрылась, и капитан Бренер поманил меня пальцем. К собственному удивлению, я даже обрадовался, что появилась возможность отдохнуть от женского общества.

А, кроме того, надеюсь, начальник службы безопасности облегчит мне жизнь и скажет, что девушек можно отпустить. И я, (наконец?), расстанусь с ними. С прекрасным полом лучше иметь дело в иной обстановке, а не в тесной полицейской камерке и, желательно, не со столь большим количеством.

– Сейчас вернусь, – сказал я дамам и, заметив настороженные взгляды, ну не мог удержаться, чтобы не закончить шуткой: – А вы, пожалуйста, не расходитесь.

На мою плоскость дамы ответили презрительным молчанием. И я трусливо сбежал, чтобы не потерять таявшее самоуважение.

Капитан Генри Бренер образец бравого солдата. Форма, состоящая из голубой сорочки с офицерскими нашивками и тёмно-синих брюк, не имеет лишних складочек. На голове армейский ёжик, подбородок чисто выбрит, тело бугрится мышцами.

– Лейтенант, у нас криминальный случай, – капитан вмиг развеял лелеемые надежды. — Ты хорошо знаешь маршрут экскурсий?

– Естественно.

– Так вот, в шестом корпусе на третьем этаже найден труп мужчины.

Вот так жизнь иногда преподносит неприятные сюрпризы. И я ощутил, как сердце забухало в груди.

– Женщин задержали в том же здании, – напомнил Генри. Властные глаза Бренера смотрят на меня сверху вниз с выражением голодного хищника. У него, как и у арестованных девушек, больше двух метров роста.

– У тебя шесть подозреваемых в убийстве, – продолжил Бренер. – Если сможешь, расколи. Но, сомневаюсь, что удастся. Ты ведь не следователь. Далее. Я ещё не докладывал начальству о преступлении. Час сорок минут до закрытия музея. После вынесем труп. Советую пойти и осмотреться. Рапорт писать тебе. Ну, а остальное, сам знаешь, по инструкции. Я пришлю ребят, чтобы помогли в случае необходимости.

– А Рефус..., – невольно вырвалось у меня имя напарника, на кого думал переложить часть работы. Но тут же понял – здесь Ферреро не помощник.

Бренер не отреагировал на мою реплику. Не попрощавшись, с озабоченным лицом капитан развернулся и ушёл, оставив меня наедине с собственными мыслями. Впрочем, я

даже рад хоть ненадолго побыть в одиночестве.

Пару минут я простоял в раздумье возле своего офиса, если так можно назвать миниатюрный кабинетик, где едва умещаются стол и несколько стульев, занятых сейчас девушками. Подозреваемыми в убийстве – поправил я себя, и тут же вернулся к реальности. Капитан прав – нужно осмотреть место преступления. Но сначала необходимо закончить беседу с задержанными.

Полный решимости, я толкнул дверь и увидел беспорядочное движение. Мельтеша, как молекулы под микроскопом, девушки устремились к стульям. Я понимаю – дамы нервничают. А ещё хочется размяться. Любому не с руки сидеть в крохотном помещении, да ещё тесно прижавшись плечом к соседу. Но я успел заметить – одна девушка выскользнула из-за стола. И сейчас поведение задержанной выглядит подозрительно.

– Что вы там делали? — грозно спросил я у Гетти.

– Ну-у, не руга-айтесь та-ак, лейтена-ант, – закатила девушка очаровательные глазки. — Та-ам па-апра-асторнее. Вот и всё.

Подойдя к столу и взглянув на экран, я увидел, что девушка пыталась войти в базу данных, защищённую паролем.

Я сел и укоризненно посмотрел на красавицу. Вот и подозреваемый номер один. А Гетти продолжает невинно строить глазки, словно ничего и не случилось.

Эпизод стоит запомнить. Часто люди выглядят обманчи-

во. Я и не подумал бы, что красавица станет взламывать комп.

Теперь я озабоченно смотрю на девушек. Ведь одна из них убийца. А если передо мной банда подготовленных киллеров? Нужно с красотками держаться настороже.

– Давайте закончим наше знакомство. Представьтесь, кто вы и откуда, – посмотрел я на девушку, сидевшую у стены под одним из торшеров, освещающих кабинет.

Распущенные длинные русые волосы доходят едва не до пояса. Немного косметики на лице, дающей видимость жизни тусклой индивидуальности. Бюст облегает чёрный корсет со шнуровкой, опускающейся от лифа вниз до пупка. На бёдрах джинсовая юбка, сантиметров на пять закрывающая ноги сверху. Поверх неё широкий кожаный пояс с большой пряжкой, инкрустированной разноцветными камешками. На ногах высокие чёрные гольфы до колен. Туфли того же цвета на тонкой металлической шпильке.

Девушка хотя и не обделена, я бы сказал, классической красотой, но выглядит обыкновенно. Этаким гадкий утёнок с некими перспективами. Но я почему-то сомневаюсь, что однажды станет прекрасным лебедем. Чего-то в ней не хватает. Может, желания жить?

– Лесиль Файертрап, – представилась девушка низким голосом. Если б не смотрел, решил бы, говорит юноша. — Что дальше? А, да. Работаю фотомodelью. Живу там, куда приглашают. Облетела весь мир.

Выходит, ошибся. Передо мной прекрасный лебедь на отдыхе. Никогда не подумал бы, что девушка натурщица. Какая-то она серенькая, будто мышка. Конечно, фигурка идеальная, ничего не скажешь. Законные 90 — 60 — 90 на месте. Но, на мой взгляд, Лесиль больше походит на продавщицу бутика, торгующего дамским бельём.

Я открыл анкету, и нашёл ссылки на известные журналы, с кем работала Файертрап. В строке о личном состоянии указана цифра с пятью нулями британских фунтов. Думаю, здорово так жить — путешествуя по миру, развлекаясь и зарабатывая. Можно лишь позавидовать.

Лесиль двадцать шесть. Родом из ЮАР. Хобби — позировать. Значит, ещё одна счастливая особа. Живёт, как нравится, и занимается любимым делом. На преступницу не похожа. Но разве можно судить о личности по внешности? Сам вот ошибся, глядя на девушку.

— Последний вопрос? — напомнил я.

— Какой? Ах, да. Я, ну, в общем, искала дамскую комнату. А тут прибежал солдат, и давай кричать. Я говорю — у меня неприятности, а тот выдаёт нравоучения. Я заявила, что не могу терпеть....

Лесиль оборвала себя, видимо, смутившись.

— Кто у нас остался? — я обвёл взглядом приунывших девушек. — Ну? Почему молчим? С кем мы ещё не познакомились?

— Со мной, — отозвалась вторая слева красавица. Подня-

ла руку, будто школьница на уроке, и приветствовала меня дежурной улыбкой, с какой продавцы встречают покупателя. Вот кого я назвал бы фотомodelью, и даже киноактрисой. Яркая аура красавицы так и притягивает взгляд.

Портрет очаровательной незнакомки. Лицо загорелое, источающее заразительное женское обаяние. Причёска с оригинально уложенными косами – идеальная, словно только от стилиста. В ушах то ли серёжки то ли клипсы в форме закрученных спиралек, с привешенными конскими хвостиками.

Мечта одинокого мужчины. И столь же опасна, как и привлекательна. Ведь одна из подозреваемых. От пристального взгляда красотки с самого начала я чувствовал себя напряжённо. Кажется, девушка, словно рентген, видит меня насквозь, и старательно пересчитывает косточки.

– Представьтесь, – сказал я, рассматривая красавицу. На ней коротенькое бледно-жёлтое платье без рукавов. Зато с большим вырезом на груди, позволяющим разглядеть соблазнительные верхние половинки. Снизу пылливому мужскому взору открываются точёные коленки хозяйки. Довершают наряд золотые босоножки и под цвет платья сумка – хобо с цепочкой в качестве ремня.

Девушка производит впечатление целеустремлённой личности, привыкшей всё делать по-своему. В меру капризная, знает себе цену и умеет получать от жизни необходимое. Не удивлюсь, если окажется, что у неё капитал, доставшийся

от многочисленных поклонников.

– Ядвига Малиновски, – с достоинством представилась красавица. Говорила с едва заметным акцентом. Судя по фамилии – полька.

– Мне продолжать? — спросила после небольшой паузы. Не в силах оторвать зачарованного взгляда, я откровенно пялился на девушку. Когда Ядвига говорит, на щеках играют маленькие ямочки, а кончик носа слегка двигается в такт движению губ.

– Да-да, – словно проснулся я через несколько секунд. *И о чём думаю? Тут дело об убийстве, а я разглядываю красавиц.* Но здравые мысли почему-то надолго не задерживаются в голове.

– Работаю журналистом, – заявила Ядвига, и я ощутил холод в глубине души. *Прессы ещё не хватало.*

– Здесь я в служебной командировке по заданию редакции журнала «Мир», – продолжала Малиновски. — Я должна написать статью об Атлантиде. Вы же знаете, за последний год посещаемость ковчега побила всевозможные рекорды. Ни один музей Земли не может похвастать таким потоком туристов, даже несмотря на высокую стоимость билетов....

– Да-да, – кивнул я, прерывая словоохотливую корреспондентку. — Но вы ещё не рассказали, почему отстали от группы.

– По-моему, и так понятно, – затараторила Ядвига. И у ме-

ня создалось впечатление – под болтливостью девушка пытается скрыть напряжение. — Мне хотелось немножко побыть в одиночестве, чтобы ощутить душу города. В толпе вдохновения не найдёшь. А творческой натуре для написания текста нужно уединение и....

– Разве вам не говорили, что отставать от группы нельзя? – прервал я словесный поток Ядвиги.

– Да, но....

– А вы не подумали, что правила не зря написаны? И на то есть причины. Несколько раз, отстав от группы, люди терялись. Ведь музей большой, а туристам показывают лишь часть территории. А однажды наши сотрудники не успели вовремя отыскать заблудившуюся старушку, и та скончалась.

Девушки внимательно смотрели на меня, словно на лектора, и я ощутил вдохновение на пространную речь.

– Как вы заметили, у нас большая посещаемость. Чтобы безопасно принять всех желающих, и написаны строгие правила. А вы их нарушили, и теперь сидите и ухмыляетесь, мол, пристали к вам с такими пустяками. Девушки, вы не соблюдали установленный порядок. За ваши действия предусмотрены штрафы, о чём вас предупреждали руководители групп.

– Сколько? И давайте забудем наши разногласия, – Патриция деловито открыла сумочку.

– Тут оплачивать не нужно, – осадил я несносную интел-

лектуалку. — На ваши адреса придут постановления суда.

— Тогда почему вы нас задерживаете? — за всех спросила Пепе.

Законный вопрос. Но я ещё не решил — объявлять женщинам, что подозреваются в убийстве, или нет? По закону я должен поставить задержанных в известность, поскольку те официально являются арестованными. Но, с другой стороны, я не знаю, как правильно вести дело. Никогда ещё не проводил таких расследований.

— Так что, лейтенант? — спросила Альберта. — Мы свободны?

Нет, я не могу отпустить задержанных. Убийство — серьёзное преступление. Но, с другой стороны, мне не хочется открывать девушкам тайны следствия.

По закону я имею право задержать туристов на сутки. Мне нужна фора во времени, чтобы до начала официального расследования, когда дамочки станут истеричными голосами вызывать адвокатов, отсеять случайных нарушителей порядка от тех, кто мог оказаться замешанным в преступлении. Я объявил женщинам, что они задержаны.

И тут началось. Дамы едва не растерзали меня, доказывая собственную невиновность, и заявляя, что я сексуальный маньяк и маразматик, помешанный на законе. А ведь я лишь хотел помочь девушкам выпутаться из скверного положения. В дело пошли кулаки, сумочки и даже ногти. Благо, торшеры оказались тяжёлыми, а стулья привинченными друг к другу.

Иначе, думаю, и те обрушились бы на мою бедную голову.

Явившиеся по срочному вызову бойцы службы безопасности вызволили меня из женского плена, и буквально спасли жизнь. Правда, и им досталось. Злобных фурий пришлось утихомиривать, растаскивать по углам, и даже сажать на цепь – одевать наручники. Затем не на шутку развоевавшихся дам препроводили в карцер. А я остался зализывать раны — физические и душевные. Вот так и закончился мой самый первый в жизни допрос.

Глава 2.

Книга Анны Судьбиной

14—15 марта

– Группа 17—15 приглашается к стойке регистрации С, – гулким эхом разнеслось под сводами огромного терминала космопорта «Восточный». Тут же, словно маня за собой, на потолочном экране поплыли звёзды, а из динамиков полилась волшебная музыка фортепиано.

– Свершилось! — прошептала я в волнении, занимая место в очереди.

– О чём вы? — поинтересовалась незнакомка сзади.

– Лечу в космос! – я едва не прыгаю от радости.

– Поздравляю, – усмехнулась девушка. — Я тоже.

– Вы не понимаете, – возразила я, полуобернувшись. — Исполнилась моя заветная мечта. Я очень хотела попасть на ковчег. Открытие звездолёта в поясе астероидов шокировало меня.

– Не только вас, – ответила незнакомка. — А, полагаю, и всё человечество.

– Возможно. Но после того, как организовали космические экскурсии, для меня желание попасть на ковчег стало заветной мечтой. И вот сбывается.

– Посмотри вокруг — сколько людей. И каждый по той же

причине. Кстати, меня зовут Элен.

Лишь сейчас, вернувшись из мира грёз, я окинула девушку взглядом. Брюнетка примерно моих лет. Симпатичная, открытая и жизнерадостная. С такими людьми приятно находиться в компании. На ней клетчатые голубые джинсы и блузка с коротким рукавом в серо-белую полоску. Из косметики помада и тени. С собой пакет, видимо, с личными вещами. Как и у меня. Остальная поклажа, в соответствии с правилами, сдана в багаж.

– А меня Анна, – представилась я.

– Проходите, – раздалось сзади, и мы направились к ожидающим у входа сотрудницам космопорта.

– Здравствуйте, – дежурной улыбкой приветствовала одна из девушек в сине-голубой униформе и, взяв со столика пластиковый стаканчик, протянула мне. — Пожалуйста, коктейль.

– Спасибо, не хочу.

– Простите, но это особый напиток, – терпеливо пояснила девушка. — И обязателен для всех, отправляющихся в космос. Вы же не желаете испытывать дискомфорт. Правда, ведь?

Дискомфорт? С чего бы? И тут я заметила, что впереди идущие люди через трубочки потягивают напиток.

– Бери, – подтолкнула Элен, и протянула руку за пластиковым стаканчиком.

– Благодарю, — растерянно произнесла я и, не пони-

мая сути происходящего, залпом осушила ёмкость. Впрочем, фруктовый коктейль с привкусом ванили мне понравился, и добавил ещё несколько градусов приятного настроения. И в тот же миг я ощутила себя на вершине Олимпа.

– Проходите в салон, – поторопила сотрудница. – Ваша каюта номер восемь на третьей палубе. Следуйте за синим указателем.

Прямо в воздухе загорелась такая симпатичная фигурная стрелочка. Переливаясь и словно подмигивая, она поплыла вперёд, и я устремилась за ней.

– А ваш проводник зелёный, – сказала Элен другая сотрудница.

Я повернулась, но ничего не увидела.

– Пока, – улыбнулась новая знакомая и скрылась за поворотом.

– До завтра, – ответила я пустому коридору и, вновь ulовив мигание стрелки, направилась за ней.

А чудеса продолжают. Сделав несколько шагов по переходному коридору и оказавшись на борту космолёта, я обо всём забыла. Возникло ощущение, что попала в сказку. Всеми фибрами души я впитываю чарующее волшебство происходящего действия. И мне нет дела, что миллионы людей так же летали в космос. Это моя жизнь, и моя сказка.

Проходы не широкие, чтобы могли разминуться два человека. Везде металлические поручни. Стены покрыты мягкой тканью с мелким узором на бежевом фоне. На полу ков-

ролин. А потолок излучает приятное желтоватое свечение. Меня окружает всё самое новое и совершенное, и я не могу не восхищаться.

Удивительно, но пока шла по лестницам за стрелочкой, чувства притупились и эмоции улеглись, что не характерно для меня. Зато появилось желание спать. По зевающим попутчикам я поняла – в коктейль подмешали снотворное. А когда вошла в каюту, то мечтала лишь об одном – растянуться на койке и забыться во сне. Вот так и закончился первый день на корабле. Впрочем, подобным образом начинался полёт и для остальных космотуристов. А самое интересное впереди.

Утро второго дня полёта застало меня в крохотном отсеке, где с трудом разместилось бы два человека. Зато индивидуальном. Стены обтянуты жёлтой тканью. Вот зачем в анкете спрашивали о любимом цвете. Кстати, вчера я не заметила. Спинка дивана и пол нежно зелёные. Потолок даёт рассеянный свет. Здесь мило и уютно. И даже не верится, что в каких-то сантиметрах от меня космос.

Стартовые неприятности прошли, когда я спала. Вот для чего снотворное. Зато теперь ощущение невесомости буквально окрыляет. И я, отбросив путы, удерживающие меня на кровати, тут же воспарила, представляя себя ангелом.

Именно так мы летаем во снах. Здорово!

– Доброе утро! Корпорация «Древний ковчег» приветствует вас, – раздался из динамика приятный женский голос. — Поздравляем с успешным выходом в космос. Мы отделились от Земли на семь тысяч километров, и космолёт продолжает набирать скорость. А сейчас несколько советов, чтобы вы комфортно чувствовали себя на корабле.

Я внимала инструкциям, паря в воздухе. Потрясающее ощущение.

– Хочу напомнить, — продолжала девушка, – в невесомости нет доступа к открытой воде. Если вы испытываете жажду, можете воспользоваться прозрачными тубиками в стенном шкафу. А в цветных – напитки и коктейли. На этикетках указано содержимое.

Напротив кровати прямо в стене открылась панель, и я увидела целую коллекцию закреплённых ёмкостей. Собираясь в полёт, я просмотрела учебный фильм, и теперь имею представление, о чём говорится.

– Если отодвинуть следующую панель, – вещала диктор, – вы сможете достать эллиптический велотренажёр. Напоминаем, вам необходимо каждый день заниматься в соответствии с разработанной программой. Для организма неделя в космосе без привычной гравитации настоящий стресс. Наше тело начинает деградировать. Наблюдается потеря костной ткани и кальция, попадающего в кровь. А ведь нам после двух недель в космосе предстоит вернуться на планету....

Так не хочется сейчас думать о возвращении на Землю, ведь полёт только начинается. Но, организаторы правы, и заботиться о здоровье нужно постоянно.

— А теперь вы должны научиться передвигаться по салону в космических сапожках, — провозгласила девушка. — Конечно, парить восхитительно. Но вы скоро убедитесь, что летать среди других людей неудобно. А сейчас протяните руку и достаньте из-под ложементов обувь, приготовленную специально для вас.

Я попыталась. Но сейчас парю в метре над постелью, и не могу дотянуться до пола. Вот так фокус. И что же теперь? Я вспомнила фильмы о космонавтах. Те летали по кораблю, отталкиваясь от стен. Значит, и у меня получится. Кувырок, ноги отталкиваются от потолка и я на ложе.

А затем я обучалась ходить в сапожках. Такое непривычное и смешное занятие. Чувствуешь себя младенцем, делающим первые шажки. Когда ставишь ногу на пятку, включается магнит, и тебя притягивает к полу. Создаётся впечатление, что ты по-прежнему на Земле. Перекатывая ступню, опираешься на пальцы, и нога легко отрывается от пола. Кажется, ничего сложного. Но ведь нужно привыкнуть. К тому же в невесомости совсем не чувствуешь веса тела, и создаётся впечатление, что ты бестелесная душа. К чему тоже надо приспособиться. В общем, мне потребовалось около получаса, чтобы освоиться с сапожками. Зато позже я чувствовала себя намного уверенней.

Итак, вторые сутки полёта. День привыкания к новым условиям жизни, знакомств и налаживания взаимоотношений. После завтрака нас пригласили в центральный отсек. Двери сами открылись, и экскурсанты в одинаковых белых сапожках дружно высыпали в коридор. По походке сразу видно прилежных учеников. А лентяи, наслаждавшиеся парением в невесомости, теперь смешно хромают.

Элен – жизнерадостная и улыбающаяся, выпорхнула из каюты одновременно со мной. Как и вчера, в клетчатых брюках и блузке в серо-белую полоску. Впрочем, и я осталась в короткой джинсовой юбочке и голубой тенниске.

Обменявшись приветствиями, мы направились за другими туристами, и оказались в уютном круглом салоне. На полу зелёный ковролин с длинным ворсом. Свет исходит с потолка. Стены обтянуты мягким белым материалом с абстрактным узором. По контуру отсека сплошной диван.

Заняв места, мы с интересом рассматриваем друг друга, ведь оказались впервые так вот рядом. На многих спортивные костюмы, поскольку удобны в пути.

– Здравствуйте. Разрешите от себя лично и от имени корпорации «Древний ковчег», приветствовать вас на борту нашего корабля, – обратился к нам приятный мужчина, поднявшийся с дивана. Ему около пятидесяти, но выглядит стройным и подтянутым. И даже залысина не портит. На нём форменная одежда сотрудников корпорации – голубая тенниска с бейджем и синие брюки.

– Давайте знакомиться, – с улыбкой продолжил мужчина. – Впереди нас ожидают две недели волшебного путешествия. Шесть дней полёта туда, и столько же обратно. Три часа на экскурсию по древнему ковчегу. Что, согласитесь, не так уж и мало. Хочу заметить, вас ожидают удивительные дни. Поверьте, я знаю, о чём говорю. Многие стремятся попасть в космос. И вот, мы здесь, с чем вас и поздравляю.

Кто-то захлопал в ладоши, и тут же присоединились остальные.

– Итак, – продолжил мужчина. — Я – руководитель вашей группы, и любые вопросы решаются через меня. Таковы правила компании, о чём вас уведомили на общем первоначальном инструктаже. На корабле сейчас находится сорок туристов. По десять в каждой группе. Шесть членов экипажа. Думаю, с ними вы не увидите. И ещё четыре ваших заботливых гида. Итого, пятьдесят человек.

Меня зовут Сергей Каварин. С самого начала, как организовали космические экскурсии, я работаю в корпорации «Древний ковчег» в качестве руководителя группы. Сейчас вы мои подопечные, и я постараюсь, чтобы вы не скучали. Кто-то из вас уже летал к поясу астероидов?

– Нет, – присутствующие дружно завертели головами.

– Хорошо, – кивнул Сергей. — Значит, никто не уличит меня во лжи, если я привру для красного словца.

Мы рассмеялись. Напряжение, обычно возникающее среди незнакомцев, развеялось, и беседа продолжилась в дру-

жеском кругу.

– Ну, а теперь ваша очередь, – улыбнулся Сергей. – Каждый из вас должен немного рассказать о себе, чтобы мы комфортнее чувствовали себя в окружении товарищей.

Я с интересом присматривалась к спутникам. Работая преподавателем, я научилась читать лица, и новые знакомые мне понравились. Конечно, нельзя по первому впечатлению судить о людях, но оно много значит. И тут выяснилось, что группа сформирована в основном из представителей русскоязычных стран. У нас лишь одна семейная пара из Владивостока — Иван Воронин сорока лет с женой Ириной. Миловидная Елена Жорина с пятнадцатилетним сыном Ильёй из Белоруссии. Остальные, как и я, путешествуют одиночками. Врачу Анджеле Солнцева до тридцати. Строгая женщина с точёными чертами лица и с причёской каре до плеч из Казахстана. Терлецкая Лида – восемнадцатилетняя студентка с радужными волосами из Воронежа. Двадцатипятилетний Виталий Опарин — учёный-изобретатель из Армении. Купил тур в космос за первый внедрённый патент. Симпатичный молодой человек с лёгкой небритостью, но впавшей грудью и в очках с металлической оправой.

А когда встал последний мужчина, я словно получила удар током.

– Меня зовут Борис Корсак. Мне тридцать пять лет...

Мой ровесник. Сдержанный, аккуратный, с короткой стрижкой. Даже не знаю, что мне больше понравилось в нём.

Может, карие глаза и греческий профиль. Или манера говорить сжато, но конкретно. Да и обтягивающая мускулистый торс белая тенниска с тёмно-серыми брюками великолепно смотрятся на нём.

А ещё у Бориса нет спутницы, а на руке кольца.

– Не засматривайся, – подмигнула Элен. — Парень занят.

Подруга выступала чуть раньше. Мы обе из Санкт-Петербурга, и похожи, будто сёстры. У неё, как и у меня – серо-голубые глаза, слегка вздёрнутый носик, заострённый подбородок и тёмные волосы. Но мои до плеч, а у неё мальчишеская причёска. Элен ровесница мне, и тоже одиночка. Но уже вдова. Муж погиб в автокатастрофе.

– Я живу в Симферополе, – рассказывал Корсак. – Работаю в технодолине инженером-конструктором в корпорации «Макрокосм».

Я тут же представила его в роли научного сотрудника у пюпитра с чертежами, либо сидящим за компьютером.

Борис стоит напротив и, кажется, смотрит лишь на меня. Возможно, и нафантазировала, поскольку я неисправимый романтик. Но мне нравится так думать. А почему бы и нет? Кто холостой женщине запретит мечтать?

А едва встретившись с Борисом взглядом, я поняла – между нами возможна любовь, и сердечко так сладко затрепетало.

– Вот и познакомились, – сказал наш руководитель, вставая. — Мы каждый день будем здесь встречаться, и вы узна-

ете много интересного. А сейчас небольшой экскурс в историю. Не возражаете?

– Расскажите, как всё начиналось, – попросил Корсак. — Я имею в виду открытие ковчега.

– Борис, – улыбнулся Сергей, – вы предвосхитили моё вступление. Отсюда я и собирался начать.

Каварин обвёл группу взглядом и спросил:

– Возражений не будет?

– Нет. Рассказывайте, – за всех ответил Иван.

– Хорошо, – кивнул Сергей. – В мире существовало множество гипотез и фантастических версий – как человечество встретится с внеземным разумом. Но жизнь преподнесла сюрприз. Такого развития событий, по-моему, и не предполагалось.

А дело обстояло так. После выхода на орбиту Марса, космические рубежи землян раздвинулись. Появились новые технологии, и люди всё больше удалялись от родной планеты. И со временем приблизились к астероидному поясу, кружащему по орбите между Юпитером и Марсом. Существует множество научных теорий, объясняющих возникновение столь удивительного космического явления. По одной из версий, это останки планеты Фэтон. Помните греческую легенду?

Одни, улыбаясь, кивали, другие отрицательно качали головами. И я из числа последних.

– Я расскажу, – продолжил Сергей. — Однажды Фэтон –

сын бога солнца Феба – попросил отца прокатиться на колеснице, запряжённой огненными конями. Уступая горячему юноше, тот согласился. Но жеребцы понесли, не разбирая дороги. Земля горела, небеса сотрясались, жизнь погибала. И тогда громовержец Юпитер поразил колесницу молнией, и мир вернулся к привычному существованию. Интерпретируя легенду, учёные сделали вывод, что гигант Юпитер притянул Фэтон мощным гравитационным полем и разрушил. И сейчас на небе мы наблюдаем останки погибшего космического тела.

Имеется ещё одна версия. Но, менее поэтичная. Если посмотреть на Марс, видно, что планета ассиметрична. Южное полушарие будто срезано, и уровень поверхности заметно понижен. А на другой стороне Марса самые большие в солнечной системе вулканы. Учёные полагают, наш красный сосед однажды столкнулся с огромным метеоритом. От мощнейшего удара часть коры оторвалась и улетела в космос, образовав пояс астероидов. Называемый так же Кованым Браслетом. А на другой стороне Марса возникли гигантские вулканы. Самый большой из них – Олимп, достигает в высоту 21 километр, а в диаметре около 540.

– Но существуют и иные версии, – сказал Борис.

– Да, – кивнул Сергей. – Имеются и другие теории происхождения астероидного пояса, со своей убедительной аргументацией. Но не будем же мы каждую перечислять. Космические ведомства и учёные всего мира пытаются разобрать-

ся, что же произошло в данном регионе миллиарды лет назад. Но так и не выдвинули теории, отвечающей на все вопросы.

А теперь вернёмся к нашей теме. Во время изучения астероидного потока учёные обнаружили удивительный космический объект идеальной формы в виде эллипса. В диаметре чуть больше шести километров. А в поперечнике до двух.

– Ого, кораблик, – ахнула Элен.

– Как известно, в природе ничего не имеет правильных очертаний, – вдохновенно продолжал Сергей. – Не может существовать астероид идеальной формы в потоке, где огромные каменные глыбы постоянно сталкиваются и разрушаются. Но если допустить гипотетическую возможность подобного эллипса, то следует отметить – других таких объектов нет.

Данный псевдо астероид и стал настоящей сенсацией. К нему направили зонд. И тогда исследователи обнаружили, что тот имеет полость внутри. А судя по спектрограмме изготовлен из железа такой высокой пробы, что на Земле получить невозможно.

– Вот это да! — выдохнул Илья, наш пятнадцатилетний спутник.

– Образец подобного металла обнаружен в Техасском молотке, – продолжал Сергей. – А в Индии стоит железная колонна семи метров высотой и весом в шесть с половиной тонн, входящая в состав архитектурного ансамбля Кутб-Ми-

нара.

– Там ей поклоняются, как святыне, – добавил Борис. И я снова посмотрела на него. Мне нравятся эрудиты.

– Прошло больше сорока лет после открытия эллипсоида, – рассказывал Каварин. – И с тех пор статьи о космическом объекте не сходят с газетных полос. Неизвестно, как продолжалось бы исследование внеземелья, если бы не эта грандиозная (а по-другому и не скажешь) находка, буквально перевернувшая нашу цивилизацию, и подтолкнувшая развитие космической промышленности.

Мы заворуженно внимали. Борис прав – интересно слушать человека, непосредственно работающего в космосе. Едва подумав о нём, я бросила взгляд на Корсака. И, о чудо, наши глаза встретились. Мужчина улыбнулся, а я поплыла от взывавших эмоций, и поспешно отвернулась.

– Изучив данные, полученные с зондов, – продолжал Сергей, – космическое агентство России отправило к астероидному потоку корабль с людьми. И те выяснили, что древняя техника работает исправно.

А чудеса лишь начинались. Внутри полого искусственного тела космонавты обнаружили самый настоящий город с домами, улицами, даже с замёрзшим озером и реками. Угадывались следы парков. Вот так и открыли Атлантиду.

– Интересно, кто дал название кораблю? — спросила Ирина. Женщина лет сорока с крашенными под блондинку волосами. На ней трикотажное платье с геометрическим орна-

ментом.

– Учёные исходили из того, что ковчег, возможно, доставивший на Землю космических переселенцев, является прообразом наших городов. А самое известное древнее поселение – Атлантида. К тому же, планировка на корабле во многом совпадает с легендарным островом в описании Платона. Так и возникло название.

А самое потрясающее открытие ещё ожидало своей очереди. Представьте, когда люди начали исследовать внутренности ковчега – многие предпочитают так называть космический артефакт, ввиду колоссальных размеров – включилась аппаратура. Небо осветилось, температура поднялась, растаяла вода, и город наполнился воздухом, пригодным для дыхания.

– Выходит, ковчег в законсервированном виде ожидал возвращения хозяев, – резюмировал Борис.

– Получается, так, – кивнул Сергей. – И люди, оказавшись внутри, своим появлением запустили режим оживления.

– Значит, строители ковчега относились к гуманоидам, если на наш биологический вид так отреагировала аппаратура? — поинтересовался Борис.

– Возможно, – улыбнулся Сергей. — К сожалению, мы пока не знаем ответа на данный вопрос. Но давайте по порядку. И вы получите всю доступную информацию о ковчеге.

Итак, сперва Атлантиду исследовали лишь учёные. Но позже сюда подключились коммерческие структуры. Для

изучения космического объекта внеземной цивилизации, расположенного далеко от Земли, требуется много денег. Вопрос – где взять средства? А в те времена – сорок лет назад, на один перелёт к ковчегу уходил год и миллиарды рублей.

Но люди не могли бросить артефакт, даже не смотря на дороговизну исследований. Есть мнение, что Атлантида – космический Ноев ковчег, спасший людей от великого потопа. И сюда же в разные времена попадали библейские пророки, оставившие нам описания в так называемых видениях. Тот же Илья и Енох.

Многие исследователи придерживаются гипотезы, что ковчег – жилище богов, некогда окультуривших вид homo sapiens, либо доставивших наших предков сюда из другой системы. Но, в качестве рабочей принята версия, что корабль – раритет древней цивилизации нашего космического соседа.

– Вы имеете в виду Марса? – поинтересовался Илья. — Но почему?

– На то есть причины. И даже косвенные подтверждения. Когда Атлантида ожила, люди получили представление о родном мире хозяев ковчеге. Нависающая над городом внутренняя поверхность корабля — небо – оказалась не привычно голубой, а желтоватой. Воздух слегка разрежен, как на Земле высоко в горах, и с той же плотностью. Учёные полагают – такие небо и атмосфера были на Марсе до того, как его изрешетил метеоритный дождь.

– Значит, на Марсе тоже жили люди? — опять Илья.

– Предполагается, на четвёртой планете существовала жизнь. Следы бурных рек можно увидеть и сейчас. В нескольких сантиметрах под поверхностью Марса обнаружена замёрзшая вода. И звездолёт в поясе астероидов вполне мог быть современником той эпохи, когда на красной планете, как сейчас на Земле, жили разумные существа. Иначе вообще, откуда взяться здесь кораблю?

Далее, по мнению учёных, события развивались так. После сильного метеоритного удара, разрушившего планету, марсиане перебрались на терраформированную к тому времени Землю.

– Спорная гипотеза, — заметил Иван.

– Безусловно, – не возражал Сергей. — Предлагаю вам придумать логическое объяснение, почему ковчег остался без хозяев в таком отдалении от населённой планеты Солнечной системы. Не отрицаю, есть противники изложенной теории, приводящие вполне убедительные доводы. Но традиционная наука выбирает за основу простую гипотезу.

– Как же, простую, – воскликнул Илья. Но парня тут же одёрнула мать.

– Время идёт, – продолжил Сергей, – но вопросов, по-прежнему, много. Чтобы не останавливать изучение удивительного артефакта, к проекту «Древний ковчег» привлекли коммерческие структуры. Десять лет назад учёные создали корабли, способные доставлять людей к поясу астероидов, и вот уже четыре года космический музей принимает тури-

стов.

Даже не смотря на огромную цену тура, желающих увидеть ковчег оказалось так много, что корабли по маршруту Земля – Атлантида – Земля теперь летают постоянно. Каждый день из космопорта Восточный стартует двадцать четыре космолёта. Запускали бы и больше, но есть пределы. С возросшим количеством рейсов не успевали бы справляться наземные службы. Да и те, что работают на корабле. Организация туров не простое мероприятие. Представьте – в корпорации «Древний ковчег» для безопасного функционирования системы задействовано до полумиллиона служащих. Поэтому с Земли успевают запускать лишь по одному челноку в час.

– А вы постоянно живёте в космосе? – скромно потупив глаза, поинтересовалась Лида.

– Нет, – усмехнулся Сергей. – Честно, я бы не выдержал. Полёт в космос для организма настоящая шокотерапия. Вы знаете, не каждому удаётся пройти медкомиссию. Безусловно, конструкторы хорошо потрудились для нашей безопасности. Тут и защитный кожух, и особые материалы, задерживающие космическую радиацию. Но есть норма, которую превышать не стоит. Впрочем, на пляже ведь тоже нельзя долго загорать – обгоришь.

Мы рассмеялись.

– Я вижу, немного утомил вас лекцией, – заметил Сергей. – Поэтому хочу сейчас прерваться. А в завершение от-

мечу – устройство экскурсий стало возможным, поскольку ковчег постоянно находится на одинаковом расстоянии от Земли.

– Как? – удивился Виталий.

– Корабль летит по орбите вокруг Солнца курсом, параллельным нашей планете. Учёные до сих пор ломают голову над данной загадкой. А кое-кто считает такое положение доказательством, что Атлантида – жилище древних богов Земли, издали следивших за подопечными на третьей планете. И отсюда дававших указания, к примеру, Моисею. Но куда делись обитатели корабля, теория не объясняет.

Мы обсудили ещё несколько бытовых и организационных вопросов. И на том утренняя встреча завершилась. Сергей прав – мы немного устали. А ещё хочется вернуться в каюту и насладиться парением в невесомости.

Когда мы расходились, в дверях я столкнулась с Борисом. Корсак с улыбкой извинился и пропустил меня. А я ощутила, как учащённо забилось сердечко. *Вот бы познакомиться с ним поближе.* Но я боялась думать о любви – в моём представлении чем-то прекрасном и возвышенном. А из-за жизненных неудач, казавшимся мифом.

Глава 3.

Книга Ника Уралова

16 марта

С высоты шестого этажа сорок восьмого корпуса просматривается вся Атлантида. Едва попав сюда, понимаешь – ковчег создан нечеловеческим разумом. Ведь постройка корабля, способного путешествовать, наверное, между звёздами, не по силам нашей цивилизации.

Сверху город похож на огромное колесо со спицами. Четыре реки, сходящиеся у центрального озера, делят Атлантиду на такое же количество частей. Сто два мостика, переброшенные через водоёмы, отстоят друг от друга на пятьдесят метров. И каждый имеет оригинальную конструкцию. Причём геометрический рисунок перил не повторяется.

В центре ковчега остров, увенчанный великолепным ступенчатым дворцом, напоминающим пирамиды мезоамерики. Через каждую четверть города проходит по две магистрали. Если сложить образовавшиеся сегменты, получается, в Атлантиде двенадцать секторов.

Кажется, никогда не прискучит любоваться восхитительными пейзажами. Я тут четыре месяца. И хотя не слишком эмоционален, но по-прежнему восторгаюсь красотой и безупречностью древнего творения. Учёные говорят – здесь

каждый элемент чётко просчитан, и потому возникает ощущение удивительной гармонии.

К сожалению, некогда любоваться городом. Надо осмотреть место преступления до того, как труп отправят на Землю. Немного отдохнув после допроса, окончившегося дракой с женщинами, я по лестнице спустился на нижний ярус города, и направился к шестому корпусу.

Улицы Атлантиды напоминают земные. Вдоль них возведены дворцы от трёх до семи этажей самых разнообразных форм и комбинаций геометрических фигур: шаров, конусов, цилиндров, кубов и пирамид. Но каждое здание имеет оригинальный проект. Здесь вполне можно устраивать музей по архитектуре и дизайну. Единственный недостаток – Атлантида окрашена в серый цвет без каких-либо оттенков. И лишь вода, отражающая жёлто-голубые небеса придаёт городу особое мистическое сияние.

Внутри дворцы пустые. Но, тем не менее, пребывание среди их стен наполняет душу неким благоговением. Я порой ловлю себя на мысли, что нахожусь в райском месте. И вот почему. В Атлантиде четыре реки. Следуя библейским аналогиям, учёные назвали водоёмы – Фисон, Хиддекель, Гихон и Евфрат.

А ещё конструкторами древнего корабля тут заложен парк. К сожалению, после расконсервации клумбы так и не засадили. И остаётся лишь фантазировать о временах, когда тут зеленели деревья и кустарники. Возможно, имен-

но об этом месте с тоской вспоминали Адам и Ева, изгнанные, либо под каким-то предлогом отправленные на невозделанную Землю, где первые люди начали самостоятельную жизнь.

Я вышел на Седьмую магистраль и сейчас прохожу мимо последних групп туристов, наполняющих улицы праздным шумом. Скоро закрытие. Люди обращают на меня внимание. Я ведь в полицейской форме. Кое-кто даже машет руками. На лицах порой замечаю неприкрытую зависть. Да, знаю, многие с удовольствием поменялись бы со мной местами.

Но работать в космическом музее совсем не то, что приехать на экскурсию. У меня лишь один напарник – Рефус Ферреро. Жизнь напряжённая. Мы дежури́м через день. А то и чаще, когда приходится туго. Домой вернусь лишь по окончании контракта. Впрочем, не жалуясь. Внутри ковчега искусственная гравитация, хотя и слабее земной. Воздух тёплый, свежий и приятный, словно на Южном берегу Крыма. А служба, как и везде, одинаковая – ты должен исполнять возложенные на тебя обязанности.

– Ник, привет! – раздался знакомый голос, и я тут же обернулся.

Валерий Борисов служит в команде уборщиков. Как обычно, на нём форма подразделения – синий джинсовый комбинезон и голубая тенниска, обтягивающая мускулистый торс. Парень неплохо владеет различными видами борьбы. Мы иногда встречаемся на ринге и устраиваем бои. Не мо-

гу не прихвастнуть – ему редко удаётся одержать надо мной верх.

– Привет, – ответил я, пожимая руку Борису.

– Ну, что, встретимся сегодня на ринге? А то, слышал, тебе досталось. Непобедимого Николая Уралова избил девчонки. А какие шрамы. Да, парень, теперь нужно много заниматься, чтобы восстановить пошатнувшийся авторитет.

– Тебе лишь бы поржать, – отмахнулся я. Здесь невозможно что-то утаить. И я представил, как ребята весело судачат о копе Уралове, избитом девушками. Не сомневаюсь, мои косточки ещё долго будут перемывать, кому не лень.

– А, понимаю, ты надеешься, что теперь сможешь легко разделаться со мной, – поддел я извечного противника. – Кстати, девушки оказались посильнее тебя.

Товарищ ответил смехом. Валера парень весёлый, за что и нравится мне.

– Но спарринг на сегодня отменяется, – вздохнул я.

– А что так? Дамы нанесли мастеру душевную травму?

– Придётся сверхурочно поработать.

– Из-за убитого парня? – спросил Валера. И я мысленно даже присвистнул. Впрочем, как известно, шила в мешке не утаишь. Похоже, уже вся Атлантида знает о преступлении.

– Ага, – кивнул я и помахал рукой. – Я пошёл, спешу.

– А как на счёт партии в бридж? – спросил Валера у моей удаляющейся спины.

– Вряд ли, – ответил я на ходу. – Много работы. Наверное,

придётся задержаться допоздна.

– Так ведь день только начинается.

– Для тебя, – отмахнулся я. Команда уборщиков трудится в ночную смену, и у них сейчас раннее утро. – А по моим часам вечер. Счастливо оставаться.

– Пока, – ответил Валера, и заспешил в сторону озера.

Я расстался с Борисовым возле двадцать восьмого корпуса у траурной каймы. Тут всегда останавливаются экскурсанты, и гиды рассказывают драматическую историю – предостережение всем, кто желает принести людям благо. Для каждой личности истина и вера индивидуальны. Человек по натуре консервативен, трудно свыкается с переменами и стойко держится за привычные взгляды на жизнь, пусть и ошибочные. Хотя, если честно, ещё нужно определить критерии, дабы судить, что правильно или нет.

Не все на Земле с энтузиазмом приняли известие о корабле неизвестной цивилизации. Для всевозможных фанатиков, в том числе и религиозных, артефакт стал костью поперёк горла. Ведь сам по себе, одним лишь существованием, ковчег повлиял на нашу культуру. Из-за него коренным образом изменились взгляды людей на историю, и на место в мире.

Официальная доктрина нашей цивилизации предполагала человечество единственной разумной расой во Вселенной, сотворённой всемогущим богом, в общем, неведомым фантастическим существом. Ведь кто такой бог, никто не знает. Наука отвергает создателя. Но в то же время многие

учёные свято веруют и посещают храмы. Вот и доверяй им.

Но ковчег, построенный, возможно, тысячелетия назад, культурой, превосходящей нашу, изменил самосознание людей. Из единственных божьих созданий мы стали рядовыми жителями Галактики. К чему многие религиозные деятели отнеслись негативно. Ведь отток верующих из храмов больно ударил по казне. Священнослужители предали ковчег анафеме, и запретили прихожанам под страхом отлучения от церкви посещать корабль и смотреть фильмы о нём.

И вот почему я каждый раз с грустью вздыхаю, проходя здесь. До меня в музее служил лейтенант Том Берн. И тут встретил смерть.

Полицейский хотел остановить человека, выскочившего из группы арабских туристов. Я видел те события в записи. Мужчина в чёрном камисе с тубетейкой на голове и бородой, принялся кричать почему-то на английском, что всех убьёт. И кара Аллаха постигнет еретиков и безбожников, прилетевших в обитель самого дьявола, поклоняться нечистой силе. Берн пытался схватить террориста, но мужчина сам обнял полицейского, и активировал взрывное устройство.

Ковчег не пострадал, но лейтенант погиб. Тогда в корпорации и начали заполнять подробные анкеты для желающих попасть в космос. И включили такие графы, как: хобби, вероисповедание, образование, судимость. А для посадки в челнок, делавший рейсы по маршруту Земля – пояс

астероидов, проверяется сетчатка глаз. И так заблаговременно, ещё на космодроме, удалось предотвратить множество готовящихся терактов. А мораль истории такова – будь на чеку, и не рвись осчастливить человечество.

Вот и шестой корпус. Мне сюда. Центральная часть здания – полый цилиндр с лестничной шахтой, увенчанный эллипсообразным куполом. С двух сторон к нему примыкают четырёхэтажные пристройки.

Я вошёл в просторный холл и остановился у натянутой красной ленты, перекрывающей вход в башню. Сейчас здесь многолюдно. Но через несколько минут группа из одиннадцати человек покинет здание, и тогда я пойду дальше.

–Как вы заметили, – вещал экскурсовод, – мы посещаем лишь нижние ярусы, чтобы не утомлять вас ступенями. Кстати, для осмотра всего музея дня не хватило бы. Поэтому организаторы выделили лишь самые впечатляющие маршруты, продолжительностью в три часа. Безусловно, здесь имеется множество других помещений, куда по тем или иным причинам никого не пускают. Те либо расположены на верхних этажах, либо небольшие. Предполагается, хозяева ковчега использовали комнаты для личных нужд, и там, как правило, смотреть не на что.

Как видите, мы с вами находимся в холле, предваряющем вход в башню. Огромные во всю стену окна наполняют помещение светом. Большие проёмы наводят на мысль, что раса, построившая ковчег, любила жизнь и не боялась смотреть

в будущее.

– Или спецслужбы держали жителей под контролем, – сказал молодой человек в камуфляже с полоской очков на лице и армейской стрижкой.

– Такая возможность допустима, – кивнул гид. – Но, хочу отметить, на корабле не обнаружены помещения для содержания заключённых.

– Люди ведь не смогли проникнуть на нижние ярусы, – заметил тот же молодой человек. – А тюрьма должна находиться в стороне от жилой зоны. Может, внизу помещения завалены трупами.

– Ничего не могу сказать по данному поводу, – ответил экскурсовод, интонацией показывая, что желает закрыть тему. – Итак, если пройти в следующее помещение, напоминающее башню, то по ступеням, расположенным на внутренней стене, можно подняться на верхние этажи. Но туда проход закрыт. Отсюда видны расходящиеся в стороны коридоры пристроек нижнего яруса.

– А известно предназначение дворца? – поинтересовалась девушка. – Исходя из конфигурации зданий и расположения в общем архитектурном плане, должны же возникнуть хоть какие-то гипотезы.

– Увы. Мы можем лишь гадать, – ответил гид. – Здесь, как и по всей Атлантиде, пусто.

– Неужели от хозяев ничего не сохранилось? – та же рыжеволосая девушка.

Я усмехнулся. Опять слышу от посетителей одни и те же вопросы. И сочувствую гидам, отвечающим для тех, кто «в танке».

– Нет здесь ни мебели, ни приборов, вообще ничего, чтобы определить, какими были создатели ковчега, – ответил гид. – То же самое, что и в великих пирамидах Гизы – пустые комнаты, неизвестно кем и для чего построенные.

Но исследователи нашли объяснение, почему во дворцах ничего нет. В трёх зданиях обнаружены трансформеры, позволяющие изменять помещения. Хозяева, покидая корабль, аккуратно прибрались за собой.

– Лишь в трёх? – переспросил мужчина.

– Предполагается, такие системы имеются по всему ковчегу. Аналогичные выступы есть во всех сооружениях. Но не функционируют. Возможно, перед консервацией города хозяева забыли отключить здания. Вы же сами видели, сколько здесь дворцов.

– А мне нравится такая идея конструирования, – сказал один из туристов. – Съехал жилец, и одним нажатием кнопки убирается мебель. А новый постоялец создаёт дизайн, соответствующий внутреннему миру. Хочешь диван – пожалуйста, любой формы, какой пожелаешь, и расцветки. И не требуется нанимать противных носильщиков. Или поставь кресло, и возле него создай аквариум, куда можно запустить крокодила или дельфина.

Люди рассмеялись.

– Кстати, – сказал гид, – способность трансформеров создавать в помещениях бассейны различной величины, наполняющиеся водой с температурой в двадцать пять градусов, навела учёных на мысль, что обитатели ковчега могли быть не гуманоидами а, скажем, земноводными. Но не спешите делать сенсации. Я озвучил лишь одно из предположений, не имеющее веских доказательств.

С помощью трансформеров можно так же стенам придать любой цвет, и даже раскрасить в абстрактный узор. К сожалению, учёные не нашли фотообои с пейзажами иных планет.

– А жаль, – сказала рыженькая. – Мы смогли бы узнать, где жили создатели ковчега.

– Может, они не любили псевдореальность, – молодой человек в камуфляже.

– Одна из умных голов предположила, – снова гид, – что для создания пейзажей могла использоваться иная техника. Скажем, 3-D проектор, образующий полную иллюзию открытого пространства. И тогда не требуются фотообои....

Подобные беседы я выслушивал не раз, и отвлёкся, чтобы, как говорила журналистка, вжиться в обстановку. А когда группа покинула холл, я переступил канат, и по лестнице башни поднялся на третий этаж.

В музее на постоянной основе проживает и работает сто три человека. Естественно, мы знаем друг друга в лицо. Поэтому Михаил Верстов, охраняющий труп, воскликнул:

– Здравия желаю.

– И тебе привет, – ответил я,

Михаилу двадцать семь. В звании сержанта работает в отряде службы безопасности и облачён в сине-голубую форму. На голове армейский ёжик, ниже меня и без накачанной мускулатуры.

– Кто тебя? – спросил Михаил, имея в виду шрамы на лице.

– Поскользнулся, упал, очнулся – гипс, – ответил я шуткой.

– Тяжёлый случай, – усмехнулся Михаил.

– А где наш пациент? – спросил я, входя в комнату и удивляясь пустоте.

– Тело лежит, где и обнаружено, – указал сержант на угол у окна. – Приказано до твоего прихода не трогать.

– Правильно, – кивнул я. Затем достал планшет и, включив камеру, приступил к съёмке. – Можешь сказать, когда нашли тело?

– Сержант Танаки обнаружил труп в пятнадцать сорок, – доложил Верстов. – После задержания девушек мы начали обыскивать корпус, и наткнулись на тело. Как видишь, от входа не видно. Здесь прошло несколько солдат, пока сержант не додумался заглядывать за каждый выступ.

– Понятно, – кивнул я и посмотрел на второй экран планшета с текущей информацией о времени, температуре и так далее. Тело обнаружили больше часа назад. Точные данные

можно получить с камер наблюдения. – Труп кто-нибудь трогал?

– Насколько я знаю, сержант Танаки касался в районе шеи, чтобы определить, жив человек или нет. Поверхностно тело осматривал так же подполковник Рино, и подтвердил смерть. Но доктор не переворачивал убитого, чтобы ты мог зафиксировать положение. А ещё лейтенант Грин. Ты же знаешь, Бил эксперт. Пытался найти отпечатки пальцев, либо следы какого-нибудь вещества. Но, увы.

– Ясно, – выдохнул я, и присел у трупа, одновременно надиктовывая на планшет.

– Итак, передо мной тело мужчины примерно тридцати пяти лет в костюме тёмно-серого цвета. Под ним хорошо отглаженная белая рубашка. На ногах чёрные туфли, настолько идеальные, будто с витрины магазина. Что говорит о культуре человека. Аккуратная причёска с отблескивающими волосами. Наверно, делал укладку.

У пострадавшего интеллигентное ухоженное лицо. Я бы даже сказал холеное. Думаю, женщинам нравятся такие. Впрочем, как известно, после смерти тело меняется. Согласно религиозным доктринам, душа покидает бrenную оболочку. Но ведь именно она и наделяет личность своеобразностью. У близнецов, к примеру, идентичные тела. Но насколько же те бывают разными.

Труп лежит в неестественной позе. Я имею в виду, живой человек так не лёг бы, иначе у него от боли скрутило б

мышцы. Шея вывернута вправо, само туловище выкручено в иную сторону. По положению тела можно сказать, что упало сюда, будучи мёртвым.

– Не похоже, чтобы труп перетаскивали, – заметил Михаил.

– Согласен. А что о причинах смерти говорил доктор Рино?

– Не смог определить. Крови нет, явных следов порезов и уколов не обнаружено. Требуется вскрытие.

– Странное дело, – произнёс я задумчиво. – В музее, расположенном далеко от Земли, в помещении, огороженном от экскурсионного маршрута, обнаружен труп мужчины. Одновременно в других комнатах задержаны девушки, по разным причинам отставшие от своих групп. Как думаешь, Михаил, совпадение? Или часть плана блестяще выполненного преступления?

– Затрудняюсь ответить.

– Согласен, – выдохнул я, и продолжил диктовать. – Размышляя о женщинах, могу сказать одно – дамы выглядели естественно. Ничто меня не насторожило. Отличилась лишь Гетти Квин, пытавшаяся взломать компьютер. Что можно отнести к обыкновенной шалости. У юных дарований, едва увидят клавиатуру, прямо руки чешутся.

– Выглядит странным время событий, поскольку случились в один день, – заметил Михаил, – и, что удивительно, в одном корпусе – и девушки, и труп.

– А забавно будет, если в ходе вскрытия погибшего выяснится, что мужчина умер, к примеру, из-за банального инфаркта. Ну, переволновался человек после космического путешествия. А попав в музей чужого разума, и получив большую дозу эмоционального допинга, не выдержал и скопытился.

Я через день передаю на Землю информацию о событиях в Атлантиде, и знаю, что ни дня не проходит спокойно. В одной фантастической ленте говорится: «космический перелёт – это болезни и опасности в обёртке тьмы и безмолвия». И хотя длится шесть суток, не многие выдерживают нагрузку. Не зря же тут по последнему слову науки оборудован медицинский пункт, оснащенный даже реанимационной аппаратурой.

– Михаил, когда сержант Танаки обнаружил парня, вы не пробовали его оживить?

– Нет. Труп нашли окоченевшим, – ответил Михаил, чем озадачил меня. Выходит, смерть мужчины наступила, по крайней мере, за несколько часов до обнаружения. А значит, девушки, заблудившиеся в корпусе, не имеют отношения к убийству, ведь задержаны во второй половине дня. Но тело, после остановки сердца, должно пролежать гораздо дольше, чтобы достичь трупного окоченения. Нестыковка времени снимает с девушек подозрения. Впрочем, данный вопрос нужно уточнить у доктора Рино.

Наклонившись, я выпотрошил карманы жертвы. А вдруг

обнаружится посмертная записка, где мужчина признаётся, что осуществил заветную мечту – умереть на древнем корабле. Шутка, конечно, но мир полон удивительных событий.

– Из карманов погибшего я извлёк портмоне с пачкой рублей десяти тысячными купюрами, – продолжал я диктовать на планшет. – Ворох помятых бумажек с цифрами. Далее реклама музея и носовой платок. Не густо.

В присутствии сержанта я составил опись найденных вещей, пересчитал деньги и сложил в целлофановый пакет. Работа закончена.

Пока возился с трупом, голову занимали чисто профессиональные размышления. Я пытался составить психологический портрет жертвы. А так же понять, как мужчину убили. И, главное – зачем?

Но вот, покончив с делами, я перевёл дух и расслабился. И тут обратил внимание на... Даже не знаю, как сказать. Меня тянуло к распостёртому на полу телу.

Порой смотришь на что-то, и не можешь оторвать взгляд. А почему – не знаешь. Я несколько раз касался трупа, чтобы проверить, не жив ли парень, что после осмотра доктора Рино кажется глупым. Затем мне показалось, что знаю жертву. Но не мог вспомнить, где мы встречались. А ещё мне известно, что на шее у него родинка, как у меня. Но откуда знаю, хоть убей, не могу объяснить.

Думаю, я слишком увлёкся собственными исследованиями и странными, если не сказать нелепыми, ощущениями,

поскольку не заметил, как вошёл Бренер. А с ним четыре санитары.

– Осмотрелся? – с напором спросил капитан, будто обращаясь к подчинённому.

Вызывающий тон вывел меня из оцепенения.

– Да.

– Зафиксировал на камеру? – новый вопрос, и я почувствовал железную хватку профессионала. Так ещё и мной начнёт командовать.

– Да. Пусть забирают труп.

– Я связался с Землёй, – продолжил Бренер. Ох, и любит же быть главным.

Но я не перевариваю, когда мне указывают. И повернулся к выходу.

– Лейтенант, разве не интересно, какие поступили команды с Земли? – изумлённо спросил начальник службы безопасности.

– Для меня?

– Как предписано инструкцией, я связывался с руководством корпорации, – отчеканил Бренер. – Получено распоряжение в первую очередь выпроводить журналистку. Для неё делали визу на высшем уровне, и девушка не может быть замешана в преступлении. Ну, а с остальными разбирайся, сколько угодно. И ещё. Дирекция желает, чтобы информация об убийстве не просочилась раньше времени. Поэтому рекомендовано журналистку оштрафовать и, не упоминая

о преступлении, отправить на Землю.

– Понял, Генри, – кивнул я. У меня к нему претензий нет. Бренер настоящий специалист и выдающаяся личность. Столкнувшись с ним, невольно проникаешься уважением. А ещё капитан один из лучших бойцов, с кем мне доводилось сражаться. Встретиться с ним на ринге и выстоять хоть пару раундов удавалось не многим. И предвзятые судьи (поскольку из подчинённых Бренера) признали ничью.

Капитан на хорошем счету у руководства. Кстати, на ковчеге с самого первого дня экскурсий. Что удивительно. Ведь остальные служащие работают по контракту не более года. Порой Генри становится несносным, когда затрагиваются вопросы безопасности. Но, мне кажется, начальник и должен быть свербящей занозой для подчинённых, чтобы на вверенной территории царил порядок. Но иногда Бренер явно перегибает.

– Кстати, прежде чем отпускать журналистку, надо бы просмотреть записи с камер, – я вновь повернулся Генри. Служба контроля под его командованием.

– Я думал, ты не спросишь, – язвительно произнёс Бренер. – Не переживай. Я дал приказ операторам подготовить отснятые материалы.

– Отлично, – кивнул я, слегка уязвлённый, что не смог переиграть всезнающего капитана.

Бренер ушёл, как обычно, не прощаясь, и забрал сержанта Верстова. Санитары унесли тело. А я вместо отдыха напра-

вился в операторскую. Прежде чем отпускать журналистку, надо удостовериться, что девушка на самом деле невиновна.

Снова я на улицах Атлантиды. Последние группы туристов покинули ковчег, и сейчас здесь тихо и пустынно. Но мне нравится в одиночестве бродить по городу. Журналистка права – лишь оставаясь наедине с собой, постигаешь суть окружающего.

Хотя древний корабль «ожил», люди не получили доступ к энергосистемам и пульту управления. До сих пор учёные мужи пытаются разгадать тайны создателей ковчега. Но, как сказал один из руководителей миссии: человечество сможет проникнуть в секреты древних, когда само поднимется до их уровня.

Поэтому, чтобы привести в соответствие технологическое чудо нашего будущего с современной цивилизацией, и подключить аппаратуру, сюда доставили автономные электростанции. Генераторы разместили в дальнем от шлюза секторе, чтобы шумом не мешали туристам. Электричество для внутренних нужд музея так же частично вырабатывают солнечные батареи, установленные снаружи ковчега. А по всему городу протянули обыкновенные кабели. Вдоль них я сейчас и направляюсь к семнадцатому корпусу, где размещается операторская.

Глава 4.

Книга Ника Уралова

16 марта

– Этот лейтенант настоящий сексуальный маньяк.

Ого! Такое услышать о себе из уст дам не лестно. Я остановился за поворотом коридора, ведущего к арестантской камере, и стал невольным свидетелем беседы, не предназначенной для мужского уха. Но ведь каждому интересно, что говорят о тебе. Особенно женщины.

– Зыркает глазищами, как бычок на красную тряпку, – другой голос. – Ух, и от души я приложилась к наглой коповской физиономии.

Ага. Теперь ясно, кто автор болезненной шишки на лбу. Ну, я тебе припомню, уважаемая интеллектуалка, распускающая кулачки.

– Я заметила, в обслуживающем персонале одни мужики, – ещё один голос. – Вот и бесятся от скуки. Кому сказать – посажена в камеру за то, что отстала от экскурсионной группы. Да где видано, чтобы за такое приводили в участок? Вот увидите, лейтенант не просто так нас сюда посадил.

– Высокий, стройный, мускулистый, – новый задорный голос. – Проницательные карие глаза, волевой подбородок, густые чёрные волосы. Да ещё в форме. Наш лейтенант насто-

ящий мужик. С таким можно и позволить себе разного....

– А что? Мускулистый, подтянутый, симпатичный, – весёлый женский смех.

– Вам лишь бы мужиков пообсуждать, да зубы поскалить. Я имела дело с полицией. Офицер может выглядеть самой распоследней сволочью, или, напротив, как душка. Психологические трюки. Расслабишься, откроешься, а тебе пришьют дело, и тогда не отвертишься. Мне кажется, здесь что-то серьёзное. А мы оказались в неподходящем месте. Жаль, лейтенант быстро вернулся. Я бы порылась в компе.

Тиарада цветика-семицветика произвела на меня впечатление. Не ожидал услышать подобного из уст юной особы.

– Вы язычки то попридержите. Здесь должны быть скрытые камеры для наблюдения.

Похоже, говорила Ядвига Малиновски – журналистка.

– Хочешь сказать, мужчины подглядывают, как мы тут спим?

– Мы влипли, – сказала Гетти. – Я заметила, лейтенант изменился после того, как выходил, и смотрел уже по-другому.

Повисла тишина, и я решил выйти. Нарочито громко шагая, подошёл к решётчатой двери. Камера освещается через узкие окна, и я увидел красавиц, сидящих на двухъярусных койках.

Итак, наша первая встреча после драки. Женщины с интересом разглядывают последствия своих подвигов на моём лице. Но и я не лыком шит. Мне в медпункте замаскировали

пару глубоких порезов, чтобы не бросались в глаза.

– Ядвига Малиновски, – в полной тишине назвал я имя.

– На выход? – спросила красавица.

– Прошу выйти.

– Что, лейтенант, со всеми не управился, теперь будешь водить по одной? – выпустила коготки Снежная королева.

– У меня такая работа, – сухо ответил я. – Но, не волнуйтесь, дойдёт очередь и до вас, сладенькая моя.

Шутка удалась. О, как же вспыхнули глаза девушки. А щёки заалели даже сквозь белую маскировку. Подозреваю, из-за повышенной чувствительности Стефания и применяет много тонального крема.

Я открыл дверь, и журналистка не заставила себя ждать. Ядвига хорошо знает, что и как делать в таких случаях. Я насторожился. Ведь произошло убийство, и сейчас любая зацепка может стать ключом к раскрытию преступления.

Я порой удивляюсь, как женщины ухитряются хорошо выглядеть в самых разных обстоятельствах. Несмотря на пару часов в арестантской, Ядвига буквально выпорхнула из клетки, оставаясь свежей и полной сил. Я невольно залюбовался грацией девушки и очаровательным платьем. Вдохнул сладкие мускусные духи, и на душе стало томительно приятно.

– Лейтенант, и долго вы будете нас держать? – поинтересовалась интеллектуалка.

– Теперь буду вызывать по одной. Сами виноваты.

– Понятно, – многозначительно хмыкнула Снежная коро-

лева. Видимо, хотела взять реванш. Но я не дал ей такой возможности и, громко хлопнув дверью камеры, поспешил к выходу.

Оказавшись под искусственным небом ковчега, я вздохнул свободнее. И журналистка тоже.

– И куда вы меня поведёте, офицер? – первым же делом поинтересовалась Ядвига, взявшись за ремень сумочки, как солдат за автомат.

Кивнув сторожившему девушек рядовому Гаврилову, я направился в сторону шестого корпуса.

– Ну, а вы как думаете? – елейным голосом задал я коварный вопрос. Меня так и подмывало сказать нечто в духе подслушанной беседы.

– Теряюсь в догадках, – ответила журналистка, косясь в мою сторону. Неужели всерьёз принимает меня за маньяка?

– Сейчас мы идём к месту вашего преступления.

– Хм. Вы так называете? А зачем?

– Покажете, где вас арестовали. И тогда я решу, что с вами делать.

Ядвига расслабилась. Женщины чутко реагируют на окружающих. Я держался профессиональной линии поведения, и девушка больше не боялась меня.

– А здесь постоянно светло?

– Да, – ответил я, удивляясь вопросу. И тут же догадался, почему задан. Я привык, что в Атлантиде нет ночи.

– Как же вы здесь живёте? По часам?

– Да. Но тут есть и плюсы. К примеру, вечером на Земле чувствуешь себя усталым, измотанным, небо темнеет, и срабатывает рефлекс – пора отдыхать. А здесь светло, и можешь дольше плодотворно трудиться.

– А вы хорошо объясняете, – заметила Ядвига. – Как журналист, я много беседую с людьми, и порой из человека слова не вытянешь, не то, что идею или мысль.

– Спасибо. Гляжу, вы решили взять у меня интервью? – усмехнулся я.

– А что? Почему бы и нет? – беззаботно выдала Ядвига. И по тону я понял – девушка успокоилась. Перед законом чиста, и можно позволить себе расслабиться. – К тому же, просидев в камере, я не осмотрела половину обычного экскурсионного маршрута.

– Ну, а виноват кто? Ваша группа давно покинула Атлантиду, и летит домой. И вы могли бы возвращаться с ними, если б не нарушали правила.

– Скажите, лейтенант, неужели мы совершили такое ужасное преступление, карающееся задержанием и камерой?

– А зачем меня избили и под стол загнали? – спросил я шутливым тоном.

– Ой, как же здесь красиво! – воскликнула Ядвига, меняя

тему.

– Согласен.

– Я хотела бы жить в Атлантиде, – продолжала девушка, вертя головой. – Тут уютно и безопасно. Наверняка, у хозяев ковчега имелись все удобства. А что сейчас известно о них?

– Всю информацию вы услышали от экскурсовода в самом начале полёта, – ответил я, и мысленно сделал девушке комплимент. Профессионал всегда в деле, и может взять интервью даже у лейтенанта полиции, сопровождающего к месту преступления.

– К сожалению, я прослушала, что тогда говорили, – виновато произнесла девушка. – Я находилась под большим впечатлением от космического полёта. А ещё к невесомости привыкала, с людьми знакомилась. Но потрясающие виды Атлантиды меня околдовали. А почему сейчас так пусто?

– Закончился рабочий день, и экскурсионные группы покинули ковчег, – ответил я. – Теперь выйдут уборщики готовить экспозицию музея к завтрашнему дню.

– Как тут замечательно, когда нет толпы. Лишь в такой обстановке можно постичь душу города. Лейтенант, а как, по-вашему, выглядели строители ковчега? Были похожи на нас, или на богов?

– А кто такие боги? Огромного роста, с большими животами? Или очень умные, как, например, компьютеры, и глазами, размером с монитор?

Ядвига залилась смехом. А я любовался жизнерадостной

красавицей и весело скачущими в ушах конскими хвостиками.

– Думаю, создатели ковчега выглядели как мы, – сказал я. – Ведь даже в Библии сказано – господь сотворил нас по своему подобию. А один учёный выдвинул теорию, что разумные инопланетяне должны иметь тела, аналогичные нашим – эволюционная целесообразность. А значит, строители корабля не слишком отличались от людей. Разве что носили другие причёски.

– А вы шутник, – снова засмеялась Ядвига.

– Вы посмотрите на окружающие дворцы, – продолжил я, не замечая, как оказался втянут в беседу. Но где ещё в Атлантиде я мог бы пообщаться с женским полом и блеснуть эрудицией? А информации у меня не мало. Я часто сопровождаю экскурсионные группы, и много слышу. – Аналогичные здания строят и на Земле. А знаете, почему? Высота потолков, размеры комнат и даже лестницы – оптимальны для человеческой расы. К тому же, в тех корпусах, где обнаружили работающие трансформеры, предлагаемая мебель подходит нашим телам. По мнению большинства учёных, ковчег можно назвать обителью богов, создавших нас по своему подобию.

– А почему хозяева покинули корабль? – поинтересовалась Ядвига.

– Никто не знает. Но вспомните, сколько на Земле брошенных городов. Память о них стёрлась в веках, и даже в на-

родных преданиях не сохранилось упоминаний – Мачу-Пикчу, Махенджо-даро, Баальбек. А мифы говорят – впервые оказавшись там, люди обнаружили развалины. Что свидетельствует о древности, а так же о высокой цивилизации возводившей города. Учёные не могут объяснить, кто и когда строил, и почему бросил. То же и с ковчегом.

– Но здесь же должны остаться компьютеры, либо кристаллы памяти. Без искусственного интеллекта корабль не ожил бы.

– Мы пока не нашли центр управления. А пробы металла наружной обшивки не дают никакой информации. Кстати, судя по отложениям на корпусе, учёные оценивают возраст ковчега в пятнадцать тысяч лет. Но в космосе, в абсолютном холоде корабль находится словно в консервации. Поэтому невозможно установить конкретные даты.

– Мне не верится, что Атлантида древняя, – воскликнула Ядвига. – Кажется, только построена.

– В том есть и заслуга персонала. Когда люди впервые проникли внутрь, здесь хватало вековой пыли. Но после того как наполнились водоёмы, грязь смыли. И теперь вы можете любоваться и восхищаться детищем неведомых гениев. Механизмы ковчега автоматически запустились, и дали свет, воду, комфортную температуру и, представьте, даже воздух. Мы ведь свободно дышим, не задумываясь, откуда берётся кислород. А вот растения, к сожалению, не сохранились.

– Думаете, здесь росли деревья и трава?

– Многие учёные полагают, что ковчег не полностью расконсервировался. Воздуху необходимо постоянно обновляться, чтобы оставаться пригодным для дыхания. Значит, по логике, должен наступить следующий этап пробуждения, когда высаживаются растения. Учёные считают, данная операция запускается с пульта управления. Иначе сейчас мы гуляли бы по зелёному парку. Посмотрите, сколько здесь пустых углублений для газонов. Но люди так и не получили доступа к нижним уровням корабля.

– Я видела деревья у входа, – заметила Ядвига.

– Мы привезли сюда почву и высадили различные виды растений, чтобы проверить, смогут ли те прижиться. Как вы убедились, у нас получилось.

Мы ступили на один из мостиков, во множестве нависающих над реками Атлантиды.

– Это Гихон, – кивнул я на водоём. – Обратите внимание на ажурные переплёты ограждения – тонкие и изящные, будто кружевные.

А затем указал Ядвиге на прозрачные воды, пестрящие множеством обитателей.

– Здесь и рыбки есть! – воскликнула девушка, перегнувшись через перила. – Откуда?

– Думаю, вы слышали о шахтёрских канарейках?

– Да. Их берут в забой, чтобы контролировать уровень газов.

– Следуя тому же принципу, учёные запустили в реки Ат-

лантиды мальков японских карпов. Есть у нас и птички. Животные раньше человека реагируют на негативные факторы.

– Логично.

– Видите, рыбки хорошо прижились. А значит, и людям ничего не угрожает.

– Как же здесь красиво! – воскликнула Ядвига. – Потрясающие виды. Я словно опять в Венеции. Такие же здания у реки и мосты. Надо сфотографировать.

– Зачем? – усмехнулся я. – Если купите виртуальный гид по ковчегу, получите видео Атлантиды с любого ракурса. А мне сейчас некогда заниматься фотосессией.

– Наверное, вы правы, – вздохнула девушка, закрывая сумочку. – Я и забыла, что нахожусь под следствием.

– А вам, как я вижу, доводилось иметь дело с полицией.

– Я журналист. И нам иногда приходится сталкиваться с вашей службой.

– Ясно.

Девушка замолчала и, чтобы вернуть интерес собеседницы, я опять стал гидом.

– А знаете, Ядвига, вода здесь имеет тот же химический состав, что и в озере Байкал. То есть содержит идеально сбалансированный набор элементов для наших организмов.

– Значит, тоже древняя?

– По-моему, так нельзя говорить о воде. Она ведь живая, обладает энергией и постоянно обновляется. Учёные полагают, что с поднятием температуры внутри ковчеге лёд оттаял,

и водоёмы заполнились.

– А где жидкость находилась до разморозки?

– Понятия не имею. Но если подумать – до искусственного неба над вашей головой всего-то сто метров. А под ногами два километра полостей. И туда людям нет доступа. Кстати, вода в озере постоянно свежая. А значит, где-то проходит фильтры, минерализуется, и после вновь заполняет водоёмы.

– А почему не вырезали дыру, и не спустились уровнем ниже? Там, думаю, можно найти много интересного. Ведь древние механизмы до сих пор работают. Чем не вечный двигатель?

– Логично, – кивнул я. – И такие попытки неоднократно предпринимались. Здесь использовали лазеры, газовые резаки, и даже производили локализованный взрыв. Но так ничего и не вышло. Материал корабля поглотил энергию. Ковчег хорошо защищает себя от варваров, стремящихся разрушить целостность. А значит, построен в эпоху, намного опережающую нашу. Ведь у нас нет подобных технологий.

– Как интересно!

– Вот мы и пришли, – я остановился у шестого корпуса.

– Неужели? – удивилась девушка. – Я не узнала маршрут, где проходила с группой.

– Туристов обычно водят иными дорогами. Город большой, и чтобы осмотреть весь, потребуется много времени. Поэтому экскурсантам показывают лишь центральные магистрали. А мы прошли напрямик, сократами. Вот сейчас

обойдём здание, и вы увидите дворец, где вас задержали.

– Да, теперь я узнала, – согласилась Ядвига, когда мы приблизились к главному входу. – Я благодарна вам, что показали город с другой стороны, и так много рассказали. Я не увидела бы Венецию, следуя с экскурсионной группой. Знаете, на всём протяжении нашего пути я любовалась дворцами, и теперь, думаю, у меня получится статья.

– Значит, так распорядилась судьба, чтобы вы нарушили правила музея, и затем попали в арестантскую.

– Возможно, – усмехнулась Ядвига и осмотрелась. – Проёмы в зданиях пустые. Согласитесь, дворцы выглядели б лучше, если бы имелись двери и оконные рамы.

Я остановился у входа, пропуская девушку.

– А может, вы привыкли, что проёмы не должны быть пустые? – сказал я, следуя за Ядвигой. – А создатели города не видели смысла закрываться. Да и от чего? От холода? Но здесь постоянно тепло. От грабителей? Сомневаюсь, что у цивилизации, построившей ковчег, в обороте находились деньги. Ведь даже в нашем мире оплата производится в электронном виде. Так что, я не вижу смысла в дверях, обычно лишь мешающих.

– Я хочу возразить. Разумное существо ценит уединение. И, кстати, любому есть, что скрывать от окружающих. Например, акт любви.

– Возможно, – усмехнулся я. – Значит, хозяева отключили двери и трансформеры, когда город погружался в спячку.

По мере того, как мы проходили по холлу, Ядвига замедляла шаги и замкнулась. А я пытался определить – почему? Не думаю, что журналистка причастна к убийству. Но поведение девушки кажется странным.

И в душу закрались подозрения. Но если размышлять логически, совершив преступление, Ядвига не стала бы демонстративно выказывать нервозность, чтобы не выдать себя. Или девушка настолько не владеет собой, что не может контролировать эмоции? Но ведь работает журналисткой, и должна уметь держать себя в руках.

Ощувив взгляд, Ядвига посмотрела на меня.

– Итак, где вас арестовали?

Девушка вздрогнула и словно вернулась к реальности.

– Там, – указала в сторону башни.

– Показывайте.

Журналистка вздохнула.

– Как здесь обойти? – спросила Ядвига, остановившись у натянутого шнура.

– Хм. А днём вас не волновал такой вопрос, – заметил я. – Вы перешагнули через канат и направились дальше.

– Откуда вы знаете?

– Видел в записи. Здесь установлены камеры.

– Тогда зачем мы пришли? – удивилась Ядвига. – Просмотрите отснятые материалы.

– Но мы же не можем расставить видеоборудование по всему городу в каждой из трёх тысяч комнат. За преде-

лами канатов съёмка не ведётся. А сейчас покажите, где ходили.

– Тогда днём.... как бы объяснить, – замялась девушка. – Ну, я не контролировала себя. Честное слово. Я даже не знаю, что подвигло меня отстать от группы и переступить канат. А когда начал кричать солдат, я словно очнулась и с удивлением осмотрелась. Позже меня куда-то вели и ругали. Ну, примерно так.

– Ядвига, вы говорили, что не слушали экскурсовода. Отвлеклась?

– Наверное, – вздохнула девушка. – Я не могу объяснить. Не наказывайте меня строго. Ладно? А то мне влетит в редакции. Я сама оплачу штраф, лишь бы о нём не узнали на работе. Скажите, лейтенант, можно устроить? – закончила Ядвига умоляющим тоном.

– Решение суда вам придёт на домашний адрес. А сейчас я хочу увидеть комнату, где вас нашли солдаты.

Девушка тяжело вздохнула.

– Я не знаю, почему, но мне здесь не по себе, – заикаясь, произнесла Ядвига. – Большое преступление с моей стороны?

– Нет. Так мы идём?

Девушка колебалась, и на лице отразилась целая гамма эмоций. То ли боится, то ли стыдно признаться, что совершила неправильный поступок. Впрочем, личности с такими комплексами долго не протянут в журналистике. А если

за Малиновски ходатайствовали, как говорил Бренер, из министерства, значит, с психикой у девушки в порядке. Так что за комедию ломает?

А если допустить, что Ядвига убийца? Тогда проявления страха объяснимы. Или эмоции можно истолковать по-другому? Но такое поведение наталкивает на определённые подозрения.

И вот девушка решилась. Гордо подняв голову и став выше едва не на пол метра (что не удивительно с её ростом), переступив канат, Малиновски направилась в башню. Я следовал за ней. По винтовой лестнице мы поднялись на этаж, свернули в правое крыло и прошли в боковую комнату.

– Я стояла здесь, – девушка остановилась у стены, расположенной напротив единственного окна. Из него открывается вид на Седьмую магистраль перед входом в здание.

– И на что вы смотрели?

– Не помню. Но когда солдат начал орать на меня, я рассматривала линию на стене. Наверное, деталь трансформера. Для трещины слишком ровная.

По рассказам бойцов службы безопасности, задержавших девушек, я сделал несколько схем. И теперь, достав планшет, убедился – Ядвига говорит правду. Виталий Гаврилов, арестовывавший Малиновски, упоминал, что та рассматривала стену. Показания сходятся.

Но почему журналистка нервничает? Что значит удивительная метаморфоза, произошедшая с ней? Из-за чего де-

вушка замкнулась и поникла? Я слышал – у людей творческих профессий случаются нервные срывы. Помню, Ядвига говорила, что хотела понять душу ковчега. Может, этим и объясняются странности в поведении? Но, как с остальными девушками? У них тоже кратковременное помрачение рассудка?

А если здесь подготовленный теракт, и Малиновски одна из добровольных или случайных участников? Или какой-нибудь флеш-моб? Но пока у меня нет улик. А чтобы строить гипотезы, нужно время.

– Пойдём. Я увидел, что хотел.

– Да-да, – произнесла Ядвига, но не сдвинулась с места. Вот и пойми женщин. То не желают входить, то не выгонишь.

– Скажите, лейтенант, – робко спросила девушка. – Сегодня, в здании произошло какое-то преступление?

– О чём вы? – насторожился я.

– Сама не знаю, – замялась Ядвига. – Но... у меня странное предчувствие. Здесь случилось что-то ужасное. Но я не знаю, почему так думаю.

– Хватит брать меня на мушку и проводить спиритические сеансы в надежде выманить информацию, – поддел я журналистку. – Идём. Вас ожидает возвращение на Землю, а меня ещё пять девушек.

– Нет, лейтенант, вы не понимаете, – выдавила Ядвига с осунувшимся и побледневшим лицом. – Здесь произошло страшное преступление. Я знаю.

А дальнейшие события развивались непредсказуемо. Будто сорвавшись с цепи, Ядвига устремилась к выходу. К своему удивлению, я увидел, как та перебежала мостик, связывающий левое и правое крылья дворца, и по лестнице заспешила наверх. Поднявшись ещё на этаж, журналистка свернула влево и вошла в ту самую комнату, где обнаружили мёртвое тело.

– Здесь произошло убийство! – воскликнула девушка, и подошла к углу, где недавно лежал труп. *Хм. А я считал журналистку непричастной.*

– Ядвига, вы, случаем, не телепат? Или ясновидящая?

– Нет, – покачала та головой. – Даже не знаю, что на меня нашло. Может, так действует сам город. Или космос. Я словно вспоминаю, но не могу.... Я уверена, здесь случилось что-то ужасное. Но.... очень давно. Нет, всё. Больше я ничего не знаю. Простите, лейтенант. Я наговорила лишнего. Я больше не хочу и не могу здесь оставаться.

И тут девушка побежала к выходу. Конские хвостики в ушах так смешно болтались, когда Ядвига прыгала по ступенькам. В полном недоумении я устремился за ней. А догнал уже на улице. Малиновски выглядела расстроенной. Глаза красные, а щёки мокрые от слёз.

Ядвига не позволила заговорить с собой, и не приняла слова утешения. Девушка будто отгородилась от мира стеной из мыслей и эмоций. Мы в полном молчании шли по экскурсионному маршруту. Так что, отстав от группы, журналист-

ка ничего не потеряла. Но сейчас, по-моему, ей не до окружающих красот.

Я пытался расспрашивать Ядвигу об упомянутом ею преступлении, желая как-то связать с произошедшим сегодня убийством. Но девушка замкнулась и лишь просила прощение за вырвавшиеся слова.

Я быстро довёл Малиновски до шлюза, и поручил дежурившему у входа рядовому Строеву перевести девушку на корабль, пристыкованный к ковчегу. Ядвигу разместят в каюте и накормят. А завтра с первым же челноком отправят на Землю.

Распоряжение начальства выполнено – журналистка отпущена. У меня к ней больше нет вопросов, хотя поведение озадачило. Честно, расставшись с Ядвигой, я вздохнул с облегчением. Но меня ожидает ещё пять девушек.

Глава 5.

Книга Ника Уралова

16 марта

– Лейтенант! – кликнул дежурный сержант. У переходного шлюза со стороны Атлантиды установлен пост – стол, два стула, и красный шнур на стойках. Здесь бойцы службы безопасности встречают экскурсионные группы.

– Привет, – кивнул я, подходя к ребятам.

– Капитан Бренер оставил для вас бумаги, – сержант Егоров протянул распечатку.

– Благодарю, – кивнул я, и впился глазами в текст.

Убитого звали Артур Григорьевич Новак. Тридцать два года. Уроженец Самары. По удивительному стечению обстоятельств, мы с ним во многих отношениях коллеги. Так же, как и я, после увольнения из армии окончил полицейскую школу, и затем подал заявку в корпорацию «Древний ковчег». Но выбрали меня. В досье указано – Новак проявлял странную настойчивость, что и насторожило членов жюри. Личная заинтересованность может навредить делу, и кандидатура Уралова оказалась предпочтительней.

Артур прилетел на первом челноке в девять часов утра. Курировавший группу экскурсовод заметил отсутствие человека лишь перед возвращением на корабль, и поднял тре-

вогу.

Удивительно, почему служба безопасности не известила меня? Видимо, капитан решил, как обычно, разобраться самостоятельно. А мне поручил девушек. Но я благодарен Бренеру за помощь. У него в подчинении тридцать солдат. Мне одному потребовалось бы гораздо больше времени, чтобы обойти здания музея в поисках исчезнувшего экскурсанта. А у моего напарника Ферреро сегодня выходной. *Наверное, отсыпается, как обычно* – подумал я не без зависти.

Далее в тексте значилось – задержанные девушки прилетели на разных кораблях, и позже Новака. Что снимает с них подозрения. Человек, планировавший убийство, не мог рассчитывать, что Артур отстанет от группы. Впрочем, если заранее не назначили встречу.

Стоп. Я лезу в дебри. Всякие «может быть» имеют право на существование, если собрано достаточное количество улик.

Итак, жертва прибыла в Атлантиду в девять утра. Когда в тринадцать часов к ковчегу пристыковался космолёт с Ядвигой Малиновски, группа Новака возвращалась на Землю, а сам Артур лежал мёртвый. Кстати, журналистка прилетела в музей первой из задержанных.

Доктор Рино осмотрел жертву, но не обнаружил причины гибели. На теле никаких следов насильственных действий. Но подполковник считает, что перед смертью Новак испытал шок.

В конце записки Бренер сообщил, что с последним челноком под номером шестьдесят четыре труп отправлен на Землю.

Окончив чтение, я поспешил в операторскую. В прошлый раз удалось посмотреть видео лишь с Ядвигой Малиновски. Отыскать нужную информацию с множества камер нелегко. А сейчас лейтенант Грин вручил мне инфокристалл, подготовленный им по распоряжению капитана.

– Здесь все материалы, – сказал Бил. Худощавый и долговязый, парень держится высокомерно, и не стремится вступить в беседу. Ни с кем на ковчеге не завёл дружеских отношений. А может, Билу и не надо. Зато ему нет равных, как специалисту.

– Благодарю, – кивнул я, подключая инфокристалл к планшету.

На ожившем экране возник Новак. Дождавшись, когда экскурсанты повернутся к выходу из холла шестого корпуса, с хмуро – задумчивым видом Артур переступил музейный канат и направился к лестнице. Время на табло – десять часов две минуты.

– Больше нет записей? – уточнил я.

– Здесь всё, – сказал Грин, не отрываясь от экрана.

– Тогда счастливо оставаться, – кивнул я и направился в штаб. День закончился, и теперь надлежит передать отчёт на Землю. А сегодня произошло много событий, так что быстро не управлюсь.

Когда я снова подошёл к камере, девушки ужинали. Подчинённые Бренера принесли им еду из кафе. И хотя красавицы получили небольшой перечень блюд, остальное компенсировали горячие мужские глаза, истосковавшиеся по женскому обществу. И я отлично понимаю ребят.

Кстати, увидел тут солдат, выручавших меня из девичьего плена. Молодцы вели с дамами беседу обо всём и ни о чём. Но, едва появившись, я стал центром внимания. И женщины явно отдавали предпочтение мне, а не кормившим ребятам. Вопрошающие глазки красавиц так и впились в меня.

Наверное, девушки заключили пари, кого я возьму следующей, поскольку внимательно следили за каждым моим шагом. *Ну, и кого мне выбрать?* В раздумье я прошёлся перед решёткой.

– Лейтенант, не томите. Кто идёт? – не выдержала интеллектуалка.

– Вы будете последней, – злорадно произнёс я, памятуя, кто поставил мне болючую шишку возле левого глаза. Каким же взглядом опалила меня Патриция. И что я ей сделал плохого?

– Альберта Таскани, – назвал я подругу интеллектуалки. Художница значилась второй в моём списке, кто не вызывал подозрений и антипатий. Есть люди, с кем не ассоциируются

преступления. И Альберта из таких. А ещё, не скрою, мне хотелось досадить Патриции.

Таскани воспрянула духом. Тут же встав, оправила платье, сумочку повесила на плечо, а сверху на неё белую накидку. Затем неторопливо прошла по камере и величественным жестом, присущим дамам высшего света, через специальное окошко отдала солдатам поднос с опорожнёнными пакетами. И, поблагодарив за ужин, направилась к двери. *О, боже, какая у неё походка.* Вновь разыгравшееся воображение начало рисовать эротические картинки....

Стон!!!

Чтобы настроиться на рабочую волну, я вывел на экран планшета анкету Таскани. Итак, Альберта художник, проживает на яхте. Есть пятилетняя дочь. Путешествует по миру и живёт там, где бросит якорь. Имеет счёт в банке. Довольна жизнью. В графе о здоровье рукой написано – *тонкие капиллярные сосуды, носовые кровотечения.* Удивительно, как с таким диагнозом Альберту допустили к космическому полёту? То ли врачи халатно отнеслись к анкете, то ли не посчитали недуг серьёзным.

Закрывая дверь камеры, я бросил взгляд на оставшихся девушек. Сколько же эмоций бурлит в душах красавиц. Глаза Патриции обжигают ненавистью, а Гетти Квин обволакивают меня чем-то пушистым и вязким, в чём я боюсь утонуть. Фото модель Лесиль Файертрап кажется равнодушной, и с привычным терпением ожидает своей участи. И чем-то напоми-

нает воина – постоянно держится начеку, и скупно расходует силы. А Стефания Кельни – Снежная королева, прямым твёрдым взглядом словно бросает мне вызов.

– Куда идём? – поинтересовалась Таскани, когда мы покинули здание. Голос у неё сильный, с низкими тембрами. Но звучит приятно, и напоминает мягкий песок на пляже. Не знаю, откуда пришло сравнение, но Альберта у меня ассоциируется с морем, яхтами и размеренной счастливой жизнью. А ещё с некими тайнами океанских глубин и высшего света.

– Покажете, где вас задержали, и я решу, как поступить дальше. Надеюсь, вы не против?

– Лейтенант, неужели что-то изменится, если я буду возражать?

– В общем, нет, – ответил я. И мы рассмеялись.

Начало беседы оказалось приятным. Мне нравится Альберта. И не сомневаюсь – Таскани знает о моём отношении к ней. Женщины хорошо чувствуют мужчин. И по мелочам, на какие сильный пол не обращает внимания, читают нас, как открытую книгу.

– Всё так неожиданно свалилось на меня, – сказала Альберта, когда мы шли по набережной Гихона к центру города.

– Имеете в виду арест? – поинтересовался я, стараясь на-

гнать красавицу, державшуюся впереди. Так, наверное, шествуют королевы, на ходу разговаривая с придворными, следующими за ними. Но ведь Таскани художница.

– И арест, – задумчиво ответила Альберта. – Но я имела в виду иное. Полёт сюда идея Патриции. Моя подруга женщина яркая, решительная, настоящий ураган эмоций. И если загорелась чем-то, не остановить. Пепе ведущий продавец в компании, и умеет околдовывать покупателей, готовых заплатить любые деньги за предлагаемое жильё.

– Хм. Не заметил у неё таких качеств, – сказал я, поглаживая зудящую шишку у левого глаза.

Обернувшись, Альберта посмотрела на меня и улыбнулась.

– Да, я вас понимаю. Если Патриция захочет, вы её возненавидите. Но я хорошо знаю подругу. Девушка оказалась в положении, когда от неё ничего не зависит. Что для сильной личности невыносимо. Вот и бесится. И срывает злость на вас, поскольку вы являетесь препятствием. Но Патриция разумная женщина и весьма проницательна. Заверяю, едва изменятся обстоятельства, девочка попросит у вас прощение.

– Скажите, а почему вы заговорили о случайности?

– Понимаете, лейтенант, жизнь вполне устраивает меня. Я с дочуркой путешествую на яхте. Мне нравится спокойная обстановка, когда можно расслабиться и заниматься любимым делом.

Творчество – процесс, требующий ухода из реальности. Образы ловишь в потустороннем мире, в иллюзиях и мечтах. А пригрезившееся нужно быстро написать, иначе порвётся нить, связывающая с замыслом. Иногда я не успеваю закончить холст – то отвлекли, то ещё что. И незавершённая работа продолжает мучить, как не рождённое дитя. Я выражаюсь странно?

– Нет. Хотя и не занимаюсь творчеством, но подобное случилось и со мной. А что с....

– Я расскажу, – властно перебила Альберта. – Я порой долго объясняю. Но такой подход часто помогает лучше понять себя.

Однажды я прочла статью о космическом музее. О ковчеге вообще много говорят и пишут. Не скрою, тема заинтересовала, хотя и далека от моей жизни. А ночью приснилось, будто живу на древнем корабле. И сон захватил меня.

Помню, встала среди ночи и принялась работать. Я нервничала, психовала. Не те краски, не ложились мазки. Я сломала три кисти и измазалась. Но когда утром посмотрела на собственное творение, я.... как бы лучше сказать.... изумилась. Не заметив, я полностью зарисовала прежнюю картину. Но я не жалела. Морских пейзажей я написала сотню. А то, что предстало с моего собственного холста, потрясло меня.

Альберта, казалось, ушла в себя, но я не осмеливался вставить хоть слово, и молча следовал за ней.

– В таком стиле я ещё не работала, – продолжила художница погодя. – Я впервые изобразила себя, к тому же в удивительном наряде. Тело обёрнуто разноцветной тканью, напоминающей сари, какие носят женщины Индии. Но я никогда не видела город, выписанный на заднем плане. Бледно-жёлтое небо, огромные здания в виде геометрических фигур, удивительные деревья. Полотно вышло настолько ярким и наполненным жизнью, будто я фотографировала с натуры.

Обернувшись, Альберта бросила на меня взгляд.

– Вы знаете, как делают постеры? Берётся цифровой снимок высокого разрешения. Затем меняют цвета, тона, где-то приукрашивают либо убирают. Получается нечто ирреально – сказочное. Вот такой вышла первая картина из того цикла.

Мы приблизились к мосту, где я беседовал с Ядвигой. Но Альберта направилась дальше. Женщина шла быстро, и я едва поспевал. А остановилась лишь у следующего моста.

– Вот что я написала, – воскликнула художница, водя рукой. – У перил люди. Слева парк. Здания частично увиты плющом. Я стою на том берегу и гляжу сюда. А на заднем плане тот дворец.

Таскани показала на шестой корпус музея, куда мы направляемся. Чудеса продолжают. Сперва меня удивила Ядвига. А теперь и Альберта.

– И что дальше? – спросил я, нарушив тишину.

– Э-э-э? – художницу явно захватил пейзаж.

– Вы нарисовали картину....

– А утром прилетела моя подруга. – Таскани не могла оторваться от созерцания панорамы. Казалось, говорят лишь губы, а сознание занято иным. – Я тогда бросила якорь на Корсике возле Каржеза. Оказываясь на яхте, первым делом Патриция заходит в мастерскую и смотрит, над чем я работаю. И тут спрашивает, где я взяла постер Атлантиды. Я даже не поняла, о чём речь. А подруга указала на холст, стоящий на мольберте.

Альберта усмехнулась.

– Видели бы, как удивилась Патриция, узнав, что я написала полотно за одну ночь. Обычно на картину уходит от недели до месяца. Причём, я работала без эскизов. Помню, так устала, что пожелала гостье расслабиться, а сама завалилась на кровать и проспала до ночи.

– А где сейчас картина?

– Патриция увезла в Гонконг, и продала.

– Не жалели, что расстались с полотном?

– Нет! – отрезала Альберта. И я вздрогнул от резкого тона.

А художница, смягчив голос, добавила: – Я сама попросила забрать.

– Но, почему?

– Какое вам дело?! – опять вспыхнула женщина.

Я заметил – порой выходки Альберты соответствуют особе, привыкшей командовать. И странно выглядят в испол-

нении молодой художницы, одиноко живущей на яхте. Интересно, кем она могла повелевать? В краткой биографии Таскани нет и намёка на высокородное происхождение, либо принадлежность к высшему обществу. Впрочем, тайны великих мира надёжно сокрыты от любопытных обывателей.

– Простите, если зацепил вас. Меня заинтриговал ваш рассказ. И я чувствую, есть.... Должно быть продолжение.

Я коснулся локтя Альберты, приглашая идти дальше, и мы, сохраняя молчание, перешли мостик.

– Извините за резкость, – отрешённо произнесла Таскани. Мне показалось, Альберта на время отключилась. А опомнившись, вернулась к прежней роли:

– Я не люблю неожиданностей. Вот и нервничаю. Та картина.... Да, я попросила увезти холст, поскольку следующей ночью приснился тот же сон. Я шла по городу, но улицы выглядели иначе. Тут гуляли люди. Много зелени. А в небе ви- мана.

– Простите, что вы сказали?

– Ну, такие летательные аппараты. Слово как-то само пришло. Так вот, я хотела, но не могла найти в себе мужества, чтобы вернуться домой, поскольку там случилась беда...

– Что вы имеете в виду? – спросил я, пытаясь увязать сон Альберты, слова Ядвиги и убийство Новака.

– Не важно, – отрезала Таскани.

– И вы решили прилететь сюда?

– Нет. Я рассказала о снах подруге. На следующий день

Патриция отправилась в Гонконг и увезла картину. А я перелетела в Марсель. Думала, наваждение пройдёт, и вернусь к прежней жизни. Но ошиблась.

Мы немного прошли в молчании.

– Патриция снова появилась у меня где-то через неделю, – продолжила Альберта, – и привезла кучу снимков ковчега. На них я узнала написанные виды. Но современный город выглядел скелетом. Отсутствовали парки, не гуляли люди в просторных белых одеяниях. Впрочем, не важно.

– Альберта, вы продолжали рисовать Атлантиду?

– Я написала ещё несколько полотен.

– В том же стиле?

– Не хочу говорить о них, – отмахнулась художница, и сменила тему. – Мы с Патрицией улетели в Гонконг. Но кошмары не оставляли. Я опять не спала ночами. Подруга однажды предложила слетать на ковчег. Я не собиралась подвергаться таким перегрузкам. Но... с самого начала знала – надо. И позволила уговорить себя. Требовалось увидеть город своими глазами, чтобы избавиться, наконец, от бессонницы.

– Так вам до сих пор снится Атлантида?

– К счастью, нет. А на Земле каждую ночь, – едва слышно произнесла Альберта. – Из-за них и согласилась на космический тур. Хотя не верила, что мне разрешат полёт.

До шестого корпуса осталось несколько кварталов. Мы неспешно шли по улице между великолепными дворцами.

Но, погружившись в мысли, Альберта не замечала окружающего.

– Вы довольны, что прилетели сюда? – поинтересовался я, желая побольше узнать о девушке.

– Проснувшись сегодня утром, – задумчиво сказала Таскани, – я чувствовала себя отлично. Первое небо мне не снилось, пока летела по космосу, и я хорошо отдохнула.

– А что такое первое небо?

– Так в древности называлась Атлантида, – ответила Альберта, как нечто само собой разумеющееся.

– А есть и другие небеса?

– Конечно. Здесь семь городов. Мы находимся в верхнем. Но больше я вам ничего не расскажу. Так вот, когда попала сюда, мне казалось, будто вернулась домой. Я ходила и удивлялась, почему тут не так, как помню.

– Вы имеете в виду по снам?

– Да. Но, когда мы приблизились к моему до.... М-м-м. Я хотела сказать, к дворцу, то почувствовала себя так, словно.... даже не знаю, как назвать.... В общем, мне стало плохо. Странные воспоминания и кошмары снова обрушились. И я сказала подруге, чтобы вывела меня из холла. Но покинуть здание не разрешили. Снаружи находилась другая экскурсионная группа. И тогда мы незаметно прошли к лестнице.

Я видел в записи описываемые события. Поведение женщин казалось подозрительным. Но, услышав рассказ, я скло-

нялся поверить Альберте. Детали многое объясняют. Внутри холла шестого корпуса группа должна находиться до десяти минут, чтобы согласовывалось передвижение с другими. Иначе начинается толчея. Вот им и не разрешили выйти. Но к тому времени, когда, переступив канат, подруги направились вверх, труп Новака окоченел. Поэтому я обеих исключил из списка подозреваемых.

Мы остановились перед центральным входом шестого корпуса. Размеры и монументальность дворца производят сильное впечатление. На пятиметровых колоннах покоится массивное перекрытие галереи. По центру портал, смыкающийся полукруглой аркой. По бокам расходящиеся полые цветники.

– Скажите, Альберта, а как здание называлось в ваших снах?

– Просто дом. А официально – дворец Эа, моего супруга.

– Вы здесь долго жили?

– Наверное. А какая разница? Я ведь пересказала вам сон.

– Я сомневаюсь. А что ещё вы помните?

– Гуляя по городу, я многое вспоминаю, даю названия дворцам. Чему-то не могу найти объяснения. И, тем не менее, серьёзно воспринимаю приснившееся. Кажется, те события происходили со мной, но давно. Возможно, в прошлой жизни.

Альберта обвела взглядом улицу, и печально добавила:

– Прилетев сюда, я хотела найти успокоение. Но вышло

наоборот. Я нашла подтверждение....

Женщина снова замолчала.

– Чему? – не удержался я.

– Что жила здесь, – выдохнула Таскани.

Пройдя несколько шагов по холлу, Альберта остановилась и взглядом обвела помещение. На лице я уловил выражение сожаления, и даже разочарования.

– От прежнего великолепия не осталось и следа, – с тоской произнесла художница. – На одной из картин я изобразила холл, каким помню из прошлого. Красивые гобелены. Пол устилал ковёр. Вдоль стен мебель, привезённая с далёкой родины.

– Откуда? – удивился я.

– Мы же на звездолёте, – пояснила Альберта, погружаясь в воспоминания. – Корабль построили далеко отсюда. Моему супругу Эа, как сыну царя Ану, даровалась привилегия иметь настоящую мебель, изготовленную на родине. Многие предметы стояли здесь, и в других помещениях дворца. Но....

– Пойдёмте, – воскликнула Альберта, оборвав на полуслове. И устремилась к лестнице. Я едва поспевал за ней. Что за странный порыв?

Женщина буквально взлетела на третий этаж и, повернув налево, через мостик прошла в комнату, где обнаружили труп Новака.

– Тут лежал великий Эа, кого на Земле почитали как бо-

га, – воскликнула Альберта, указывая на роковой угол. – Здесь моего супруга убил Энлиль. Братья повздорили. Они постоянно ссорились, поскольку по-разному видели развитие цивилизации на Земле. А когда спор перешёл границы, в ход пошло оружие. А мы, родня и сторонники, предали.... А я....

Таскани рухнула на пол. Я стоял поодаль, и не успел поддержать спутницу. Да и не ожидал такого. Видимо, переволновалась. У девушки началось кровотечение из носа, и я приложил к её лицу собственный платок. *Что же делать?*

Я подхватил Альберту на руки и понёс к лестнице. Таскани оказалась не такой уж и тяжёлой, хотя ростом превосходит меня. Сбежав по ступеням, я пересёк холл и остановился у выхода. Девушка ещё без сознания. А нести в медпункт далеко. Когда замешательство прошло, я начал думать.

Затверженные инструкции предписывают обращаться к службам. Я по рации связался с медиками и описал симптомы. Мне велели ждать.

Я сел на покрытие у входа во дворец. Но Альберту держал на руках, почему-то опасаясь – если выпущу, та умрёт. А мысли блуждали по лабиринтам образов, нарисованных рассказами художницы.

Странно. Я расследую произошедшее сегодня убийство, а меня второй человек отсылает к событиям, возможно, тысячелетней давности. Какая тут связь? Я в растерянности. Сперва Малиновски, а затем и Таскани, привели меня ту-

да, где лежал труп. Но обе говорят о древнем преступлении. Альберта даже называет имена участников трагедии. И обе чувствуют себя плохо.

Думаю, неспроста сейчас появилась информация из прошлого. А если связать рассказ Альберты с настоящим? Допустим, убитый когда-то Эа – погибший сегодня Новак. Значит, надо разыскать Энлиля – преступника из древности. Но у меня нет ни одного подозреваемого мужчины.

Интересная фраза прозвучала из уст художницы о сторонниках Эа. А не замешана ли тут сама Альберта? И не из лагеря ли несчастного бога задержанные девушки? Может, совершили ритуальное убийство? А кто нанёс роковой удар? И почему жертва Новак? Какая связь? Я в полном недоумении.

Альберта всхлипнула и открыла глаза. Лицо бледное и осунувшееся. Причёска рассыпалась.

– Опустите меня, – шепнула девушка, и я посадил красавицу рядом.

Прислонившись к стене здания, художница расслабилась. – Я вас напугала, – едва слышно произнесла Таскани, и даже попыталась улыбнуться. Но у неё получилась лишь невнятная гримаса.

– Да, есть немного.

– Спасибо, что помогли. Теперь видите, почему мы с Патрицией нарушили правила музея. Когда такое случается на людях, я чувствую себя неловко. Вот и живу на яхте, в сто-

роне от чужих глаз.

– Альберта, допрос окончен, так что расслабьтесь. Я вызвал санитаров.

– Напрасно, – выдохнула девушка. – Со мной иногда такое случается, и я привыкла. У меня тонкие сосуды. Немного волнения – и пожалуйста.

– Лучше помолчите.

– Хорошо, – кивнула Альберта. Но через пару секунд вновь обратилась с вопросом, поставившим меня в тупик. – Скажите, лейтенант, у вас есть фото убитого?

– О чём вы? – поразился я.

– Не ломайте комедию, – бросила Альберта, опять пре-
вратившись в королеву, привыкшую командовать. – Я ведь понимаю – по той нелепой причине, что мы якобы нарушили правила музея, вы не посадили бы девушек в карцер. Ну, поругали бы и отпустили.

– Хорошо, – сдался я. – Вы правы. Кота в мешке не утаишь. Полагаю, ребята, приносившие ужин, наговорили вам лишнего?

– А тут ошибаетесь, лейтенант. Вы не справедливы к коллегам. Мужчины интересовались лишь девушками, и не прозвучало ни слова об убийстве. Так вы покажете фото?

– Ладно. Вот.

Я достал планшет и, повернув экран к собеседнице, пояснил:

– Изображение получено с цифрового потока, когда муж-

чина заходил в город через центральный шлюз.

– Я не знаю его, – сказала Альберта. – Вижу, молодой человек не уверен в себе. Тусклый затравленный взгляд, опущенные плечи, уголки губ смотрят вниз. Наверно, переживал какую-то трагедию. Или предчувствовал. Либо бежал от кого-то. А как убили?

Я выключил планшет. Честно говоря, сомневался, что Альберта опознает жертву. И оказался прав.

– Не знаю, – ответив, я сел на корточки. – Никаких следов насильственной смерти. Труп отправили на Землю. Там медэксперты разберутся.

– Ну, что тут у вас? – знакомый голос врача заставил меня вздрогнуть. Обернувшись, я увидел подполковника Рино. С ним подошли два солдата с носилками.

– Как говорил, у девушки случился обморок, – сказал я, кивая на Таскани. – А ещё носовое кровотечение.

– Хорошо, сам разберусь, – произнёс Рино. – А вы, лейтенант, можете заниматься собственными делами.

– Я в порядке, – заявила Альберта. – У меня иногда случаются такие...

– Дорогая, успокойтесь, – мягко, но с профессиональной настойчивостью сказал подполковник. И я понял – девушка в хороших руках. На ковчеге ведь работают лучшие специалисты.

– Ну, я пошёл, – улыбнулся на прощание Альберте.

– Всего наилучшего, лейтенант, – произнесла Таскани. – Я

наговорила лишнего. Забудьте. Мало ли что придёт в голову слабой больной женщине.

– Выздоровливайте, – искренне пожелал я.

Солдаты под руководством доктора начали укладывать пациентку на носилки. И я со спокойной совестью зашагал на ужин.

Глава 6.

Книга Ника Уралова

16 марта

Когда я назвал имя следующей девушки, лицо Патриции вытянулось от удивления. Но Пепе быстро взяла себя в руки. Чёткими движениями оправила жилет и юбку и, повесив жакет на сумочку, бодро зашагала к двери.

– Что обо мне наговорила Альберта? – спросила Патриция, когда мы вышли из арестантской. Я заметил, что рядом с Пепе чувствую себя под напряжением, словно у высоковольтного кабеля.

– Ничего, что могло бы подмочить вашу репутацию, – отшутился я.

– А где сейчас Альберта? – поинтересовалась девушка. И в голосе звучала искренняя забота о подруге.

– Вынужден сообщить – Таскани в медпункте.

Патриция сжала кисти рук, и те побелели.

– Альберта разволновалась, и потеряла сознание, – продолжил я. – И сейчас находится под присмотром врача.

– Куда вы меня ведёте? – напряжённо спросила Пепе. И я едва сдержал улыбку. У каждой девушки возникал один и тот же вопрос, словно видели в моём лице не полицейского, а маньяка. Интересно, сколько же, по мнению красавиц,

я должен иметь сексуальной энергии, чтобы вот так вызывать одну за другой, и по очереди заниматься с ними разными фокусами? Хм. Вообще-то, подобное мнение со стороны женского пола настоящий комплимент. Значит, видят во мне сильного мужчину. И я ощутил себя Казановой.

– Вы должны показать, где вас арестовали.

– А разве Альберта не говорила? – удивилась Пепе.

Хм. Вообще-то, нет.

– У меня есть свидетельства задержавших вас солдат и показания Таскани. Но, чтобы составить полную картину, я должен сравнить информацию.

– Значит, тут произошло нечто посерьёзнее, чем нарушение девушками правил музея?

Ну, вот, ещё одна ясновидящая. Сегодня я в окружении невинных всезнающих ангелочков.

– Скажите, Патриция, а разве не подозрительно – шесть девушек, независимо друг от друга, решили отстать от экскурсионных групп. Причём, в одном и том же корпусе. И что мне думать? Я не верю в чудеса и совпадения. Возникает закономерная мысль – а не террористы ли вы, по частям пронёсшие в музей бомбу? Ну, что? Звучит убедительно?

– Конечно, если смотреть с такой стороны, – задумчиво протянула девушка, поправляя очки. – Выглядит подозрительно. В самом деле, в одно и то же время...

– В Атлантиде много зданий, но вы собрались в шестом корпусе, хотя и в разных комнатах, – продолжал я раскру-

чивать мысль. – Такое ощущение, что вам назначили место встречи. Расскажите, почему вы решили прилететь сюда? Что вас подвигло? Одно ли любопытство? Зачем девушке – агенту по продаже недвижимости – музей, куда стоимость билета составляет пол миллиона рублей? Наверное, ваш полугодовой заработок. Да ещё нужно лететь по космосу, подвергая себя риску и перегрузкам. Неужели вами двигала романтика?

– Нет, – Патриция задумчиво теребила ручку сумочки. – Хотя, согласитесь, космический перелёт – необычное приключение. А я люблю познавать новое.

– И какова настоящая причина?

– Тут не объяснишь парой фраз, – ответила Патриция. – Но, может, вы и правы.

– О чём вы? – насторожился я. Вообще-то теракт приплёл к слову, и не ожидал, что сработает. Или Пепе имеет в виду другое?

– Альберта, наверняка, рассказывала о себе, – начала девушка. – О путешествиях во сне. И о написанной за одну ночь картине.

– Да.

– Таскани, как и многие одарённые люди, имеет странности. У неё порой случаются чудные видения. И я иногда достаиваюсь чести узнать о них. Альберта словно попадает в какой-то удивительный мир, о чём затем рассказывает в мельчайших подробностях. Скажите, вы способны деталь-

но описать увиденного во сне человека, или здание?

Я лишь пожал плечами.

– А Альберта может. Конечно, художник умеет подмечать мелочи, кажущиеся несущественными. К примеру, я, как и большинство людей, мыслю стереотипами. Но Таскани многое запоминает, и на холсте оживляет целые миры.

– Тут нужно хорошее воображение и память.

– Согласна. А ещё и талант. Кстати, одна из причин, из-за чего Альберта живёт на яхте – посторонние мешают погружаться в особый внутренний мир, способствующий творчеству. И, конечно, стыдится носовых кровотечений. Я лучше отдала бы деньги, чтобы меня излечили. Но подруга не желает лишаться «неповторимой индивидуальности».

Миновав перекинутый через Гихон мостик, где беседовал с Ядвигой, мы подошли ко второму, куда меня привела Альберта. И тут Патриция остановилась. Конечно, вид отсюда восхитительный. Но Пепе не разглядывала пейзажи. А, открыв сумочку, извлекла кипу снимков.

– Вот, первая работа Альберты, написанная за одну ночь, – девушка протянула мне фотографию размером пятнадцать на двадцать сантиметров.

Патриция выбрала подходящий момент. Именно отсюда художница показала Атлантиду. И я смог оценить талант и мастерство Таскани. А картину действительно можно принять за снимок. Дворцы там, где надо. И тот же оригинальный узор перил мостика. Как и у следующего, расположен-

ного через пятьдесят метров.

– Потрясающе, не правда ли? – спросила Патриция.

– Создаётся впечатление, нарисовано с натуры. Различие лишь в том, что художник изобразила не застывший во времени музей, каким видим сейчас, а настоящий живой город. Тут удивительные деревья. Стены зданий увивает нечто вроде плюща с мелкими цветами. В окнах ажурные переплёты рам с витражами. Подобного нет в нашей реальности, но выглядит здорово.

Как и описывала, Таскани изобразила себя на переднем плане. Лёгкое полупрозрачное сари просвечивает контуры очаровательного женского тела. И я не мог оторвать взгляд от столь эротичной Альберты.

Но женщина на картине отнюдь не в игривом настроении. Печальные глаза смотрят озабочено, и даже угадываются нотки затаённого страха. Лицо нахмуренное и слегка осунувшееся. Невольно задаёшься вопросом – что же заставило красавицу переживать?

На мосту, чуть правее женщины, трое мужчин в белых широких одеждах и в чалмах, украшенных изогнутыми рогами. Лица скрывают причудливые бороды, словно завитые на тонкие бигуди. И один показался мне знакомым. Присмотревшись, я уловил отдалённое сходство с капитаном Бренером. Он-то здесь откуда?

– Альберта хотела утопить картину в море, поскольку к ней стали приходиться видения, – рассказывала Патриция. –

Но я упросила не губить холст. Если откровенно, я силой вырвала у неё из рук, когда тот завис над водой.

Хм. А у Альберта рассказала иную версию.

– Даже на фото видно – картина шедевр, – продолжала девушка. – Поверьте, лейтенант, в натуре полотно смотрится гораздо внушительнее. Я сразу поняла – за него можно получить хорошие деньги, и взялась реализовывать идею. И оказалась права. За картину на аукционе заплатили двадцать миллионов рублей.

– Ого! Всего-то за ночь работы.

– Но Таскани не захотела брать выручку. А сказала, что мысленно выбросила холст, как и намеревалась, за борт. Но я тоже не взяла деньги. А положила в банк на имя дочери Альберты. Матери сейчас, может, и не нужны. Как вы знаете, Таскани вполне обеспеченная дама. Но Мария, по достижению зрелого возраста, думаю, обрадуется богатству. А из той суммы я оставила себе двести тысяч, так сказать, на издержки. Вот предыстория нашей поездки.

– Таскани написала и другие картины об Атлантиде?

– Вы не ошиблись, – кивнула Патриция. – Но остальные увидите позже. Не возражаете?

– Жду с нетерпением.

С мостика сразу выходишь на широкую набережную. А дальше, чтобы сократить путь к шестому корпусу, нужно пройти между дворцами. Судя по картине Таскани и пустующим углублениям с обеих сторон дороги, здесь создатели

закладывали аллею.

– Патриция, вы интересно рассказываете, и мне не терпится услышать продолжение.

– А вы лгунишка, – улыбнувшись, погрозила девушка. И я почувствовал, как между нами тает лёд. Альберта права на счёт подруги. Если та захочет, то может и очаровать. И сейчас рядом со мной совсем иная Патриция, абсолютная противоположность той, что в кабинете бросалась на меня с кулаками. Я дал возможность говорить, и девушка словно вернулась в привычный мир, где зарабатывает воображением и языком. – Вы делаете мне комплимент, чтобы я дала больше информации.

– Хм. Но ведь для того мы и находимся здесь. А рассказываете вы интересно.

– Лейтенант, а знаете, не мне принадлежала идея отправиться в космотур.

Ну, вот. А художница утверждала обратное. Нельзя доверять женщинам.

– Мне позвонил коллекционер, – с энтузиазмом продолжила девушка. – Сказал, что является владельцем первой картины Таскани. А мой номер телефона дали организаторы аукциона.

– Мужчина представился?

– Да. Назвался Филипом, и поинтересовался, не написала ли художница новых картин об Атлантиде, поскольку хочет ещё купить. Ему понравился стиль и манера исполнения.

Я не знала о других холстах Альберты, и ответила, что у него единственный экземпляр.

И тогда Филип предложил оплатить автору ещё одну экскурсию на ковчег. Думал, что художница летала в Атлантиду, раз с таким мастерством смогла выписать город.

– Зачем же Филип хотел отправить Альберту в космос? – насторожился я.

– Коллекционеры странные люди. Мужчина планировал себя во дворце устроить галерею Таскани. И решил оплатить экскурсию, чтобы у художника появилось вдохновение на новые шедевры.

– Богатый дяденька. Ведь знал, какую сумму придётся выложить за серию картин.

– Да уж, – согласилась Патриция. – Но у каждого свои причуды. Фанаты-собиратели на многое идут ради очередного экспоната для коллекции.

Так вот, предвидя возможные сложности, я ничего не могла обещать Филипу. Мне вообще редко удавалось хоть в чём-то переубедить Альберту. Слово Таскани всегда решающее. *(А художница говорила обратное.)* Впрочем, не жалуясь. Обладая врождённой мудростью, подруга даёт ценные советы. Даже когда я обижалась из-за неуступчивости, со временем оказывалось, что ошибалась именно я. А случай с холстом явился исключением. Думаю, Альберта не захотела со мной драться.

– И какая реакция Филипа?

– Услышав, что я не гарантирую возможность такой экскурсии, коллекционер расстроился и отключился. Но затем перезвонил и попросил телефон художницы. Альберта запретила кому бы то ни было давать свой номер, и я отказала. Тогда Филип пообещал и мне оплатить поездку на ковчег, если уговорю Таскани. И я не смогла устоять от предложения.

– Думаю, я тоже согласился бы.

– Вот когда подключилась моя романтичность, и я загорелась космическим туром. Оставалось уломать Альберту. Не подвиг, но потрудиться нужно. В тот же день я созвонилась с ней, и сказала, что хочу прилететь. У нас так заведено, поскольку яхта не имеет стабильной якорной стоянки. Подруга не возражала, и пригласила меня в Марсель. Я тут же взяла билеты, и на следующий день мы встретились.

Пепе говорила быстро. Видимо, привычка сформировалась во время бесконечных презентаций. Ведь продавцам недвижимости требуется выложить как можно больше сведений о предлагаемом объекте, пока клиент не потерял интерес. Но сейчас Патриция дала горлу отдых.

А я поймал себя на мысли, что занимаюсь не своим делом. Мне нужно расследовать убийство, а не слушать истории о картинах. Но девушка умеет интересно рассказывать, и я невольно втянулся в тему.

– Альберта сопротивлялась?

– Немного, – усмехнулась Патриция. – Но я знаю, как

с ней разговаривать. Поднимаясь на борт, я первым делом иду в мастерскую, и смотрю, над чем работает подруга, чтобы быть в курсе дел и настроений. Так вот, если вижу на мольберте яркие, насыщенные, жизнерадостные картины, значит, всё хорошо, Альберта здорова, и я могу позволить некоторые вольности. Но если холст серый, унылый, с развалинами или затонувшими кораблями, лучше помалкивать. И вообще, я предпочитаю тогда слинять с яхты, чтобы не нарываться.

– И что было на мольберте?

– Атлантида. Но настроение картины хуже некуда. Подруга рисовала убийство. Мрачные тона и сюжет кричали – Таскани на грани срыва. А когда увидела её, удостоверилась в поставленном диагнозе. Альберта исхудала, лицо уставшее и осунувшееся. Никакой косметики. Дочь отослала к родственнице мужа, живущей в старинном замке возле Марселя. И я поняла – у неё депрессия.

У нас состоялся разговор. Альберта призналась, что плохо спит целую неделю, с тех пор, как я уехала. А засыпая, видит ужасы. В мире, где она гуляет во сне, наступили скверные времена. Вот и хандрит. И затем показала новые работы. Представьте – шесть полностью законченных картин за неделю. Вот, кстати, вторая из серии.

Мы остановились у входа во дворец Эа. Патриция опять достала пачку снимков и, выбрав нужный, протянула мне. Без сомнения – полотно кисти Альберты Таскани. Я хоть

и не знаток, но стиль невозможно спутать. На новом холсте с фотографической точностью изображён сказочный город – обжитой и уютный. Хочется войти туда и остаться.

По сравнению с прежней картиной, ракурс изменился. Теперь на заднем плане центральный вход в корпус номер шесть. На холсте дворец Эа имеет причудливые оконные переплёты с витражами. В расположенных по бокам цветниках буйство красок. Массивные пятиметровые колонны увиты плющом. Сквозь арку прозрачных дверей просматривается мебель. Переводя взгляд с фото на окружение, я словно в машине времени путешествую на тысячелетия назад.

Справа, у трапецеидального здания напротив дворца Эа трое мужчин в таких же чудных одеждах, как и на предыдущем холсте. Возможно, сюда перекочевали те же персонажи. На головах рогатые чалмы. А бороды тонко завитые, и украшены, по-видимому, золотыми лентами. Слева три девушки собираются пройти в арку. На них лёгкие серо-голубые полупрозрачные одежды.

– Что вы чувствуете, глядя на картину? – спросила Патриция, наблюдая за мной.

– Тревогу.

– Вот-вот, то же ощутила и я. Приближением чего-то ужасного пронизано каждое полотно Таскани об Атлантиде. Даже на первой картине, если внимательно посмотрите, чувствуется скрытое напряжение.

Я взглянул на снимок и кивнул.

– Альберта использовала сочетание красок, придающих особый настрой, – комментировала Патриция. – Основной фон серый. Кажется, опустился туман и спрятал дворцы на заднем плане. Напряжённые позы мужчин. Глаза словно наполнены злобой. Отвёрнутые фигуры женщин. Посмотрите, одна несёт какой-то предмет. Я так и не смогла определить, что та держит в руке. Но у меня ассоциируется с оружием.

– Согласен. Патриция, честно, ещё ни от одной картины я не испытывал подобного напряжения. Как вы думаете, что означают полотна?

– Таскани рисует целый рассказ, словно комикс. Зная, что на последнем холсте написано убийство, можно представить ход событий. Мне кажется, здесь показаны действующие лица преступления. Вот, посмотрите, у каждого из мужчин на головных уборах символы. На первой картине, как и на остальных, те же знаки. Может, так Альберта идентифицировала участников драмы.

Я сравнил фотографии, и отчётливо увидел, о чём говорила Патриция.

– Рассматривая картины, – продолжала девушка, – я ловлю себя на мысли – в них есть глубокий мистический подтекст. Мы видим рассказ о преступлении. Альберта пытается донести зрителю правду. Но, кого убили? Загадка.

– Ваша подруга упоминала бога Эа.

– Не знаю такого, – Патриция задумчиво покачала голо-

вой.

– А как вам удалось убедить Альберту прилететь сюда?

– Думаю, помог Его величество Случай. Увидев исхудавшую подругу, я заявила – нужно сменить обстановку. И Таскани, к моему удивлению, согласилась. Помню, сказала, что в последнее время яхта гнетёт её. И спросила, можно ли погостить у меня? Я удивилась. Альберта лишь пару раз выбиралась ко мне в Китай.

В тот же день мы вылетели в Париж, а на следующий в Гонконг. Подруга сказала, что рядом со мной чувствует себя лучше. Даже поспала во время перелёта без сновидений. И по цвету лица я заметила позитивные изменения. Но затем опять начались кошмары.

Я попросила Альберту поделиться со мной. Выговорившись, человек порой испытывает облегчение. Но с Таскани беседовать, всё равно, что общаться с богом. Подруга наотрез отказалась посвящать меня в тайны мира снов. Тогда я предложила встретиться с психиатром. Тот же самое. Альберта заявила, что я ничего не понимаю.

– Значит, оставался единственный выход – экскурсия на ковчег?

– Да, – кивнула Патриция. – Но Таскани не ответила на предложение, словно я и рта не открывала. Мы гуляли по Гонконгу, посещали картинные галереи и музеи. Но у неё опять начались бессонницы. Я слышала. До утра Альберта смотрела телевизор, а днём ходила с воспалёнными глазами

и в скверном настроении. И лишь пару дней спустя высказалась о желании посетить ковчег.

Мы прошли под аркой входа.

– Кстати, лейтенант, я только вспомнила. Когда вернулась в Гонконг, от незнакомого адресата на мой счёт пришёл миллион рублей. И я поняла – деньги от Филипа. Получив согласие Альберты, я купила билеты. Но подруге сказала, что использовала средства от продажи картины.

– Скажите, Патриция, а Филип не выдвигал условий по поводу дня вашего прибытия на ковчег? Например – посетите музей восемнадцатого декабря, или пятого марта.

– Нет. Дата не оговаривалась. Но я не сомневалась, что за нами следят. Ведь деньги пришли сразу после возвращения с Альбертой.

– Много странного в вашей истории, – заметил я, и предложил войти во дворец.

В холле Патриция вручила мне третью фотографию. Рассматривая снимок, я вспомнил Таскани, опечаленную из-за утраченной красоты. И теперь понимаю, что художница имела в виду. Раньше стены украшали великолепные гобелены. На полу лежал шикарный ковёр, вдоль стен расставлена мебель изумительной работы. Я поймал себя на мысли – видения Альберты не просто сны. Чтобы так скопировать реальность, ни разу не посетив Атлантиду, нужно иметь талант ясновидца.

Но не роскошь убранства главная тема полотна. Здесь ма-

стерски выписано противостояние двух групп людей. По шестеро с каждой стороны. Одежды антагонистов отличаются лишь цветом. У левых белая, а у тех, что справа – серо-голубая. Люди из разных лагерей зловеще взирают друг на друга. А угрожающие жесты говорят сами за себя. И я снова ощутил напряжение, как и на предыдущих полотнах. Без сомнения – вспыхнет драка.

Картина произвела на меня сильное впечатление. И сюжет, и исполнение, и эмоции – на высшем уровне. Но время летит. Нужно заниматься делом.

– А теперь покажите, где вас арестовали, – попросил я девушку, возвращаясь к реальности.

– На втором этаже.

– Ведите.

Патриция шла впереди и, когда стала подниматься по лестнице, несколько раз зацепившись ногами, остановилась.

– А вы заметили – тут неправильная высота ступеней. И намного шире, чем принято на Земле.

– Я привык. По всей Атлантиде такие. Думаю, у строителей ковчега стандарты отличались от наших.

– Покупатели недвижимости обращают внимание на подобные вещи. Пожилые, например, не любят крутые лестницы. А тут размерный период рассчитан на великанов. Мне приходится иногда два раза становиться на одну и ту же ступень.

– Так и есть. Помню, сам поначалу цеплялся за углы. Нога то привыкла к другим стандартам.

Мы поднялись на второй этаж и по мостику с ажурными балясинами прошли в первую комнату левого крыла. Помещение большое, примерно сорок метров на десять. Тут два окна, выходящие на дворцы Атлантиды и центральное озеро.

– Здесь, – указала Патриция.

– Кто решил войти сюда – вы или подруга?

– Альберта, как и обычно, шла впереди, если для вас имеет значение.

Я лишь улыбнулся, вспомнив прогулку с Таскани.

Место соответствует нарисованной схеме. Придаться не к чему. Но не давали покоя мысли: Почему события произошли в одно и то же время? Почему девушки, независимо друг от друга, поднялись на второй этаж, и остановились в разных комнатах? Почему Альберта и Ядвига связали место преступления с древним убийством? Ещё много иных «почему» не дают мне покоя. Но я так и не приблизился к разгадке гибели Новака, хотя появилась уйма сведений о старинной трагедии.

– Как с фотографиями? – поинтересовался я. – Не пришла ли пора увидеть остальные?

– Вот, – Патриция отдала пачку. – Можете оставить себе.

– Благодарю.

– Я устала, – сказала девушка. Но, поглощённый разглядыванием картин, я не услышал слов. И лишь позже осознал,

что полностью утратил контроль.

А Пепе уселась на подоконник и рассматривала город. Вид отсюда восхитителен.

– Что скажете о картинах? – спросила девушка, когда я подошёл к ней.

– Патриция, вы правы. Тут рассказ о преступлении. Я вижу две враждебно настроенные группы. Видимо, желая найти компромисс, лидеры уединились. Но, мне кажется, мужчина в серо-голубом заранее спланировал убийство. И, оказавшись наедине с оппонентом, хладнокровно с ним расправился. Альберта называла палача Энлилем, а жертву богом Эа. Но имена мне незнакомы. А на последней картине показано само преступление. Непонятно, чем нанесён роковой удар. Но предмет в руке убийцы похож на тот, что держит одна из девушек на втором полотне. И ещё я не могу понять, зачем информация пришла ко мне именно сейчас? Как вы думаете?

– Не знаю, – выдохнула девушка. – Но Альберта часто повторяет – события происходят не случайно.

– Патриция, вы давно знаете Таскани?

– Наверное, лет десять. Мы однажды встретились в Риме и с тех пор дружим. Хотя иногда мне кажется, что знакомы всю жизнь. Но я выросла в детдоме. Альберта в какой-то степени мне заменила маму. Я благодарна ей за помощь. Таскани удивительный человек, эрудированный. И порой, кажется, знает ответы на любые вопросы. Хотя и молода. А ещё

талантливый художник. Пожалуй, больше мне нечего добавить...

Патриция замялась, будто подбирая слова.

– О таком не принято говорить. Таскани пережила трагедию. Пять лет назад муж Альберты скончался от инсульта, и она сильно горевала, поскольку любила супруга. Я видела его. Красивый, обаятельный, умный мужчина, но намного старше жены. От него семье осталось небольшое состояние. У них родилась дочь. Марии сейчас шесть лет.

Свесив ноги, Патриция встала, тут же оказавшись на голову выше меня.

– Ну, а теперь, лейтенант, если я ответила на вопросы, мне хотелось бы навестить подругу.

– Конечно, – согласился я, и мы направились к лестнице.

– Патриция, вы знаете этого человека? – включив планшет, я вывел на экран фотографию Новака.

– К сожалению, нет. Симпатичный мужчина. У меня отличная память на лица. Невольно приходится запоминать покупателей. Неудобно становится, когда путаешь с кем-то. Я убеждена, что не встречалась с ним. Кто он?

– Не имеет значения.

– А вы невежливы, – капризно заметила девушка. – Я тут распинаюсь, наверное, целый час. А вы скрытничаете.

Я взглянул на циферблат и удивился. Десять вечера. Постоянный свет Атлантиды вводит меня в заблуждение.

– Думаю, нам пора к Альберте, – сказал я. – И, если хо-

тите, что-нибудь расскажу о музее. Вы же не закончили экскурсионный маршрут.

Патриция не возражала, и я сопроводил девушку к медпункту, расположенному у шлюза. Но выбрал путь короче, через сектора. Зато Пепе увидела кварталы, недоступные для туристов. А я по ходу рассказывал, что неоднократно слышал от гидов.

У входа в Атлантиду напротив друг друга расположены два красивых трёхэтажных здания шарообразной формы. Глядя на них, кажется – сейчас покатаются. То, что справа от шлюза, задействовали под медпункт. Здесь я передал спутницу доктору Рино и осведомился о здоровье Альберты. Подполковник сказал, что Таскани оправилась и чувствует себя хорошо. И я вновь направился к сорок восьмому корпусу.

Глава 7.

Книга Ника Уралова

16 марта

Едва покинув медпункт, я увидел начальника службы безопасности. Судя по направлению, Бренер идёт в казарму. Несмотря на позднее время – подтянут, опрятен и дышит здоровьем. Будто и не устал за такой напряжённый день. И где капитан черпает энергию?

– Как дела? – поинтересовался Генри.

– Опрашиваю девушек.

– И как?

– Увы. Ты же знаешь, экскурсионные группы с задержанными женщинами прибыли на ковчег во второй половине дня, а Новак погиб утром. Так что я провожу опрос для очистки совести.

– Ну-ну, – улыбнувшись, подмигнул капитан. – Не вешай носа, лейтенант. Когда бы ещё вот так пообщался здесь с женским полом? Мои вон ребята на взводе. Прямо рвались отнести девушкам ужин. Едва не передрались. Мне пришлось вмешаться, чтобы уговорить горячих жеребцов. Отсюда мораль – умей извлекать выгоду из того, с чем приходится иметь дело. Ну, желаю успехов.

Капитан повернулся и направился в сторону казармы. А я

стоял и смотрел ему в след. Бренер удивительная личность. Создаётся впечатление, и ни у меня одного – начальник службы безопасности никогда не спит, и в курсе всех событий. Что в равной степени относится как к непосредственным обязанностям, так и к научным исследованиям.

Я видел капитана в различных ситуациях, и не припомню, чтобы кто-то отзывался о нём плохо. Конечно, Бренер требует от подчинённых чёткого выполнения служебных обязанностей. Что, кстати, воспринимается как должное, а не придиричивость командира. Люди понимают – лишь строгая дисциплина поддерживает жизнь в космосе.

Но сейчас, встретившись с капитаном, я ни на йоту не сомневался – вот кто изображён на полотнах Альберты. На последнем холсте в убийце я видел человека, похожего на Бренера. Случайность? Или пророческий дар художницы? Я всеми фибрами души ощущаю тайну. Интересно, почему именно сейчас, а не днём раньше или позже, в моей жизни появились картины Таскани? Я чувствую связь. Но, чтобы делать выводы, нужна информация. А пока я лишь фантазирую на темы, навеянные великолепными работами мастера.

Когда я появился в арестантской, девушки лежали на койках. Но стоило приблизиться к решётке, красавицы тут же сели и уставились на меня. Гетти, вероятно, дремала. Глаза

слегка покраснели, а съехавший бант, казалось, вот-вот упадёт. Лесиль словно застывший манекен. Если б не увидел, как встаёт, решил бы, что так и просидела на койке. А Стефания Кельни – Снежная королева, вновь уставилась на меня прямым взглядом, каким мужчины бросают вызов сопернику. Ну и темперамент.

– Вы можете не беспокоиться и дремать, – сказал я девушкам. – А я буду вас по одной поднимать и выводить на прогулку.

– И не надоело вам, лейтенант? – бросила Стефания. – По часам ночь, а вы не прекращаете работу.

– Хочу вас освободить. Да и когда ещё я мог бы прогуляться по городу с такими красавицами?

– Признайтесь, лейтенант, вот главная причина, из-за чего вы держите нас. А? Я не права? – ухмыльнулась Гетти.

– Ну, я ведь мужчина. И мне не чужды обыкновенные человеческие желания.

– И с кем из нас вы хотите прогуляться? – выгнув спину, Гетти выпятила грудь. – Кстати, лейтенант, куда вы деваете женщин? Признавайтесь. Ещё ни одна не вернулась.

– Морожу в холодильнике. А когда достану....

– Фи, какой вульгарный, – скривилась Гетти. – Мог бы придумать что-нибудь поинтересней. А то мы испугаемся, и не захотим гулять с каннибалом.

– Ваше дело, – усмехнулся я. – Но, я не против. Можете оставаться. Я буду изредка беседовать с вами. А когда закон-

чится контракт, передам следующему полицейскому.

– Ну, уж нет! – едва не зарычала Стефания. – Уж лучше прогулка с каннибалом, чем ещё один день в камере.

– Тогда выходите, – наконец, решился я с кандидатурой.

Снежная королева степенно поднялась с таким видом, будто встала с царского ложа, и направилась к двери. Широкая цепь на груди мерно колышется в такт шагов. А замшевые сапожки маршируют, словно на плацу, каблучками выбивая чёткий ритм.

– Ну, а вам, – обратился я к оставшимся девушкам, – придётся ещё подождать. Я хочу извиниться, что запер вас. Но вы, честно говоря, не оставили мне другого выхода.

– Нет-нет, лейтенант, извинения не прокатят, – игриво заявила Гетти. – Таких красивых девушек посадить в клетку – вот настоящее преступление. Вернувшись на Землю, я подам на вас в суд. Мы заплатили деньги не за то, чтобы проторчать в вашей тюрьме. Да на Земле я такое развлечение получу задаром.

– Постараюсь загладить вину, – пролепетал я испуганно шутливым тоном. – И обязательно исправлюсь. Но вы должны видеть и положительную сторону. Подумайте, кто ещё, кроме работающих здесь учёных и обслуживающего персонала, может похвастать, что провёл на ковчеге ночь? Да вы заработаете колоссальные деньги за одни интервью. Представляете, крупным шрифтом набраны заголовки: Гетти Квин обживает Атлантиду.

– Я таю в предвкушении, – томно промурлыкала цветик-семицветик. – Но имейте в виду, в моём интервью вам так достанется, что мало не покажется. Статья выйдет под заголовком: Сексуальный маньяк задерживает девушек в космической тюрьме.

– Брр. Звучит ужасно. Но я постараюсь исправиться, чтобы вы не давали таких кошмарных интервью. Завтра же устрою вам дополнительную экскурсию по музею с первой группой. И вы сможете увидеть, что пропустили сегодня.

За время нашего шутливого диалога с Гетти, Стефания подошла к выходу. Я открыл дверь, выпуская девушку.

– Может, и нас возьмёте, лейтенант? – предложила Квин. – А то осточертело любоваться вашими ужасными решётками.

– Потерпите, – ответил я. – Кстати, хотел спросить, если мы отправимся на прогулку в полночь, для вас не поздно? Можем перенести встречу на утро. Вы отдохнёте, выпитесь.

– Ну, уж нет! – взревела Гетти, выпустив коготки. Никогда не подумал бы, что в юном создании может таиться столько зрелой женской агрессивности. – Я согласна на ночную прогулку с каннибалом, лишь бы побыстрее выбраться отсюда.

– Вот и договорились. Тогда до скорой встречи, – сказал я, закрывая дверь. – Как Стефания отпустит меня, я тут же приду. До свидания.

– Не задерживайтесь, лейтенант. Мы ждём вас, – прокричала Гетти вдогонку.

– Что вы хотите от меня? – спросила девушка, когда мы вышли на набережную Гихона. Снежная королева держится надменно. И я, следуя за ней, как перед этим за Альбертой, предпочитал не нарываться на женские эмоции.

– Мы прогуляемся к шестому корпусу, – произнёс я ставшую привычной фразу. – Покажете, где и что делали. И я отпущу вас.

– Но я же говорила, – процедила Кельни сквозь зубы.

Ого. Столько эмоций. Как бы ни укусила. Но, так устроена жизнь – не все нам нравятся, и не всем мы по сердцу.

– Послушайте, Стефания, давайте относиться с уважением и пониманием друг к другу. Я выполняю работу. У меня есть должностные инструкции, и я слеую им. Будь на моём месте иной полицейский, делал бы то же самое. Мне кажется, лучше совместить приятное с необходимым, и получить больше позитивных впечатлений. Вы не против?

– Я бы радостью сейчас летела домой, – не поворачивая головы, заявила Снежная королева.

Стефания держится на расстоянии, и я не смог пробить молчаливую оборону. Так мы и дошли к шестому корпусу. Причём, едва не вприпрыжку догоняя высокую девушку, я не говорил, куда идти. Кельни словно интуитивно угадывала путь.

В городе царят тишина и покой. Лишь изредка можно увидеть ночных уборщиков, готовящих экспозицию музея к завтрашнему дню. Сейчас по земному времени поздний вечер – двадцать два часа. На ковчеге же день от ночи отличается пустотой либо заполненностью улиц, когда экскурсионные группы появляются в Атлантиде.

Стефания остановилась у входа во дворец Эа, и я смог перевести дух. Но пришло время заняться делом. И Снежная королева, обернувшись ко мне, словно дала разрешение задавать вопросы.

– Зайдём внутрь, – предложил я. А оказавшись в холле, подвёл Стефанию к канату.

– Вы отстали от группы, поскольку что-то увидели. Расскажите.

– Ну, знаете, – фыркнула Кельни. – Мало ли что девушке показалось.

Та же неприступная крепость. Тон и манеры явно говорят – Снежная королева не желает откровенничать. Но мы же не на свидании.

– Я не улавливаю логики в ваших словах. Ведь из-за того, что вам якобы показалось, вы пошли на нарушение правил музея и перешагнули ограждающую ленту. А ведь ещё на корабле вас предупреждали – нельзя, – копируя тон, холодно произнёс я в спину девушки. Видимо, на гордычку подействовал официоз, и Снежная королева начала понемногу оттаивать.

– Я увидела – кто-то поднимается по лестнице.

– Кого?

– Ну, вы и приставала, лейтенант, – скривилась Кельни, почему-то не желавшая говорить со мной. И мне пришлось напомнить:

– Я лишь делаю работу.

– Ну, хорошо. Я заметила тёмный силуэт. Не знаю, кто или что....

– Вы сказали: или «что»?

– Да, «кто» или «что», – огрызнулась Стефания. – Лейтенант, а вам не приходило в голову, что мы в мавзолее? И здесь вполне могут обитать самые настоящие призраки.

– Хм, интересная теория, – усмехнулся я, вспомнив о хобби девушки – посещение кладбищ. Сознание, настроенное на определённое восприятие окружающего мира, везде ищет подтверждение собственным взглядам. – Не слишком ли дорогой мавзолеей даже для инопланетян? И какое нелепое использование ресурсов.

– А что вообще подразумевается под ценой? Древние зиккураты на Земле тоже ведь создавались как гробницы. А сколько труда затрачено на сооружение. Думаю, в те времена работы обошлись строителям не дешевле, чем построить звездолёт развитым цивилизациям.

– Допустим, – не спорил я. Доводы Кельни перекликаются с рассказами Ядвиги и Альберты о древнем убийстве. – Но, что заставило вас подумать об Атлантиде, как о мавзолее?

Насколько я знаю, никто не выдвигал подобной теории.

– Как вы считаете, лейтенант, – голос девушки становился мягче, и Стефания принялась увлечённо излагать: – почему корабль так далеко от планет? Объяснение лишь одно – намеренно оставлен здесь. Следующий вопрос – неужели такой огромный звездолёт нельзя использовать в хозяйственной деятельности? Насколько я знаю, оборудование тут работает.

– Вы хотите сказать, ковчег спрятали в поясе астероидов, чтобы сохранить останки древних космонавтов?

– Так и есть. Ведь на Земле кладбища тоже находятся в стороне от населённых мест, чтобы живые и мёртвые не мешали друг другу.

– А разве умершим можно помешать?

– Удивительная неосведомлённость, – с осуждением выдохнула Кельни. – Ещё в древнем Египте знали, что душа человека после смерти разделяется на несколько составляющих. Одни покидают тело и возносятся на небеса, а другие так и остаются возле него. И, естественно, у них есть собственная жизнь.

– Достаточно, – махнул я рукой. Для полноты счастья мне не хватало ещё рассуждений о верованиях древних египтян. – Давайте, Стефания, вернёмся к реальности. Итак, кого? Хм. Или что, вы заметили, и за кем решили последовать, тем самым нарушив правила музея?

– Я же вам сказала, – опять зарычала Снежная королева. –

Я увидела тёмный силуэт. И поскольку тот загадочно вёл себя, пошла за ним.

– Что вы имеете в виду?

– У-у-у. Как же с вами тяжело, – думал, Стефания взорвётся. Но та промолчала. Я тактично не торопил девушку. И вскоре, смягчившись, Кельни продолжила: – Я видела, как некто осторожно спускается. Но, возможно, заметив меня, испугался и бросился назад. Конечно, нас предупреждали – в музее нельзя заходить за канаты. Но кто-то же нарушил правила. И я подумала, а почему бы и мне не последовать за призраком....

– Вы сказали «призраком»?

– Ох, до чего же вы непонятливый придира, – рыкнула Кельни. – Я выражалась фигурально, иносказательно. Что вы постоянно цепляетесь к словам? Ну, хорошо, лейтенант, вы меня раскололи. Мне захотелось подняться, и посмотреть на город сверху. Вы довольны?

Стефания опять замкнулась и, скрестив руки на груди, уставилась перед собой.

– Да, здесь темновато, – задумчиво сказал я, разглядывая проём, ведущий в башню с лестницей. – И вы могли не рассмотреть человека у ступеней. Вот откуда призрак. Ладно, принимается. Ну, а сейчас проведём следственный эксперимент, и пройдем по вашему маршруту.

Стефания вздохнула, словно на плечи ввалили непосильное бремя.

– Итак, улучив минуту, когда на вас никто не смотрит, вы переступили канат и побежали к лестнице, – предположил я. Вернее, пересказал увиденное в записи.

– Да, – не отрицала девушка. – Экскурсовод о чём-то рассказывал. Группа смотрела через дверной проём центрального входа наружу. И я незаметно улизнула в башню.

– Догнала призрака?

– Нет. Когда я переступила канат, лестница опустела.

– Вперёд, – кивнул я спутнице.

Благодаря высокому росту, девушка легко перешагнула ограждение, и направилась в башню.

– Здесь вы увидели призрака, и решились на.... А если честно, зачем вы пошли наверх?

– Я подумала – там могло сохраниться что-нибудь поинтереснее голых стен. Я знаю, во многих музеях есть запасники с невыставляемыми экспонатами. И здесь вполне могут быть артефакты, оставшиеся от создателей ковчега.

– Логично. Но не соответствует действительности, – я направился по лестнице вверх. И теперь Стефания догоняла меня, продолжая на ходу:

– Посмотреть на город тоже интересно. Нам ведь нигде не разрешали подниматься на крышу.

– Итак, вы оказались на втором этаже, – я ступил на мостик башни, связывающий левое и правое крылья дворца. – Что вы тут делали?

– Я решила осмотреться и, возможно, подняться выше.

– Где вы были?

– Туда, – Кельни указала рукой. – Я шла в комнату с окном, выходящим к центральному входу. Хотела посмотреть, не вышла ли группа.

– Ведите, – произнёс я, и Стефания направилась в правое крыло.

– Когда я подошла к дверному проёму, увидела в комнате девушку. Не помню, как зовут. Та журналистка с висюльками в ушах. Я испугалась, что нарвалась на сотрудницу музея, или кого-нибудь из охраны. И тихонечко отошла, чтобы не привлекать внимания.

– Дальше, – поторопил я умолкнувшую девушку. – Ведите.

Кельни перешла мостик и направилась в левое крыло дворца.

– Когда я подошла к этой комнате, – Стефания остановилась у нового дверного проёма, – то увидела ещё двух женщин. Ну, тех подружек. Чтобы не нарваться, я решила спуститься. Время шло, и группа могла покинуть холл.

– Но вы изменили планам.

– Даже не знаю, что на меня нашло, – выдохнула Стефания. – Мне захотелось подняться выше. Больше ведь не представится возможности. Я пошла вверх, и опять увидела женщин.

– Ведите меня, – указал я рукой в сторону башни, и Кельни направилась к лестнице.

– Кого вы встретили на этаже? – спросил я, поднявшись по ступеням.

– Тут находились две девушки, оставшиеся в камере. Файертрап стояла здесь, у мостика.

– А Гетти?

Пройдя по коридору правого крыла, Стефания вошла в первую комнату справа.

– Квин здесь рассматривала узор на стене. И я догадалась – девушка тоже не сотрудница музея. Заинтересовавшись, я подошла к панно. А Гетти, не заметив меня, трогала кружки рукой и шептала.

– Вы помните, что?

– Девушка говорила не на общеупотребительном русском. Какие-то шепчущие звуки. Короче, я так и не смогла ничего разобрать. Затем услышала, как снизу поднимаются люди. Я убежала в другую комнату, стала возле окна и рассматривала город. Вскоре меня нашли солдаты и начали ругать.

– Стефания, расскажите о призраке. Кого вы увидели?

– Не знаю.

– Может, кто из задержанных девушек? Вы же встречались с ними на этажах.

– Я размышляла над возможной кандидатурой. Сперва думала на Лесиль. Но, у неё другая одежда. Затем на даму в очках, одну из подружек. Также вся в чёрном. Но та не стала бы бегать по лестнице. Значит, кто-то ещё. Я бы сказала, что видела женщину в тёмном плаще.

– А почему не мужчину? – поинтересовался я. Из рассказа Кельни выходит – солдаты упустили ещё одну туристку, прятавшуюся в шестом корпусе. И та вполне могла быть убийцей Новака.

– Я склоняюсь к мысли о девушке, – задумчиво произнесла Стефания. – Мужчины тяжёлые, и ходят увереннее. А у женщин движения плавнее и грациознее. Вот я и вспомнила о призраке, легко и невесомо взлетевшем по ступеням. Да, и при резком повороте взметнулись волосы. Но, я не могу утверждать точно. Вы тоже заметили – на лестнице темновато. И, кстати, спросите о незнакомке у Лесиль. Файертрап стояла на мостике, когда я поднималась наверх, и должна была видеть ту женщину.

– Скажите, на записи вы смогли бы опознать призрака?

– Не уверена.

Я повернулся к барельефу, привлёкшему внимание Гетти Квин – единственному художественному произведению древней цивилизации на ковчеге. Учёные так и не смогли определить, что здесь изображено. На панно размером метр на полтора выпуклые круги разного диаметра усеивают небольшой участок на выступе стены.

Кельни подошла туда и с минуту пристально изучала узор.

– Что вы увидели? – поинтересовался я, устав разглядывать спину девушки.

Стефания вздрогнула.

– Я смотрела, и думала, что здесь изображено, – произ-

несла Кельни. – А вы что видите?

– Я бы сказал, рисунок походит на схему планетной системы какой-нибудь звезды. Может, родной мир строителей ковчега. Но точно вам не скажет никто.

– Согласна, – кивнула девушка с неким внутренним облегчением.

И тут на меня словно нашло вдохновение.

– Стефания, в самом начале вы говорили, что ковчег, возможно, является мавзолеем. Но, кто, по-вашему, здесь похоронен?

– Ну, ясно ведь, какой-нибудь астронавт. Или бог.

– Кто? – удивился я. – Вы имеете в виду создателя Земли?

– Наверное.

– Но ведь боги, как известно, бессмертные.

– Так и есть, – кивнула Стефания. И тихо добавила: – Пока не убыют.

– А вы откуда знаете?

– Ну, я читала разную литературу.

– И кто из богов, по-вашему, здесь похоронен?

– Не знаю, – резко ответила девушка.

Ну почему у меня опять складывается впечатление, что Кельни не хочет говорить правду?

– Стефания, а может, здесь мавзолей бога Эа? – напрямую спросил я.

И тут Кельни выдала себя. Девушка вздрогнула, когда я произнёс имя, и внимательно посмотрела на меня. И я ощу-

тил в глазах Стефании некий интерес.

– А вы откуда знаете об Эа? – прищурившись, спросила Кельни. Девушка словно повзрослела на десяток лет, превратившись в суровую зрелую женщину.

– Да так, предположение, – ответил я, стараясь придать лицу выражение праздного гуляки.

– Скажите, вам кто-нибудь рассказывал о....?

– Про Эа?

– Да, – кивнула девушка.

– Слышал где-то. А вы откуда знаете о нём?

– Я много читала. Эа легендарный бог древних шумеров. У него есть и второе имя – Энки, Властелин Земли. Но почему вы решили, что здесь мавзолей Эа?

– Не я, а вы. Я же лишь выдвигаю одну из гипотез.

– И тут же говорите об Эа? – требовательно спросила Кельни. И я почувствовал, как роли начинают меняться. Теперь Стефания требует ответы, а я увиливаю. Для меня такое неприемлемо, но я вновь ощутил присутствие тайны.

– Вы желаете провести мне допрос?

– Нет-нет, – отступила Кельни. – Но вы предложили любопытную идею. Я интересуюсь древними религиями, и....

– Послушайте, Стефания, не будем играть в шпионские игры, – перебил я девушку. – Меня не покидает ощущение – вы не до конца откровенны. Но вместе с тем хотите получить информацию. Так давайте поделимся. Но вы первая.

Девушка смерила меня оценивающим взглядом, словно

просветила рентгеном, но промолчала. Возможно, не сочла достойным внимания собеседником. Или взвешивала – что я могу сообщить такого, чего сама не знает.

Отвернувшись, Стефания подошла к окну и, как Патриция, отдалась созерцанию. С высоты третьего этажа дворца Эа открывается потрясающий вид на Атлантиду. Хорошо просматривается уникальная планировка архитектурного комплекса с озером и реками. Отсюда, как на ладони, виден остров, увенчанный ступенчатой пирамидой. Великолепные дворцы, раскинувшиеся по берегам, кажутся сказочными. А зеркальные отражения в воде пробуждают мысли о прекрасном и вечном.

Замечательные виды Первого неба навевают удивительные ассоциации. Порой словно улавливаешь картины тех времён, когда здесь ходили боги. А может, воображение дорисовывает нечто живое, чего так не хватает городу, уснувшему на века. Без сомнения полотна Таскани повлияли на меня, и я пытаюсь увидеть гармонию, задуманную гениальными мастерами.

Хотелось бы думать, Стефания взвешивает предложение. Но что Кельни может рассказать? Три девушки, с кем беседовал раньше, вскрывали подробности древнего преступления, якобы совершённого на ковчеге. А теперь абстрактный вопрос о боге Эа настораживает ещё одну. Я начинаю подозревать заговор. Арестованные женщины немало знают об Атлантиде, причём удивительные подробности, какие

вроде и почерпнуть негде. Но ни одна ничего не может сказать об убийстве Новака.

Я устал ждать.

– Стефания, вам, случайно, не знаком этот человек?

На экране планшета я открыл фотографию Артура Новака. Девушка бросила взгляд и отвернулась.

– Нет. Кто он?

– Не имеет значения, – сказал я и посмотрел на часы. Время летит, а меня ожидают ещё две девушки. Так что я не могу долго любоваться пейзажами в обществе загадочной Стефании. И тогда решил – хотя Кельни и не желает делиться информацией, попробую закинуть удочку. Глядишь, и ещё что выплывет.

– Когда-то, давно, – начал я, – здание называлось дворцом Эа. Здесь, в соседней комнате убили великого бога. Но преступники, видимо, не рискнули выбросить тело в космос. А может, имелась и другая причина. И, в соответствии с вашей гипотезой, корабль стал вечной могилой Эа, Властелина Земли. Я правильно изложил, Стефания?

– А может, вам известно и моё имя? – с неким вызовом бросила Снежная королева. Но головы не повернула. А меня озадачила.

– Я знаю, когда Энлиль (Стефания опять вздрогнула) решил убить брата, сторонники предали великого Эа (и вновь некая реакция на лице девушки). Возможно, перед смертью он догадался об измене, и наслал проклятие на бывших со-

ратников. И последствия древнего преступления....

– Хватит!!! – гневно зарычала Снежная королева. Но ещё в голосе я различил нотки истерики. Странно, что давние события вызывают у девушек столь живые эмоции. – Что вы можете знать о древних? Вам рассказали эти....

Я ждал продолжения, но Стефания не закончила.

– Мой вам совет, – произнесла Кельни погода удивительно спокойным голосом. – Забудьте. Не тревожьте древние проклятия. Вы ещё пожалеете, что оказались здесь. А теперь пошли отсюда.

Стефания резко повернулась и направилась к лестнице. И у меня создалось впечатление – девушка отлично знает, куда идти. Кельни уверенно переходила из одной комнаты в другую, посетив так же ту, где лежало тело Новака. Впрочем, здесь не задержалась, хотя и заглянула за роковой выступ. А я едва поспевал за ней. Снежная королева приобрела надо мной удивительную власть.

Следственный эксперимент завершился. Но я не сомневался – Кельни знает об убийстве бога Эа. Возможно, девушка член какого-нибудь тайного ордена. Вот и реагирует так эмоционально на давние события. Попробуй истинно верующему католику сказать против Христа. Да за такое еретиков на кострах сжигали.

На обратном пути Стефания шла впереди. Девушка замкнулась, и повела меня по маршруту, каким я и не подумал бы идти к шлюзу. Создавалось впечатление – Кельни

хотела посмотреть на определённые здания, поскольку часто меняла направление. Сперва подозревал – Снежная королева заблудилась, когда пошла вокруг центрального озера. Но ни тени сомнения не отразилось на задумчивом лице девушки, и ни разу не остановилась. А в конце вывела меня к шлюзу.

Не попрощавшись, Кельни ушла на космолёт с дежурным сержантом. И в моей памяти навсегда осталась таинственной Снежной королевой.

Глава 8.

Книга Ника Уралова

16 марта

– Лесиль, вы утверждаете, что на закрытом для посещения третьем этаже искали, хм, дамскую комнату. Но почему вы решили подняться наверх?

– Сдаюсь, лейтенант, – вздохнула Файертрап с неким облегчением, по-видимому, сражённая моей безупречной логикой. – Я искала кое-что другое.

– Так поведайте новую версию. И хотелось бы услышать истинную, поскольку у меня есть возможность проверить.

У нас с Файертрап с самого начала не складывались отношения. При общении участвуют две стороны. Так вот с моей никакой предвзятости. Дело в Лесиль. Возможно, девушку тяготит вынужденный разговор с полицейским. Но я чувствую, дело в чём-то ещё.

Между нами большая несовместимость. Я никогда не стал бы с ней встречаться. Хотя меня и привлекает красота Лесиль, но мы настолько разные, словно из параллельных миров. И то же, по-видимому, ощущает и девушка. Ведь женщины намного чувствительнее мужчин. И необходимость общения раздражает обоих. Но, возможно, я нафантазировал. А на деле Файертрап желает скрыть вину и юлит.

– Лейтенант, я не хочу говорить с вами на данную тему, – промямлила девушка. *Вот так заявление!*

– Простите, но вы не можете отмахнуться от меня, как от назойливой мухи. Мы не на свидании.

– Я требую адвоката, и буду говорить лишь в его присутствии, – не сдавалась девушка. Но держалась спокойно, как удав, собирающийся заглотить мартышку.

– Тогда вы проведёте в нашей прекрасно оснащённой арестантской камере примерно две недели, пока ваш адвокат прибудет сюда.

– Шантаж? – поинтересовалась Файертрап тоном, словно мы говорим о ком-то другом. Затем Лесиль с отрешённым видом на ходу поправила корсет, ослабила и снова завязала шнуровку, будто иного занятия сейчас и нет. И по языку жестов я понял – девушка пытается выразить то, чего не может сказать. А именно – отстаньте от меня.

– Не шантаж, – ответил я, стараясь не обращать внимания на отрешённость собеседницы. – А констатация. Если вы не знаете – экскурсионные группы формируются примерно за неделю до вылета, а иногда и за две. Поверьте, очень много желающих попасть сюда. Поэтому вашему адвокату, чтобы прилететь на ковчег, потребуется на общих основаниях пройти медкомиссию, дождаться отбытия космолёта, и ещё шесть дней полёта. Вот, как минимум, две недели. Причём, за ваш счёт. Вы же будете находиться в камере, поскольку иных помещений для нарушителей порядка здесь нет. А я

имею право задержать вас до дачи показаний. Так что, подружески советую объяснить мотивы поведения. И завтра же вы отправитесь домой. Ну, как?

– Лейтенант, почему вы так допытываетесь? Я же не сделала ничего предосудительного. Ну да, нарушила какие-то ваши правила. Накажите меня, оштрафуйте. Что вы пристаёте ко мне с расспросами? Я не хочу на них отвечать.

Хотя Файертрап и выдала напряжённую речь, но в голосе ни капли эмоций. Будь у неё больше темперамента, получился бы скандал. А так безликое мычание. Лесиль словно неживая. И говорит с видимым трудом. Вот кто, по-моему, не соответствует роли модели.

– Итак, я констатирую – вы отказываетесь сотрудничать с представителем закона, – официальным тоном провозгласил я, останавливаясь перед девушкой.

Лесиль ничего не ответила, а лишь потупила глаза. Непробиваемая позиция Файертрап взбесила меня. Возможно, сказывается усталость, ведь сегодня пришлось изрядно поработать. К тому же, рабочий день закончился, и по режиму, принятому для сотрудников ковчега, я два часа должен спать, а не болтаться по городу.

– Мне нечего сказать, – лениво протянула Лесиль.

– Значит, возвращаемся в камеру. И у меня появляются основания подозревать вас в совершении преступления.

– В каком? Что я зашла за линию ограждения? – в противоположность моему напряжённому тону, та же отрешённая

реакция.

– Нет! – сорвался я. – В том же здании, где вас задержали, совершено преступление.

– Лейтенант, простите, но я ничего не знаю, – произнесла Лесиль, не повышая голоса. – Вы берёте меня на пушку, надеясь, что стану откровенничать.

– Странная позиция. Я пытаюсь говорить с вами как с взрослым человеком, а слышу в ответ детский лепет. Уважаемая, повторяю, мы с вами не на свидании. И я не мальчик, жаждущий вашего снисходительного взгляда, а полицейский, способный осложнить вам жизнь. После отказа сотрудничать, вы являетесь подозреваемой номер один, и сейчас мы возвращаемся в арестантскую. Я заведу на вас дело и переодену в тюремную одежду.

– Лейтенант, поверьте, то, о чём я не хочу говорить, не касается музея.

– Вы ошибаетесь. Всё, происходящее на ковчеге, является моим делом. Я и поставлен здесь, чтобы следить за порядком.

– Да, вы правы, – согласилась Лесиль. – Но я не хочу....

– Посмотрите сюда. Видите чёрное пятно? – я указал на след от взрыва, где погиб работавший до меня лейтенант Берн. Мы как раз проходили мимо. – Вот свидетельство, что происходящее на ковчеге готовится на Земле.

– Вы говорите о теракте? – безучастным тоном спросила Лесиль. – Нам рассказывал экскурсовод.

– Послушайте, сегодня на закрытой для посещения территории музея задержаны шесть девушек. Подобного ни разу не случилось за четыре года работы Атлантиды. И отставшие от групп женщины собрались в одном здании. Как вы объясните удивительное совпадение?

Лесиль ничего не ответила, а я, распаяясь, продолжал:

– Далее, задержанные говорят, что нарушили правила по естественным причинам, и не считают себя виновными. Ерунда. Я допускаю, пара девушек, независимо друг от друга, могла в одно и то же время решить побродить по закрытым комнатам музея. Даже три. И то, если две из них подружки. Но задержаны шесть. Известно, что по корпусу гуляла ещё одна. И что, по-вашему, мне думать?

Файертрап не реагировала. Похоже, мысли Лесиль блуждают в загадочном мире иллюзий, где нет приставучих коп. Но я сорвался, и не мог остановиться.

– В то же время в том самом здании совершается тяжкое преступление. У меня есть рабочая гипотеза – задержанные девушки члены террористической группы. Вы успешно провели операцию, но попались.

– Можете думать, что угодно, – промямлила Лесиль. – Я не говорила о террористах.

– Но вы лгали с самого начала, заявив, что на третьем этаже искали несуществующий туалет. Сейчас вы признаётесь во лжи, но правду раскрывать отказываетесь. Что мне остаётся думать? Итак, мы возвращаемся в арестантскую, и те-

перь вы являетесь подозреваемой номер один. Можете не отвечать на вопросы до прибытия вашего адвоката. Всё, что вы скажете, будет использовано....

– Погодите, лейтенант. Не надо так, – в голосе спящей кра-савицы появилось чуть-чуть эмоций. – Поверьте, я не лгу. Да, я нарушила ваши правила. Но причина не имеет отношения ни к какому преступлению. Я пряталась от одного человека. Ну вот, я и сказала.

– От кого?

– Ох. Ну, какой же вы настырный. Я призналась, а вы продолжаете давить.

– В чём? Я снова услышал блеф, как и поиск дамской комнаты на третьем этаже.

– Нет, правда, – возразила Файертрап. И хотя говорила спокойно, у меня возникло ощущение – девушка на грани срыва.

– Ну, хорошо, – выдохнул я. – Вы сказали, но я не поверил. А сейчас пройдем в шестой корпус, и вы покажете, где находились во время ареста.

В полном молчании мы преодолели оставшийся путь до дворца Эа. Следуя за Лесиль, я размышлял – что теперь делать? Четыре опрошенные девушки не дали ни одной зацепки. А намёки на древнее убийство меня не касаются. Я ведь должен определить: кто и как нанёс роковой удар Новаку. Но, боюсь, мне не преуспеть. Есть такое предчувствие. Хотя, чего переживать? Я ведь коп, а не ищейка. Соберу ули-

ки, составлю рапорт, и передам по инстанциям. Пусть дальше разбираются те, кто имеет семь пядей во лбу.

Впрочем, существует небольшая, ну, совсем крохотная, надежда, что Лесиль даст показания. Хотя бы в отношении упущенной солдатами девушке, замеченной Стефанией.

– Итак, мы в самом начале, – в холле шестого корпуса я подвёл Файертрап к красной ленте. – Вы отстали от группы, когда люди выходили наружу. Вы перешагнули канат и побежали к лестнице, словно за вами гнались. А теперь расскажите о дальнейших приключениях.

– Ну, раз вы так подробно описали, то знаете и остальное, – ответила Лесиль, показывая, что не желает сотрудничать.

– Идите вперёд, – приказал я.

Лесиль не возражала, и перешагнула ленту. Благо короткая юбка не мешала движениям.

– Ведите меня по вашему маршруту, – я старался, чтобы голос звучал как можно спокойнее и официальнее.

Поднявшись по ступеням, Лесиль остановилась на втором этаже возле лестницы.

– Вы тут стояли? – поинтересовался я.

– Да.

– Вы с кем-то встречались? Я имею в виду, на этаже?

– Нет.

– Вы лжёте. В то время как вы поднялись по лестнице, в двух комнатах находились три девушки.

– Но если вы знаете, то зачем спрашиваете? – проямлила Файертрап.

– Лесиль, мы проводим следственный эксперимент. И вы должны дать показания, чтобы снять подозрения с себя.

– Какие, лейтенант? Что я нарушила правила ва... .

– Чёрт возьми, в совершении убийства, произошедшем здесь в то самое время, как вы прогуливались по этажам, – я опять сорвался. Но с меня достаточно утончённой меланхолии.

– К – какое убийство? – выдавила Лесиль. А глаза стали едва не в два раза больше.

– Самое настоящее! – взревел я. – А то ходил бы тут с вами да расспрашивал, что да как. Неужели не доходит? Я хочу снять с вас подозрения, а вы ломаете комедию.

– Вы честно говорите? Вы не берёте меня на пушку? – на лице девушки возникло подобие румянца, да и голос стал живее.

– Если вы не начнёте сотрудничать, я отправлю вас в камеру. И тогда через пару недель будете разговаривать со следователями. Всё, я сыт вами по горло.

– Но, послушайте, лейтенант, что я такого сказала? Я не... . Ах, наверное, с моей стороны звучит нелепо... . Да, вы правы... . Убийство... . Если здесь... . Ну, хорошо. Я расскажу, где ходила. И после вы не будете подозревать меня?

– Вы начинайте. А я решу, что в ваших словах правда.

Я мечтал оттащить Лесиль в камеру и бросить там на пару

дней. Может, тогда спящая красавица ожила бы, и начала хоть немного думать головой.

– Хорошо. Я расскажу, – вымучила девушка, снова утерев признаки жизни. – Я поднялась по лестнице. Остановилась здесь, и затем смотрела вниз. За мной следил мужчина, и я хотела спрятаться от него.

– Кто?

– Не знаю. Может, какой-нибудь поклонник. Когда долго работаешь на виду, появляются разные типы, и начинают домогаться тебя. Вот я и решилась на космический тур. Думала, если на пару недель исчезну из поля зрения мужчины, он отстанет. Но встретила прямо здесь. Незнакомец шёл в группе экскурсантов, предшествовавшей нашей.

– Значит, прилетел с вами на одном корабле.

– Почему? – на лице девушки отразился испуг. Лесиль оживилась, и теперь стала больше походить на нормального человека. – Я не замечала его во время полёта.

– Раз увидели другую группу, значит, прибыли с ней на одном челноке. Экскурсоводы выходят в город с интервалом в пятнадцать минут. Что даёт возможность рассредоточиться по маршруту и не мешать остальным. И вы не можете встретиться с людьми, прилетевшими на другом корабле. Между ними перерыв в пол часа.

– Но я не видела мужчину на борту.

– Вы находились в разных концах челнока. А ещё преследователь мог избегать вас.

– Понятно.

– Что дальше?

– Не уверена, заметил ли меня незнакомец. Но я хорошо видела, как тот крутил головой и кого-то высматривал в нашей группе. Я не сомневалась – искал меня. Думаю, мужчина узнал, что я взяла билет на экскурсию, и купил себе.

– Кто и почему вас преследует?

– Я же говорила: поклонник, либо шантажист. Да мало ли всяких прилипал, жаждущих поиметь что-нибудь от богатой девушки.

– Мужчина присылал вам письма?

Файертрап покачала головой.

– Выдвигал претензии в устной форме? Вступал с вами в какие-либо иные контакты? Может, через ваших знакомых?

Та же реакция.

– Скажите, Лесиль, вы говорили кому-нибудь, что за вами ходит какой-то тип?

– Нет. Знаете, со временем начинаешь привыкать к определённым вещам. И говорить о таком в нашем кругу не принято. К тому же, мужчина не приставал, а лишь следовал на удалении.

– Лесиль, вы самостоятельно решились на космическую экскурсию? Или вам кто-то посоветовал совершить полёт на ковчег в качестве средства избавления от назойливого преследователя?

Девушка задумчиво посмотрела на меня, но промолчала.

– Давайте подойдём с иной стороны. Лесиль, а не пытались незнакомец внушить мысль, что вы подвергаетесь опасности? А позже кто-то предложил вам слетать в космос, чтобы избавиться от хвоста?

– Даже не знаю, – выдохнула Файертрап, и замолчала.

Хоть бы снова не впала в безучастную прострацию, – взмолился я. И просьба оказалась услышана.

– Признаюсь вам, полёт в космос – одна из моих детских грёз, – в своей неторопливой манере заговорила девушка. – Но я долго откладывала. То одно, то другое. И когда начал доставать настырный преследователь, я решила – настало время лететь. Ой, я сейчас вспомнила, что разговаривала о нём с одной подругой.

– С кем?

– Сандра Тирова. Мисс Африка прошлого года. Помните?

– Я не слежу за такими событиями.

– Я как-то поделилась с ней, что меня достал поклонник. Сандра посоветовала тайно съездить куда-нибудь, чтобы потеряться из виду. И преследователь может успокоиться за время моего отсутствия. Тогда как-то сама и пришла мысль о ковчеге.

– А не Сандра ли подкинула вам идею?

– Вообще-то да, – задумчиво кивнула девушка. – Теперь я вспоминаю. Сандра тоже оказалась в таком же положении, и полёт на ковчег помог освободиться от прилипалы.

– Ясно. А сейчас, Лесиль, вернёмся к нынешнему дню. Итак, вы снова увидели преследователя и спрятались в здании.

Девушка в задумчивости прошлась по мостику. А я следил за ней взглядом, поскольку смотреть тут больше не на что. Первое небо когда-то населяло множество жителей. Но со временем корабль опустел, и превратился в грандиозный памятник неведомым создателям.

– Наша группа остановилась у выхода, – нарушил тишину голос Файертрап. – Люди слушали экскурсовода, рассказывавшего про общие черты архитектуры дворцов ковчега и древних построек Земли. Я посмотрела в окно холла, и увидела, как тот мужчина покинул группу и идёт к нашей. Я испугалась, запаниковала и бросилась к лестнице.

– Неужели парень так уродлив?

– Нет. Просто я терпеть не могу прилипал и незнакомых мужчин. (*Точно. Прочувствовал на себе.*) Я испытываю страх, когда он смотрит на меня, и мне хочется спрятаться. Я не думала, что нарушаю правила. А испугалась и побежала вверх.

Не могу представить, чтобы девушка с таким ростом запаниковала, и стала убегать от мужчины, словно щенок.

– Посмотрите, так выглядел ваш прилипала? – я открыл планшет с фотографией Новака.

Лесиль уставилась на экран. А я не отрывал взора от лица девушки, надеясь заметить хоть какую-то реакцию. Но, увы.

– Я не знаю этого человека.

– Так что же заставило вас подняться на следующий этаж? – спросил я, отключая планшет.

– Я услышала голоса.

– Расскажите, – поторопил я. Несмотря на вроде бы появившееся желание говорить, Лесиль оставалась немногословной.

– Девушки беседовали в комнатах. Я испугалась, что меня найдут сотрудники музея. Я же скрывалась от преследователя и совсем не думала, что нарушаю правила. А когда опасность миновала, то стала размышлять о собственном поведении, и поняла, что мне достанется. И решила подняться ещё на этаж.

– Что вы делали там?

– Я заглянула в одну из комнат и увидела Квин. Догадалась по одежде – девушка не сотрудница музея. Гетти увлечённо разглядывала панно, и не заметила меня. Затем я вернулась к лестнице. И тогда мимо прошла ещё одна женщина.

– Кто? – нетерпеливо воскликнул я, предвкушая, что проявится личность таинственной незнакомки, о ком упоминала Стефания. Но, увы, меня ожидало разочарование.

– Кельни, – ответила Лесиль.

Вот те на! Кто из девушек лжёт? И куда девался призрак Стефании?

– Вы испугались?

– Да. Я решила – лишь сотрудница может так спокойно

разгуливать по этажам. Но Стефания прошла мимо и кивнула мне. Я ответила тем же.

– Вас здесь арестовали солдаты?

– Нет. Стефания зашла в комнату к Гетти, а я поднялась на четвёртый этаж. И тогда опять услышала голоса – внизу мужчины громко спорили с женщинами.

– Поднимаемся на третий этаж, – скомандовал я. – И пройдем по вашему маршруту.

Лесиль неторопливо, словно на подиуме, развернулась, видимо, по привычке демонстрируя фигуру, и начала подниматься по ступеням. А на площадке третьего этажа остановилась и повернулась.

– Вспомнила одну деталь. Перед тем, как я встретилась со Стефанией, кто-то пробежал по лестнице. Но я ходила по комнатам, и никого не видела. А шаги бегущего человека слышала.

Есть! Сердце забухало, как барабан. Седьмая девушка не миф. Но, кто та таинственная особа, скрывшаяся от охраны музея? На задержанных женщин имелись рапорты экскурсоводов, но об исчезновении ещё одной не упоминалось. Кто же та незнакомка? И как ей удалось скрыться? Или снова ложь? Девушки могли сговориться и, чтобы выгородить друг друга, ссылаются на некую исчезнувшую особу, на кого так удобно свалить убийство.

Мы прошлись по комнатам. Файертрап показала, где стояла Гетти Квин и откуда услышала шаги.

– Давайте поднимемся на следующий мостик, – велел я спутнице, и мы направились по ступеням вверх.

– Лесиль, вы увидели ещё одну девушку на четвёртом этаже?

– Если имеете в виду ту, что пробежала по лестнице до прихода Стефании, то нет. Я искала, но никого не обнаружила. Помню, удивилась, ведь отчётливо слышала быстрые шаги.

Где же девушка могла спрятаться? Бойцы службы безопасности обшарили дворец в поисках убийцы, но кроме шести задержанных никого не обнаружили. И тут пришла фантастическая идея. Может, таинственная мисс Икс воспользовалась трансформером? Но, насколько я знаю, ещё никому не удавалось активировать системы ковчега. Нет, слишком надуманно.

А если Файертрап по-прежнему лжёт, пытаюсь выгородить подругу? Случайные воспоминания кажутся подозрительными. К тому же, Лесиль с самого начала не желала вести искренний диалог. Может, боялась проболтаться и выдать себя? Но, когда пришла сюда, у неё созрел новый план. А рассказала лишь то, что могли знать остальные девушки. Ведь таинственную незнакомку видела и Стефания. И такое предположение выглядит правдоподобней, чем использование трансформеров дворца.

– Лесиль, я вам не верю.

Девушка лишь взглянула на меня. Но в глазах не ощуща-

лось напряжения, как у застигнутого врасплох преступника или лжеца. Файертрап смотрела прямо. Я не заметил и тени эмоций.

– Куда могла спрятаться таинственная незнакомка? Как видите, здесь негде укрыться. И на ум приходит лишь одно – та седьмая девушка ваша подруга. Или нанятый убийца, помогавший избавиться от следившего за вами мужчины. Подозревая, что у задержанных женщин я мог узнать о существовании незнакомки, вы подтвердили факт присутствия, но отказываетесь сообщить о личности, совершившей преступление.

– Ваше дело выдвигать гипотезы и доказывать, – спокойно ответила Файертрап. О, какая у неё выдержка. Стоит поучиться. – Я рассказала всё, что знала.

Хм. Как-то не вяжется наспех придуманная версия с Лесиль. А вот показания девушки звучат правдоподобно.

Мы спустились вниз, и по экскурсионному маршруту направились к шлюзу. Погрузившись в размышления, я не обращал внимания на спутницу, да и Лесиль не стремилась к диалогу.

Файертрап невиновна. Когда девушка появилась в Атлантиде, тело Новака окоченело. Но и таинственная незнакомка тоже ведь не убийца.

Стоп. А вот мисс Икс и подходит на роль преступника. И тут фантазия развернулась в выстраивании нового сюжета. Я видел в записи, как Новак перешагнул ленту и вошёл

в башню. Лицо будущей жертвы выглядело напряжённым. Впрочем, данное обстоятельство ни о чём не говорит. Артур нарушал правила музея и волновался. А может, страдал несварением желудка.

Погодя, за Новаком последовала мисс Икс. Стоит посмотреть записи из холла за целый день, возможно, и отыщется седьмая девушка. Таинственная незнакомка могла прилететь на одном корабле с будущей жертвой. Следуя за мужчиной, поднялась на третий этаж и нанесла роковой удар. И затаилась. Внизу находились люди, и мисс Икс дождалась, когда народ уйдёт. Может, даже караулила у окна, наблюдая за движением экскурсионных групп. Но на этажах стало многолюдно. Туда поднялись Ядвига, Альберта с Патрицией, Гетти и Лесиль. Вот-вот могли обнаружить труп. А после, наверняка, станут обыскивать помещения.

Итак, в одной из комнат убийца дождалась, когда люди покинут холл, и начала спускаться. Но заметила Стефанию, и бросилась по лестнице назад. Файертрап ходила по комнатам. Проход свободен. Мисс Икс незамеченной поднялась на четвёртый этаж. Но куда исчезла? Стефания больше не видела призрака. Услышав, как кто-то пробежал по ступеням, Лесиль направилась следом, но никого не нашла. Где же делся седьмой человек?

Загадка. Впрочем, существует ещё возможность (и не одна), куда спряталась мисс Икс. А ведь, казалось бы, это первое, что должно прийти на ум. Таинственная незнакомка

могла укрыться даже на третьем этаже за выступом, где лежало тело Новака. Ведь девушки не видели труп, пока солдаты не провели тщательный обыск, и не заглянули в каждую щель...

Не получается. Я подумал, когда Лесиль путешествовала по четвёртому этажу, а Стефания по третьему, мисс Икс спустилась на второй, и прошмыгнула вниз. Но Снежная королева не заходила в комнаты, и мостик оставался на виду. Кельни прошлась по коридору и, обнаружив девушек, поднялась на третий этаж, где столкнулась с Лесиль. Значит, Стефания не могла упустить своего призрака.

И ещё теория не объясняет присутствие задержанных девушек на закрытой территории шестого корпуса. Женщин свела туда некая веская причина. Возможно, я прав на счёт террористической группы. Но доказательств у меня нет. А ещё удивительные сны и картины Альберты. Да и непонятное видение Ядвиги. Можно голову сломать.

Я расстался с Лесиль у шлюза, куда мы добрались в полном молчании. В сопровождении дежурного солдата девушка отправилась на космолёт отдыхать до утра, пока не заберёт отбывающий на Землю корабль. А я поспешил в арестантскую.

Глава 9.

Книга Ника Уралова

16 марта

– Наконец-то, – сонно выдохнула Гетти, прикорнувшая на ближайшей к двери кровати.

– Не стоит винить меня. Вы уступили очередь Лесиль. Так что не обижайтесь.

– Ну, ладно, – потягиваясь, мурлыкала красавица. Затем по-кошачьи потёрла глазки и, усевшись, неспешно оправила кофточку, едва прикрывающую соблазнительную девичью грудь. Удивительно, но большой сиреневый бант на прежнем месте.

– Не забывайте, лейтенант, в газетах обязательно появятся материалы, как вы бессовестно истязаете туристов. А единственным преступлением явилось фривольное поведение. Да разве девушкам запрещается делать, что им хочется?

– Неужели женскому полу всё позволено? – усмехнулся я. С Гетти я чувствую себя легко и раскованно, и шучу с удовольствием.

– Ох, какой же вы моралист, – выдохнула девушка. Затем так сладко, будто маленькая кошечка, потянулась и, глядя на меня, игриво зевнула. Я даже потряс головой от нахлынувшего сексуального наваждения. Гетти откровенно заиг-

рывает со мной, и я невольно поддаюсь чарам.

– Пожалуйста, выходите, – произнёс я, распахивая дверь и отводя глаза. Мне нужно время, чтобы освободиться от соблазнов. Гетти непростая штука. Не станет же девушка откровенно заигрывать с копом. Нет, тут иное. Квин хочет расположить к себе облачённого властью мужчину, чтобы извлечь возможные дивиденды в виде информации. Кстати, один из женских приёмов, на какой часто ведётся сильный пол.

Хм, рассуждать легко. Разумом то я хорошо понимаю, но мужская природа не желает смиряться.

– Какой вы резкий, лейтенант, – томно произнесла Гетти. Затем поднялась с кровати и, бросая на меня загадочные взгляды, оправила клетчатую юбочку.

Я думал, Квин поспешит выйти из камеры. Но ошибся. Первым делом Гетти подошла к умывальнику и, напевая, побрызгала в лицо водой. Я со спины любовался стройной фигуркой. Полагаю, девушка того и добивалась, разыгрывая передо мной спектакль пробуждающейся красавицы. Ещё раз потянувшись, так что юбочка приоткрыла лишних пару сантиметров обольстительных ножек, Гетти вернулась к койке и взяла сумочку.

– Мне кажется, вы не хотите покидать нашу, хм, комнату для гостей, – произнёс я, наблюдая за Квин.

– Да, здесь мило, – промурлыкала девушка. – Такие удобные матрасы. Знаете, лейтенант, мне хочется запомнить ан-

тураж. Когда вернусь на Землю, создам у себя такую же романтическую обстановку, и буду принимать друзей. Представляете – секс в тюремной камере.

– Думаю, быстро наскучит. Тут казенно и однообразно. А для настоящего полёта фантазии требуются обширные пространства.

– Да вы философ, – усмехнулась Гетти. Девушка, наконец, покинула камеру и игривой походкой направилась к выходу. – Чувствуется большой опыт в подобного рода делах.

– Да и вы не невинная овечка.

– А что, так заметно? – подняла девушка бровь. О, как же красавица умела в вопросах флирта. Каждое слово, взгляд, движение будят во мне страстные желания. Гетти околдовывает меня лишь одним присутствием, и делает мягким и податливым, как масло.

– Думаю, мы будем обсуждать иные темы, – официально произнёс я, когда мы вышли в город. Нужно срочно брать инициативу в руки.

– Фи, какой грубый, – ворковала Гетти, приближаясь ко мне. – Лишь одним тоном вы разрушаете такую милую беседу. На будущее, лейтенант, запомните. Самое главное в жизни – умение создать вокруг себя атмосферу, в которой приятно находиться. Ведь к таким личностям тянутся другие. А значит, вы преуспеваете. Так давайте не будем разрушать хрупкое творение наших душ.

– Как романтично, – улыбка помимо воли тронула мои гу-

бы. – Я обязательно запомню. Но, к сожалению, мы не на свидании.

– А жаль, – произнесла Гетти. – Но, в мире всё относительно. И, кстати, можно изменить. Стоит лишь захотеть.

– Безусловно, – ответил я. Но предпочёл держаться подалеже от девушки. Не знаю, что у неё на уме. А неприятности мне ни к чему.

– Скажите, лейтенант, в чём вы обвиняете меня? – спросила Гетти, изменив тон. – Я осталась последней из девушек. Помню, как-то читала в детективах – сыщики действуют методом отсека: невинных освобождают вначале, а подозреваемых оставляют. Или вы особо благоволите ко мне?

– Какое преступление? – насторожился я.

– Не будете же вы утверждать, что пол дня продержали меня в камере из-за какой-то ерунды?

– А, вам хочется стать героиней таинственного преступления. Чтобы о вас писали в газетах, а фотографии красовались в дорогих журналах.

– А вы умеете подстёгивать воображение, – промурлыкала девушка. – Неужели так заметно, что я хочу увидеть себя на обложках? Или вы читаете в девичьих сердцах? Признавайтесь, лейтенант.

– В таком случае, я стал бы самым популярным мужчиной, а женщины устраивали б сражения, чтобы оказаться рядом со мной.

– Ого, какого вы мнения о себе. А знаете, часто во время

разговора люди невольно выдают сокровенные мысли. Значит, вы желаете, чтобы женщины боролись за право находиться с вами? А как вы себе представляете? Вот девушки хватают соперниц за косы, впиваются ногтями в лица, стараюсь как можно сильнее изуродовать конкуренток. А те громко кричат, нет, визжат от боли. Льётся кровь. Но, позвольте спросить – а ради чего? Кто вы такой?

– Нет-нет. Вы озвучиваете не мои фантазии, – рассмеялся я. – Не нужно мне навязывать плоды собственного воображения.

– Скажите, а у вас есть идеал женщины? Какую вы хотите подругу? Рабыню? Или, напротив, предоставите ей полную свободу?

– Знаете, Гетти, с вами интересно, – прервал я вопросы девушки, взявшей инициативу. После молчаливой Лесиль болтливость Гетти казалась странной. – Человек с фантазией изумительный собеседник. Но вы лучше расскажите, что хотели найти в моём компьютере?

– Ну, какой же вы чёрствый, лейтенант. С вами говорят о чём-то важном, а вы копаетесь в скучных подробностях, – выдохнула Гетти. Но тон девушки оставался по-прежнему игривым.

– Такая у меня работа. Но вы так и не ответили на вопрос. Что вы искали в компьютере?

– Ни-че-го, – притворно уныло зевнула Гетти, манерно прикрывшись рукой. – Когда вы отлучились, девушки под-

скочили. Всем хотелось размяться. А я села в ваше кресло, чтобы не цепляли локтями. А там интересно, словно на капитанском мостике, откуда можно управлять событиями. Такие фантазии меня увлекают. Ну, вот я и решила немного поиграть в вас. А на кнопку нажала, поверьте, случайно, когда садилась на стул. Монитор включился, и появилась строка пароля. Я, по привычке, ткнула пальцем. Так будоражит воображение – сидишь в кресле начальника полиции и взламываешь секретный код. Но, вы же знаете, у меня ничего не получилось. Так зачем устраивать допрос?

– И как у вас просто выходит: захотела – села. Поиграла – взломала пароль.

– Неправда. Вы наговариваете, – Квин надула губки. – А если будете голословно обвинять меня, я не стану беседовать с вами.

– Сдаюсь, – я с улыбкой поднял руки. На Гетти сердиться невозможно. – Вы верх совершенства....

– О, как мне нравится, когда мужчины замечают очевидное, – промурлыкала девушка с таким важным видом, что я невольно рассмеялся.

– Неужели я сказала что-то смешное? – возмущённо спросила красавица. – Разве констатация фактов в следственных органах такое весёлое занятие?

Я отвернулся, с трудом заставляя себя успокоиться.

– Женщина даёт жизнь. Без нас не могла бы существовать цивилизация. Скажите, лейтенант, а разве для вас мать

не священна?

– Вы победили меня силой логики, – вновь я поднял руки. И губы девушки тронула снисходительная улыбка.

– Ну, а теперь, венец природы, богиня во плоти, расскажите, что вы делали сегодня днём во дворце Эа?

– Если вам известно древнее название, вы не должны задавать такие вопросы, – Гетти вмиг преобразилась, и внимательно посмотрела на меня.

– Честно говоря, теряюсь в предположениях, – ответил я, не способный воспринимать спутницу всерьёз.

– Во дворец Эа ходят лишь с одной целью, – заявила Гетти. И тон девушки стал холодным. – Откуда вам известно древнее название?

От Квин повеяло зимней стужей.

– Разве так важно?

– Отвечайте! – потребовала Гетти. И воображение нарисовало девушку могущественной повелительницей, гордо восседающей на троне.

– Мне рассказали....

– Кто? – голос Квин стал категоричен и строг.

– Вообще-то здесь я задаю вопросы. И не нужно применять тут психологические трюки. Не подействует.

Глаза девушки грозно смотрят на меня сверху вниз. Гетти буквально кипит, и готова взорваться. Я словно увидел, как госпожа поднимает руку и командует воинам: – Отрубить ему голову. И вот ко мне бросаются стражи с мечами.

Но девушка рассмеялась, преобразившись в миловидную соблазнительницу.

– А вас на мякине не проведёшь.

Меня удивили резкие переходы от веселья к суровости, граничащей с безудержным гневом. За привлекательной внешностью юной красотки явно чувствуются повадки и мудрость зрелой женщины.

– Знаете, скольких ребят мне удавалось так развести? – продолжала смеяться Гетти. – И не сосчитать. Но вы, лейтенант, крепкий мужчина. Я таких люблю.

– Так что же подвигло вас нарушить правила музея и перешагнуть ограждающий барьер?

– Мне захотелось посмотреть на панно, – ответила девушка. Гетти постепенно успокоилась, и теперь бодро вышагивала немного впереди. А я любовался загорелым кусочком спины красавицы, выглядывающим из-под кремовой блузки.

– А откуда вам известно о панно?

– Какую рассказать версию? – усмехнулась Гетти. – У меня есть несколько. Хотите услышать? Ну, во-первых, я нашла изображение в Интернете и мечтала увидеть.

– Логично. Но, как я понимаю, вы не открыли настоящую причину.

– Разве? – удивилась Гетти, устремляясь вперёд.

– Нет.

– И какие эпизоды версия не освещает? – не сбавляя темпа, спутница мчалась, словно ракета на взлёте.

– Почему Гетти Квин нарушила правила музея? – начал я перечислять. – Неужели, чтобы увидеть кружочки на стене? А, во-вторых, почему в один и тот же день, в одном и том же здании то же сделали ещё пять девушек?

– Но, помилуйте, откуда мне знать? – удивилась Гетти. Квин явно желает главенствовать в нашей маленькой процессии и, шествуя впереди, даже не потрудилась оглянуться. – Вы же беседовали с остальными. Так почему я, самая младшая и красивая, должна отвечать за них? Что я им, мама? И неужели ни одна не раскрыла истинную причину?

Хм. Интересно, какую?

– Мне хотелось бы услышать вашу, – я едва не кричал в спину Гетти. – Вернее, я хочу узнать правду.

– А истина одна. Но существуют различные интерпретации. Признайтесь, вы же подслушивали, когда девушки в камере называли вас сексуальным маньяком? Интересно, правда? А из-за чего у них возникло такое мнение о полицейском. Ответите? Почему вместо того, чтобы проводить расследование, вы пялитесь на девичьи прелести? Что? Как вам такая правда? Или хотите предложить иную трактовку?

– Ну, знаете.

– Да не пугайтесь так, лейтенант, – остановившись, Гетти обернулась. – Я, конечно, вас понимаю. Девушки красивые. Да и посмотреть есть на что. Сейчас такие сексуальные наряды. Одежда скорее прельщает, чем скрывает соблазнительные женские формы. Вы не находите? А ещё я вам скажу

по секрету – девушек привлекает такое мнение о мужчине. Каждой ведь хочется оценить, что понравилось другим. А если за этим и впрямь скрывается нечто потрясающее? Вспомните Казанову.

– Мы далеко ушли от темы, – заявил я холодно. Мне не хотелось такого откровения от подозреваемой. И я терялся от прямоты Гетти. Опять девушка обескуражила меня.

Квин снова возглавила нашу процессию, и через мостик устремилась к шестому корпусу.

– Ну, хорошо, лейтенант, вот следующая версия, – Гетти на ходу взглянула на меня. – Но не падайте от моего признания. Ладно? Так вот, мы террористки. У нас целая группа. Вот и оказались рядом. Нам предстояла серьёзная работа. Сейчас я вам честно расскажу, лишь соберусь с духом. И, пожалуйста, не судите меня строго. Хорошо? Я ведь чисто-сердечно раскаиваюсь. Вам, мужчинам, одиноко здесь, так далеко в космосе от родной Земли. Нет девушек, и не с кем развлечься. Вот мы и прилетели сюда, чтобы соблазнить полицейского. И мы стараемся. Ну, сейчас учтены все недостающие элементы?

Ну как можно работать в таких условиях? Гетти сводит меня с ума. В присутствии девушки я ощущаю себя дикарём.

– Мне хотелось бы услышать правду. – Я надеялся произнести фразу официальным тоном. Но, увы. Квин стремительно неслась к шестому корпусу, и я даже запыхался, пытаясь догнать красавицу.

– Хорошо, подождите, я сейчас придумаю третью версию, – воскликнула Гетти. – Но вы должны открыть, какое случилось правонарушение. Мне же надо увязать детали. Или вы хотите, чтобы я изобрела и преступление?

– Гетти, не надо так легкомысленно относиться..., – кричал я, едва поспевая за энергичной девушкой.

– Я вполне серьёзна, лейтенант, – ответила красавица, подбегая к шестому корпусу.

– Так будьте откровенны.

– Кажется, я говорила на счёт истины и различных интерпретаций, – ответила Гетти, останавливаясь у входа во дворец. И, в отличие от меня, даже не запыхалась. Интересно, не состоит ли Квин в спортивной команде университета?

– Продолжаем увиливать, – заметил я, переводя дыхание.

– Лейтенант, я готова ответить на любые вопросы.

– Откуда вы знаете путь к дворцу Эа? – поинтересовался я. Но девушку не застать врасплох.

– А вам, лейтенант, нужно больше заниматься спортом, – заявила Гетти. И тут же с укором добавила: – Посмотрите, как тяжело дышите. Сразу видно любителя понежиться в кровати и помечтать о девушках. Признавайтесь.

– Но....

– Стоп. Говорите правду. Я знаю, мужчины постоянно грезят, как бы соблазнить красавицу. И выстраивают дерзкие планы, чтобы заманить бедняжку в ловушку и подвергнуть сладостной пытке. Но учтите – последнее слово оста-

ётся за женщиной. Именно она решает, когда отдаст невинность достойному рыцарю. А вам нужно думать, как понравиться избраннице, чтобы захотела быть вами соблазнённой. Ну, а сейчас...

В одно мгновение Гетти оказалась рядом. Немного склонилась, руки красавицы властно и нежно охватили мою шею, а затем наступило блаженство. Я погрузился в небытие. Мир исчез, растворился, перестал существовать. И лишь когда поцелуй закончился, я словно вынырнул на унылую поверхность бытия.

– О, дорогой, как восхитительно...., – Гетти страстно обнимала меня, переводя дыхание. Я слышал гулко бьющееся сердце девушки, и чувствовал, как при каждом вдохе поднимается и опускается грудь. Я с удовольствием обонял ни с чем несравнимый аромат женского тела. И ощущал, как снова выпадаю из реальности, когда волшебные губы красавицы опять прильнули к моим.

Но я задыхался, и ничего не мог поделать. И с трудом оторвался от жаркого поцелуя.

– И как у тебя получается? – ворковала Гетти у моего уха. – Я ещё никогда так не целовалась. Ты околдовываешь мою душу. С самого начала меня тянуло к тебе. Но я и подумать не могла, что будет так восхитительно. Я никому не скажу, что ты умеешь так целоваться. Иначе каждая женщина захочет испытать с тобой сладостный миг неземного блаженства.

– Дело в тебе, – возразил я, польщённый комплиментом. – Ни одна из девушек не дарила мне такого удовольствия при поцелуе.

– Видимо, наши энергии настолько близки, что, едва тела соприкасаются, тут же объединяются.

– Ты о чём? – не понял я, пытаясь стряхнуть волшебное оцепенение.

– А ты знаешь, почему мужчин и женщин тянет друг к другу?

– Наверное, любовь.

– А что это такое? Животная страсть? Или существует что-то ещё, влекущее людей? Почему тоскуешь о любимом, и никто другой не может заменить его? Почему близость между полами даёт удовлетворение? Почему, когда долго нет сексуальных партнёров, чувствуешь голод? Если не знаешь, я расскажу. У тебя мужская энергия. А у меня женская. Но каждому не хватает частички другого пола. Так мы устроены – нам периодически надо восполнять недостающее, и только физическая любовь насыщает нас. Во время оргазма мужчина с семенем передаёт женщине энергию. А мы делимся с партнёром своей, лишь достигая пика наслаждения. Вот почему так важно обоим получить удовлетворение.

– Гетти, мы слишком отвлеклись, – попытался я направить беседу в иное русло.

Но слова будто послужили командой, и жаркие девичьи

губы опять нашли мои. И мы улетели куда-то за горизонт событий, в далёкий и таинственный мир, называемый счастьем. Я с трудом вырвался из объятий Гетти и поспешно отступил.

Что со мной? Я вырубаясь от поцелуев. Нужно срочно прийти в себя и привести в порядок мысли, разбежавшиеся, как овечки в поле. Я же на службе, а не на свидании. Надо быть серьёзным и заняться работой.

Я вошёл во дворец Эа и прошёлся по холлу. Лишь бы подальше от девушки с её умопомрачительно сексуальной аурой (*О, как же она желанна*).

Стоп!

У лестницы я поднял голову, любуясь красотой и совершенством конструкции. Под венчающим башню шарообразным куполом я чувствую себя невесомым. Или тому виной поцелуи Гетти? Ведь раньше не испытывал подобного.

Хватит о ней! Думай о работе. Но как же не хочется.

Постепенно дыхание успокоилось, да и сердце перестало стучать, будто включённое на повышенных оборотах. И теперь я готов приступить к делам. Внутренне собравшись, я повернулся и.... к своему удивлению, не увидел девушку. Сердце вновь учащённо забилося, но не от любви, а из-за тревоги.

Где же Гетти?

Обеспокоенный, я кинулся к выходу.

Квин по-прежнему опиралась на стену двадцать восьмо-

го корпуса. Девушка прикрыла глаза и запрокинула голову. А на губах притаилась сладострастная улыбка. *О, Гетти, что ты делаешь со мной?* Я теряюсь в присутствии красавицы. И, честно говоря, мечтаю забыть обо всём, и вновь броситься в женские объятия. Но не могу.

– О чём вы думаете, лейтенант? – томно спросила девушка. Готов поклясться, Гетти не открывала глаза. Но каким-то образом чувствовала меня.

– Надо подняться наверх, – ответил я, стараясь перейти на официальный тон. Мне кажется, лишь придерживаясь такой линии поведения, смогу довести расследование до конца. Но ошибался. Гетти поработила меня. Я не мог ей противостоять. Кто-то из великих сказал – сила женщины в слабости. И я воочию ощущаю на себе.

– Да, вы правы, – согласилась Квин.

Девушка открыла глаза и неувлимым движением преобразилась. Сейчас в облике красавицы не осталось и намёка, что недавно, такая доступная и желанная, таяла от страсти в моих объятиях. С одной стороны – с профессиональной, я даже рад такому повороту. Но другая половина – мужская, истомившаяся без любви, взывала, протестуя из-за утраты драгоценного подарка судьбы. И невероятных усилий стоило мне унять разыгравшееся воображение.

Квин уверенно прошла к лестнице. И, переступив канат, быстро взбежала по ступеням.

– Гетти, – опять я догонял красавицу, любясь поплёски-

вающими звёздами на гольфах. – Расскажите, какие вы посещали комнаты.

– Неужели так важно? – спросила девушка холодным тоном. Снова играет со мной.

– Мы проводим следственный эксперимент, – ответил я, чувствуя себя не лучшим образом. *Что со мной происходит? То хочу быть суровым полицейским, то страдаю от нестерпимого желания вновь овладеть волшебными губами очаровательной проказницы.*

– Ну, хорошо, – сдалась девушка. – Я поднялась на второй этаж и, не задерживаясь, пошла на третий. Я знала, где находится искомое.

– Кого вы здесь увидели? – поинтересовался я, остывая от страсти и возвращаясь к роли полицейского. Что, признаюсь, давалось с трудом.

– Никого, – ответила Квин, проходя мостик второго этажа и поднимаясь по следующей лестнице.

– Чем так интересно панно? – спросил я, догоняя Гетти. Не задерживаясь у ступеней, девушка прошла в комнату, где на стене красуется барельеф.

– Как говорила, во дворец Эа ходят лишь с одной целью – увидеть карту.

– Но, что в ней такого важного? – поинтересовался я, останавливаясь за спиной Гетти.

– А вы смотрите, лейтенант. Причём, очень внимательно. И, возможно, поймёте.

– Я вижу круги и линии. Никто не знает, что здесь показано. Да и вы не определили, какой химический элемент....

– Да вы смотрите, – оборвала Гетти.

Последовав совету, я уставился на панно, напоминающее схематический чертёж. Учёные считают изображение технологическим рисунком.

Гетти ушла в себя и ничего не замечала. А затем принялась нашептывать. Я прислушивался, но смысла в произносимых шипящих звуках не улавливал. Такого странного языка я ещё не слышал. И тут вспомнил Стефанию, говорившую о том же.

А вечер преподнёс ещё один сюрприз. Когда в очередной раз я взглянул на барельеф, то уловил некое движение. Круги ведь не застывшие. Я готов поклясться. Один приблизился к краю рисунка.

– Двигается! – воскликнул я.

– Заметил, наконец, – холодно усмехнулась Гетти.

– Но, как? Расскажи.

– Сам решай, что увидел.

– Изображение похоже на планетную систему. Но, какой звезды, неизвестно. А раз происходят изменения, значит, перед нами действующее устройство. И мы видим реальную картину пространства.

От прилива эмоций у меня снова голова кругом. Ещё бы. Я сумел разгадать загадку панно, не поддававшуюся учёным. Вот завтра обрадуются, когда расскажу об открытии. А что-

бы перед глазами высоколобой братии не выглядеть пусто-
звоном, я сделал несколько снимков.

– Bravo, лейтенант, – улыбнулась Гетти. – Вы достойны
стать помощником Шерлока Холмса.

– Но я не вижу самой звезды.

– Со временем покажется. Ещё рано.

– Откуда вы знаете?

Но ответа не получил. Вот такая Гетти. То набрасывается
на меня, то становится далёкой и холодной, будто мы и вовсе
незнакомы. Я растерялся. Одна моя половинка страстно тя-
нется к девушке, словно к магниту. А другая, напротив, же-
лает отодвинуться подальше. И такая раздвоенность поро-
ждает в душе конфликт.

Вот так и закончился следственный эксперимент. Квин
подтвердила, что я и так знал со слов других. Гетти пришла
сюда посмотреть на рисунок, оказавшийся схемой звёздной
системы. Девушка нарушила правила музея, за что родите-
ли заплатят штраф. Но, с другой стороны, если Квин сдела-
ла открытие и хотела проверить, то проникнуть сюда офи-
циальным способом вряд ли получилось бы. Строгие законы
корпорации запрещают любую инициативу туристов. А так
наука, возможно, обогатится новыми знаниями.

Удивительно, откуда Гетти столько знает о ковчеге? При-
чём с такими подробностями. И, исходя из поведения кра-
савицы, создаётся впечатление, что та не желает делиться
информацией. Квин явно не позволяла мне задавать вопро-

сы, или не утруждалась отвечать на мои, переводя разговоры на сексуальные темы, чем сбивала с толку. И даже решилась на поцелуй, когда, возможно, не придумала, как отвертеться от прямого вопроса о маршруте к дворцу Эа. Но держалась естественно, так что я не улавливал фальши.

То Квин играла девушку, озабоченную сексом. То непостижимым образом менялась, и поучала, как мудрая зрелая женщина. А я ничего не смог от неё добиться. Гетти хитра и изворотлива, как лиса. А ещё сексуальна и осведомлена о правилах любовного флирта, и способна держать мужчину на необходимой дистанции. Такое поведение красавицы не укладывается в привычную схему. Ну откуда у молоденькой студентки глубокие знания человеческой психики? Необъяснимо. И у меня зародилась мысль – Квин не та личность, за кого себя выдаёт. Слишком умна для юной особы.

– Гетти, сейчас три часа ночи, и нам пора расстаться.

– Неужели вы хотите покинуть меня? – снова Квин превратилась в юную сексуально озабоченную красавицу. Девушка повернулась ко мне, и губы озарила сладострастная улыбка. Мужское сердце тут же растаяло под взглядом, полным любви и обещаний того, о чём лишь мечтают.

– Я увидел, что хотел. Завтра составлю протокол и отправлю в следственный орган.

– Лейтенант, неужели мы совершили такое серьёзное преступление? Я чувствую, вы недоговариваете. Расскажите, что произошло? Я таю от желания узнать правду. Ну, пожа-

луйста.

Нет, под таким напором очаровательных глазок и умоляющего соблазнительного тона мне не устоять.

– Сегодня здесь убили человека.

– Кто жертва? – в одно мгновение девушка превратилась в озабоченную даму.

– Вот, – показал я на экране планшета снимок Новака.

Квин посмотрела на мужчину, и я заметил, как у неё дрогнули ресницы.

– Набу, – словно против воли прошептали губы девушки.

– Что вы сказали?

Но Гетти уже взяла себя в руки и отвернулась.

– Мне грустно, когда умирают в столь молодом возрасте, – печально вздохнула девушка. – Мужчина едва начал жить, ещё, наверное, не успел жениться. Но смерть забрала беднягу. Неправедливо. Пойдём, лейтенант. Я тоже хочу отдохнуть.

И опять смена настроения. С чего бы?

– Гетти, вы знаете мужчину.

– Нет, – девушка покачала головой.

– А что за имя вы произнесли, когда взглянули на фотографию?

– Имя? – удивилась Квин.

Я мысленно усмехнулся. *Интересно, а если я сейчас надавлю? Гетти опять будет целоваться? Или придумает новый трюк, чтобы уйти от ответа?*

– Ну, вроде бы Набу.

– А разве есть такое имя?

– Но вы же сказали.

– Лейтенант, мало ли что может вырваться у девушки.

Не будьте таким придирой. Я не знаю человека с фото. И вы правы. Сейчас три часа ночи. Я устала. Сегодня такой напряжённый день. Арест, камера, допросы. Отведите меня куда-нибудь, чтобы я могла отдохнуть и выспаться.

– Идём к шлюзу, – сказал я. – Прошу. Вы же знаете, куда идти.

Девушка окинула меня взглядом, но промолчала.

– Лейтенант, – произнесла Гетти, когда мы вышли на улицу, – а дворец Эа официальное название здания?

Я едва не рассмеялся. Но скрыл эмоции, наблюдая за разыгрываемым Гетти спектаклем. Девушка понемногу вытягивает из меня сведения, ухитряясь ничего не раскрыть.

– Гетти, а вы не обидитесь, если я вас поцелую?

– К чему вы клоните, лейтенант? – Сейчас рядом со мной не миловидная красавица, а настоящий боец, хладнокровно оценивающий противника, и готовый нанести удар.

– Когда вы не захотели отвечать на вопрос, то поцеловали меня. А если я воспользуюсь вашим же оружием?

– Не будьте ехидным, – вспыхнула девушка. – Вы отвратительный тип. И портите всё.

– Гетти, вы неправильно ведёте игру. Ваша жертва догадалась, что ею манипулируют.

– Я сейчас обижусь, и больше не буду разговаривать.

– Мне кажется, нам следовало договориться об обмене информацией. Давайте проявим уважение друг к другу, и тогда, уверен, у нас получится диалог.

– Мне нечего вам сказать, – задумчиво произнесла Гетти. Возможно, сейчас в ней мудрая женщина берёт верх над юной девушкой.

Разговор не клеился. Погружённые в раздумья, мы неторопливо плелись к шлюзу. И снова Гетти не позволяла мне занимать лидерские позиции. Такова и Альберта. Да и Стефания с Ядвигой не любили оставаться сзади. И у них не просто женская манера шествовать впереди мужчин, а привилегия вождя – находиться во главе. Или привычка красавицы показывать идеальную фигуру? Не знаю.

– Мы почти у шлюза, – сказал я, заметив сфероиды, разместившиеся по обе стороны проспекта.

– Я знаю, – ответила Гетти.

У задержанных сегодня девушек удивительные познания о ковчеге. Словно прожили в Атлантиде какое-то время. А ведь здесь люди терялись среди дворцов. Однажды, в самом начале работы музея произошёл трагический случай, когда человек заблудился и скончался. Но Стефания, Гетти, Альберта и даже Ядвига уверенно чувствовали себя на Первом небе.

– Вы не хотите поделиться информацией?

– Лейтенант, мне нечего вам сказать, – повторила девуш-

ка. – А для меня нынешний день послужит уроком – нельзя недооценивать представителей закона.

– Ну, что же, тогда мы с вами распрощаемся.

– Лейтенант, – Гетти остановилась под пальмой. – Возможно, я веду себя немного странно. Но вы мне понравились. И целоваться хорошо умеете.

– Вы тоже, – вздохнул я, невольно вспоминая, какие же вкусные у девушки губы.

– Я веду себя нескромно? Да? Но я такая. А давайте я вам кое-что подарю. Как знать, может, ещё и пересекутся наши пути. Вы же не всю жизнь будете здесь торчать.

– Хм. Честно, я хотел бы ещё встретиться с вами.

– Держи, – Гетти протянула колечко. – Мне велико, а тебе, думаю, подойдёт.

Я удивился, но взял. Кольца являются символом, и преподносятся жениху или невесте в качестве любовного дара. И со стороны Гетти такой подарок выглядит двусмысленно. Но, может, у неё другого нет. А традиции в наше время не имеют прежнего значения. И я не думаю, что Гетти желает обручиться со мной.

– Примерь.

Я покрутил колечко. Металл жёлтого цвета. Вряд ли из золота. Не будет же девушка первому встречному отдавать дорогой перстень. На лицевую часть шинки нанесён узор, напоминающий арабские письмена, разделённые крохотными звёздочками. В каст, имеющий вид утолщения, вставлен

небольшой белый камешек, слегка отливавший голубизной. Изделие не кажется женским. А если оправу повернуть к ладони, то выглядит обыкновенным кольцом.

– Ну, как? – поинтересовалась девушка.

– Спасибо, – ответил я, надев на средний палец левой руки.

Но должен ли я принимать такой подарок? А если это подкуп служебного лица при исполнении?

– Можно узнать твоё имя? – спросила Гетти, и в глазах девушки я заметил странный блеск.

– Ну, чаще кличут лейтенантом, и я начинаю порой забывать, что меня зовут Николай. Или Ник.

– Симпатичное имя. Кстати, Ник, тебе предстоит много узнать о себе такого, о чём и не подозреваешь.

– О чём ты? – удивился я.

– Скажи, ты знаешь собственных родителей?

– Конечно.

– Они живы?

– Да.

– Хорошо, – задумчиво кивнула девушка.

– А почему ты спрашиваешь?

Меня смутили расспросы. Неужели Гетти собирается замуж? А что, с неё станется. Да и я не против. Но тут же вернулся разыграншееся воображение на брентную землю. *Парень, о чём ты мечтаешь? Вспомни, кто её родители. Зачем девушке, обучающейся в Делийском университете, какой-то*

полицейский?

– Ник, я хочу сказать пару слов на прощание, – лицо Гетти приобрело строгий вид. – Что бы ни случилось, не забывай – я тебе не враг. Хорошо? И ещё.... Не следует копаться в этом деле....

– Не понял? – уставился я на девушку.

– Нет-нет, прости, я сболтнула лишнего. Ведите меня, куда должны, лейтенант. Хотя, минутку.

Гетти наклонилась и по-дружески чмокнула в щёку. Что совсем не походило на прежние страстные поцелуи. Видимо, большего не заслужил. А жаль.

– А теперь идём, – скомандовала девушка.

Вот так мы и расстались с загадочной Гетти. Я и представить не мог, при каких обстоятельствах мы снова увидимся. А сейчас, как и остальных девушек, передал Квин дежурному сержанту и, в последний раз, не без сожаления, взглянув на красавицу, отправился спать. До подъёма осталось два с половиной часа.

Часть 2

Глава 10.

Книга Анны Судьбиной

17 марта

– И почему у такого симпатичного молодого человека нет девушки? – игриво спросила Элен.

Я едва не поперхнулась, и отвела взгляд к видео-панели, подсознательно ожидая чего-то ужасного. О таком я никогда не спросила бы мужчину. Но Элен, похоже, не коробит подобная откровенность.

Переодевшись и закусив в моей комнате, мы решили вернуться в салон. И тут нашли скучающего Бориса Корсака.

– Так получилось, – ответил мужчина, задумчиво водя рукой по серым брюкам. – Жизнь не всегда складывается по заранее определённом плану.

– Ну, почему же? – повернулась я. – Если правильно расставить приоритеты, то получишь желаемое. К примеру, мне хотелось попасть на ковчег. Даже появилась навязчивая идея. И вот я лечу. Мечта сбывается.

– В перспективе так и есть, – улыбнулся Корсак. *Ой, мне нравится, как Борис смотрит на меня. Словно обволакива-*

ет чем-то мягким и уютным. И я подумала, что не зря одела лучшее белое платье, украшенное бисером.

– Ну, а если вернуться к повседневной жизни, – продолжил Борис. – Все ли наши планы осуществляются?

– К сожалению, нет, – выдохнула я. – Иногда мешают обстоятельства.

– А значит, жизнь нельзя спланировать заранее.

– Эй, мужчина, нечего давить логикой, – воскликнула Элен, красуясь в открытом розовом платье, едва прикрывающем колени. – Порой ведь хочется чуда, или хотя бы чего-нибудь приятного.

– Любая случайность предопределена, – заметил Корсак.

– И даже то, что мы встретились? – блеснула Элен глазами.

– Возможно.

– И как ты объяснишь данное обстоятельство с помощью своей теории? – не сдавалась подруга. – Ты следил за нами?

– Зачем? – усмехнулся Борис, откидываясь на спинку дивана. А я тайком любовалась мускулами, бугрящимися под белой тенниской. Красавчик.

– Почему же мы встретились и летим на одном корабле? Ведь могли попасть в разные группы, и вовсе не увидеть друг друга.

– Стечение обстоятельств.

– Ты противоречишь себе.

– Иногда бывает. Но, можно предположить, я не рассмот-

рел всех факторов, способствующих нашей встрече.

– Ты невыносимый человек, – рассмеялась Элен. – С тобой невозможно спорить.

– А я и не собираюсь.

– Но ведь так рождается истина.

– Кажется, ещё Сократ изрёк – я знаю, что ничего не знаю.

Так о чём говорить? Разве мы являемся экспертами по какому-то вопросу? Да и кто такой эксперт? Человек, усвоивший несколько фактов, кажущихся ему неопровержимыми. Так ведь? Но знает ли абсолютно всё? Невозможно. А потому допустимы и ошибки.

Когда-то неоспоримым являлось утверждение, что Земля плоская. Иначе, рассуждали приверженцы теории, люди упали бы с другой стороны планеты. Логично? И где теперь те эксперты? А знаменитое изречение, приписываемое Сократу, озвучил Демокрит в углублённой форме – я знаю то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого. А по-простому – люди не догоняют, что сами недогоняющие.

– Борис, как думаешь, что нас свело? – не сдавалась Элен.

– А что бы вы хотели услышать? О провидении? Или, что души привели нас сюда? Можно придумать ещё кучу разных инсинуаций. Но, истина то где? Вот я и говорю – стечение обстоятельств.

– И никакой романтики, – печально вздохнула Элен.

Воцарилась тишина. Я вновь перевела взгляд на видео-панель. Лишь в салоне можно любоваться межзвёздными про-

сторонами. И то в записи, поскольку у корабля цельнометаллический корпус. Сергей, наш гид, сказал – такая конструкция создана для максимальной безопасности. Но мне так хочется увидеть настоящий космос.

– Я вот думал, – нарушил тишину Борис, – о словах Элен. Девушки, а я ведь случайно попал сюда. Ещё пару дней назад сидел дома и не помышлял о вылете. Но кто-то отказался или не смог отправиться в космос. И вот мне позвонили, и предложили, не ждать ещё целую неделю, а отправиться в тур на следующий же день. Меня ничто не держало, и я согласился.

– Значит, провидение, – выдохнула Элен.

– Называйте, как хотите, – усмехнулся Борис. – Но я не жалею, что экскурсия сдвинулась. Иначе ещё томился бы на Земле в ожидании путешествия. Ну, а вы, Элен, попали сюда по плану?

– Нет, – усмехнулась девушка. – Если честно, я и не собиралась лететь в космос.

– Но вы здесь. Каприз на пятьсот тысяч?

– Можно сказать, я выиграла поездку.

– Как?! – вырвалось у меня и Бориса одновременно.

Глаза Элен вспыхнули.

– Однажды случился пасмурный день. С подружкой Катей я бродила по улицам Питера. К нам стали приставать ребята, и мы решили спрятаться. А поскольку мужчины оказались назойливы, пришлось нырять в первое же попавшееся заве-

дение. Короче, мы вошли в кафе и увидели знакомого Кати – Марка. Такой симпатичный, и холостой. Он предложил нам поиграть в карты.

Элен присела возле Бориса и продолжила:

– Мы завалились к нему домой. Пришло ещё пару любителей игры в покер. И дело завертелось. В начале вечера в моём кошельке лежала тысяча рублей. А через пять часов миллион.

– Надо же! – воскликнула я.

– Говорят, новичкам везёт, – улыбнулась Элен. – По окончании игры я попыталась отдать выигрыш. А партнёры заявили, что поступаю глупо. Но я оставила всё у выхода в шкатулке. Утром Марк позвонил и потребовал, чтобы я забрала деньги. Вроде есть примета – если купюры останутся у проигравшего, то удача навсегда отвернётся. Но я не игрок, и не замарачиваюсь по таким поводам. И наотрез отказалась. Тогда Марк схитрил, и купил мне и Кате полисы на космическую экскурсию. И вот я здесь.

– А почему мы не видим Катю? – спросил Борис.

– Подруга воспользовалась билетом ещё в конце прошлого года. Все уши мне тогда прожужжала, как ей понравилось. А у меня получилось лишь сейчас взять отпуск.

– Провидение? – усмехнулся Корсак.

Элен пожала плечами.

– Но сама я ни за что не потратила бы такую кучу денег на развлечение.

– Ну, а у тебя, Анна, космический тур входил в планы? – спросил Борис.

– Да, – ответила я, и улыbnулась. – Я мечтала.... Нет, бредила полётом. Мне так хотелось на ковчег. Естественно, побывать в космосе на корабле неизвестной цивилизации престижно. Но меня тянуло иное. Возможно, романтика. Я думаю – так суждено.

– Анна, ты веришь в судьбу? – поинтересовалась Элен.

– Нет. Просто я впечатлительная натура. Мне порой снятся удивительные красочные сны. В них я гуляю по Атлантиде. К сожалению, редко удаётся вспомнить приснившееся. Но в душе пробуждаются целые каскады эмоций. Мне начинает казаться – те сны пророческие. И вот я лечу в космосе, и скоро попаду на ковчег.

– А почему ты раньше не полетела? – спросила Элен. – Ведь экскурсии проводятся четыре года.

– Несколько лет я откладывала деньги. Стоимость космического тура для зарплаты преподавателя начальных классов – большая сумма. Но у меня есть мечта. Ведь нужно же к чему-то стремиться. Иначе ради чего жить?

– Я бы так не смогла, – призналась Элен.

– И вот заветная мечта в стадии исполнения, – воодушевлённо продолжила я. – Заключив договор с корпорацией «Древний ковчег», я не могла заснуть целую ночь. Меня переполняли эмоции, и ни с чем несравнимое ощущение исполняющегося желания. Вот что самое интересное в жизни.

Человек годами живёт – надеждами, планами, устремлениями. А когда наступает время исполнения, оно, как ни обидно, длится лишь миг. И порой задаёшься вопросом: а стоило ли? Позже, конечно, появятся новые желания. Но иногда одолевает печаль, что тот этап миновал. Ведь ожидание – период в жизни, проходящий в определённом ритме, с конкретными целями и умонастроениями. В чём-то себя ограничиваешь, разыскиваешь информацию, встречаешься с разными людьми. А когда желание осуществилось, получается, нужно заново учиться жить, бороться с новыми трудностями, преодолевать неприятности и в первую очередь себя.

– А разве нельзя одновременно решать несколько задач? – удивилась Элен.

– Можно. Но я говорю не о повседневном, а о значимом, судьбоносном. Вот сейчас я нахожусь в процессе исполнения мечты, и счастлива. Оплатив космический тур, я потратила все сбережения, и взяла три недели отпуска. Знали бы вы, как мне завидовали коллеги.

– Ты молодец, – сказала Элен. – Строишь жизнь собственными руками. И у тебя получается.

– К сожалению, не всё.

– Нужно просто упорядочить желания, – сказал Борис.

– Как?

– Аня, каждую минуту у нас в голове проносятся миллионы разных мыслей. Ведь работа мозга – думать. Как сердца – постоянно сокращаться, чтобы толкать кровь по жилам.

Иначе мы умрём. Но, будем откровенны – нам не требуется воплощение буквально каждого хотения. А исполняются лишь самые заветные желания. Именно то, о чём думаешь чаще всего. Так работой мозга и эмоций мы формируем реальность. Но, важно помнить – какие мысли, так сложится и жизнь.

– Вздор! – не согласилась Элен. – Я не хотела смерти мужа.

– Нравится тебе или нет, но мы сами притягиваем события. Конечно, мы не желаем, чтобы происходили несчастные случаи. Но часто не до конца обдумываем, не видим глубины и возможных последствий. И тогда мечты об изменении приводят к трагедиям.

– Хочешь сказать, неправильные мысли Вадима могли вызвать катастрофу?

– Вероятно, – кивнул Борис. – Вспомни, о чём супруг говорил чаще всего? Думаю, ему многое не нравилось, и он хотел перемен.

– Точно, – выдохнула Элен. – Постоянно бубнил – не так, не то. Мы даже ругались, поскольку Вадим мог нытьём испортить праздничный день.

– Твой муж хотел жить в другом месте, в иное время, – пояснил Борис. – Вот и ушёл.

Элен всхлипнула. Но тут же взяла себя в руки.

– А можно застраховаться от катастрофы? – поинтересовалась я.

– Полагаю, да.

– Что, думать правильно? – съязвила Элен. – Но откуда узнать – твои мысли верные или нет?

– Вы задаёте философские вопросы, – усмехнулся Борис. – А к ним приходишь, как правило, испытав трагедию. Человек постоянно ищет ответы на свои почему. Одно я знаю точно: Если никому не желаешь зла, а мысли настраиваешь на позитивную волну и любовь, ничего плохого не случится.

– Но ведь мы живём не в пустыне, – возразила Элен. – Вокруг много людей. И даже если будешь думать только о хорошем, никто не даст гарантии, что другие не желают тебе зла, и не держат нож за спиной.

– Если не захочешь, с тобой ничего не случится, – заметил Борис. – И на то есть объективные причины. Каждый человек имеет собственную энергетику. Те, у кого величина потенциала ниже, не смогут к тебе приблизиться. А обладающие более высоким, не захотят опускаться к твоему уровню. Так что именно ты выбираешь – к какому берегу прибиться. И тем определяешь личную судьбу. Ну, и кроме того, за порядком следят высшие силы.

– Бог, что ли?

– И он, конечно, – выдохнул Борис. А я почувствовала, насколько ему тяжело с Элен. – Бог у каждого в душе. Возможно, она и есть бог. А высшие силы – нечто вне нас. Если хотите – биосфера.

– Мы полезли в дебри, – заметила Элен.

– Потому что вопрос относится к высочайшему порядку.

Мы либо принимаем какие-то проявления, либо нет. Но если не хотим замечать определённые реалии, совсем не значит, что этого нет. Вот и получается – мы вроде и не притягивали, но почему-то выпало.

Открылась створка, и в салон вошёл руководитель группы Сергей Каварин. Голубая тенниска с бейджем и синие брюки как визитная карточка.

– Я слышу, тут спор, – улыбнулся мужчина.

– Просто беседа, – возразил Борис.

– Как и обещал, разговоров будет много, – кивнул Сергей. – И сейчас здесь соберётся наша группа.

Я заметила – Борис даже обрадовался. В отличие от Элен. И почему она злится? Впрочем, догадываюсь. У неё с Корсаком вряд ли получится. Вот и нервничает.

Группа собралась быстро. Я улыбаюсь входящим. Уже знаю, кто и где сядет. Мне кивают в ответ. Мы привыкаем друг к другу.

Когда народ расселся, Сергей встал по центру. В глазах тревога, а обычно улыбающееся лицо нахмурено. И я поняла – что-то случилось.

– Я должен сделать важное заявление, – произнёс Каварин. – Военно-политическая обстановка на Земле накалилась. Британское мировое содружество объявило о полном закрытии границ. Планета на пороге ядерной войны. Любые

предложения России и Китая отвергаются. В каждой букве выискивается злой умысел. Остаётся лишь надеяться, что нам будет куда вернуться из космического путешествия....

Я с тревогой обвела группу взглядом. Политика никогда не касалась меня. Но сейчас невозможно игнорировать столь важные заявления. И окружающие чувствовали то же самое. Как и сказал Каварин – остаётся лишь надеяться на лучшее.

Глава 11.

Книга Ника Уралова

17 марта

– Вставай, лейтенант. Тревога! – голос капитана Бренера мог бы разбудить и мёртвого.

– Что случилось? – пробормотал я, спросонья потирая зудящие глаза. Туда словно насыпали песка, и по нему ещё топталась пара верблюдов. В теле усталость, а в голове ветер.

С трудом сфокусировавшись на циферблате миникомпа, я увидел, что не проспал и пары часов. Начало шестого. Ещё рано для подъёма.

– Какого чёрта?! – вспыхнул я. Кроме несвоевременного утреннего визита меня так же раздражало, что капитан беспардонно ввалился в комнату, даже не соизволив постучать.

– Твои девушки исчезли, – в тон мне ответил Бренер.

– Как? – спросонья голова туго соображает. Я мутными глазами уставился на гостя, не улавливая сути.

– Ис-чез-ли, – повторил капитан, устраиваясь в кресле напротив кровати. Начальник службы безопасности строен и подтянут. А свежая рубашка так отутюжена, что не найдёшь лишней складочки. – Меня самого десять минут назад поднял дежурный сержант и обрадовал известием. Ну, ты как? Проснулся?

– Да, вроде, – пробормотал я, с трудом борясь с желанием закрыть глаза и отдаться в объятия Гетти.... Стоп. Я имел в виду Морфея. Хотя, конечно, первый вариант предпочтительней.

– Вкратце, дело так, – видимо, Бренер удовлетворился ответом. – Из дежурки у шлюза потерялся рядовой Ганс Курт. Его начали искать, поскольку не выходил на связь. А обнаружили в бессознательном состоянии в переходном коридоре у шлюза. На голове большая шишка. Видимо, чем-то оглушили.

Я тут же решил проверить красавиц. Но бойцы нашли лишь Пепе. Ни о чём не подозревая, та спит в каюте. А четыре девушки исчезли.

– А шестая?

– Ядвига Малиновски улетела с последним кораблём. Что дало расследование? Есть зацепки?

– У меня ни единой улики, – ответил я, с трудом принимая сидячее положение. Видимо, сегодня не выплусь. – Но полно разных подозрений. Кстати, две девушки заявили, что заметили ещё одну персону женского пола, отсутствовавшую в камере. Мисс Икс.

– Седьмая, – подытожил Бренер, и лицо приобрело грозный вид. – Значит, бойцы упустили убийцу.

– Возможно, – ответил я, усиленно растирая глаза, чтобы прогнать сон и верблюдов.

– Есть описание?

– Нет. Лесиль Файертрап и Стефания Кельни говорили о незнакомке, вроде бы в тёмном плаще с длинными волосами. Но опознать не смогли бы.

– Думаешь, твоя мисс Икс решила уничтожить свидетелей?

– Возможно. Но похищать? Хм. Не проще ли прирезать во сне?хлопот меньше. А куда незнакомка спрятала четыре тела? Не вяжется.

– А девушки объясняли, почему в одно и то же время оказались на закрытой территории?

– Я бы назвал банальным стечением обстоятельств. Хотя, если честно, мне и самому не нравится такая формулировка. Но и придаться не к чему. Задержанные давали правдоподобные объяснения, и ни одна не противоречила другой.

– Может, сговор? – Бренер прищурил глаза. Или показалось? В полутьме комнаты, плотной шторой отгороженной от яркого света Атлантиды, я плохо вижу собеседника.

– Не похоже, – выдохнул я. – Но не стал бы ничего утверждать. Много тумана. И девушки странно вели себя. Конечно, нужно хорошо поразмыслить над произошедшими событиями.

– Значит так, лейтенант, как старший по званию и по занимаемому положению я, с разрешения вышестоящего начальства, приказываю тебе оставаться в комнате. Пиши рапорты, чтобы следователи с Земли по прибытии сразу взялись за дело.

– Ясно, – выдохнул я, вообще-то надеясь отоспаться. Ведь сегодня не моя смена. Но дело принимает серьёзный оборот – убийство, а теперь и пропажа экскурсантов.

– Задержанные спали на дежурном корабле, – размышлял я вслух. – В каютах укрыться негде. Значит, красавицы на территории Атлантиды. Нужно бы поискать девушек по городу.

– Уже ищут, – ответил капитан. – Я по тревоге поднял отряд, и бойцы сейчас прочёсывают кварталы.

– Но... Думаю, поиски окажутся тщетны.

– Почему? – Бренер уставился на меня тяжёлым взглядом.

– Так, мысли вслух, – ответил я, тут же пожалев о сказанном. Начальник службы безопасности ещё та заноза. – Подумайте, капитан, тут невозможно долго прятаться. Для похищения и сокрытия девушек надо придумать нечто экстраординарное. Вот я и сомневаюсь в успехе поисков. Но, давайте подождём окончания. Да, Генри, а что с экскурсиями? Не отменяют?

– А как ты себе представляешь? Тут не повесишь замок на дверь с надписью «Музей не работает по техническим причинам». Сам знаешь, сколько кораблей в космосе.

– Значит, жизнь продолжается.

– Ну, я пошёл, – сказал капитан, поднимаясь с кресла. – Нужно работать.

Я не удивился столь резкому переходу. Генри импульсивен, и не любит болтать по пустякам.

Когда за капитаном закрылась дверь, я снова упал на койку. Бессонная ночь даёт о себе знать. Обычно, проспав семь часов, я чувствую себя отдохнувшим и готовым к работе. Но сейчас, что называется, жить не хочется. Спать вроде и охота, но не заснёшь. А усталость давит так, что голова едва соображает. Я словно разбитый кувшинчик, расплескавший содержимое.

Хватит валяться и жалеть себя. Пора вставать.

С трудом поднявшись на ноги, я отдернул штору и запустил в комнату дневной свет. Затем поплёлся к душевой кабинке. И тут, посмотрев в зеркало, едва узнал себя. Глаза припухли, лицо измято, на щеках неопрятная щетина. Да и одежда не первой свежести. Не полицейский, бравый страж порядка, а спившийся бомж. Что подумают люди, увидев в таком виде?

Холодный душ вернул меня к жизни. Благодаря водоёму данная процедура в Атлантиде вполне обыденна. Но когда вспоминаешь, с какими трудностями сталкивались первые космонавты, начинаешь ценить такие привычные блага.

Занятый размышлениями о событиях на ковчеге, я натягивал свежее бельё. И едва не свалился от пришедшей идеи: если девушек похищали, то хоть одна зашумела бы. А поскольку тревогу не объявили, значит, на космолёте не слышали посторонних звуков. Выходит, красавицы ушли сами. Конечно, им могли пригрозить. А куда увели? Загадка. И через шлюз не проходили, иначе попали бы в поле зрения

службы безопасности.

Допустим, чисто гипотетически, убийцу Новака, похитившего девушек, снаружи ожидал челнок. Кстати, нужно сильно напрячь воображение, чтобы придумать, откуда мог взяться корабль. Ну, к примеру, вчерашняя жертва настолько важная персона, и так кому-то насолил, что нашёлся богатый заказчик, в частном порядке арендовавший космолёт для доставки убийцы. Само предположение кажется абсурдным. Дешевле устранить Новака на Земле. Но даже в таком случае наружные системы, отслеживающие полёт кораблей, зафиксировали бы чужака. А поскольку сигналов не поступало, значит, нет и корабля. Так, где же девушки?

Рация прервала размышления. Я бросился к прикроватной тумбочке и, не успев натянуть брюки, свалился на пол.

– Да, – ответил я, растирая ушибленное плечо.

– Лейтенант, очнулся рядовой Курт, – сказал Бренер. – Ганс вспомнил – перед тем, как получить удар по голове, видел у шлюза трёх девушек.

– А кто оглушил?

– Неизвестно.

– По именам может назвать, кого видел?

– Альберта Таскани, Гетти Квин и... Стефания Кельни.

– Значит, удар нанесла Файертрап, – размышлял я вслух. Даже не верится, что тихоня Лесиль, едва не падавшая в обморок, когда я начал давить, оглушила солдата. – Капитан, а как дела с поисками?

– Никак, – ответил Бренер и отключился.

Значит, я прав. Девушки сами устроили побег. Одно непонятно – зачем? Я вспомнил – задержанные хорошо знают Атлантиду, и скрыться им не составит труда. Остаётся лишь надеяться, что солдаты отыщут беглянок.

Один из дворцов Атлантиды на набережной водоёма под названием Хиддекель, используется под жильё сотрудников. Здание расположено в стороне от экскурсионных маршрутов, но отсюда недалеко до шлюза. В основе архитектурного плана звезда Давида, увенчанная конусообразной вершиной. Как дворец назывался в древности, не имею понятия, а в земных каталогах значится – корпус номер двадцать три. А между собой мы называем отель. Здание поделили на две части. Слева от входа проживают учёные, а справа на разных этажах бойцы службы безопасности и уборщики. Сюда для удобства привезли земную мебель, поскольку трансформер не работает.

На первом этаже дворца в просторном вестибюле кафе. Тут установили холодильники, грили, микроволновые печи для разогрева полуфабрикатов и витрины. А так же кофемашины, смесители коктейлей, сокоохладители, чаераздатчики и прочее оборудование, чтобы каждый мог выбрать еду и напитки по вкусу. Дизайнеры хорошо постарались, и те-

перь здесь уютно, как и на Земле.

Идти в кафе недалеко, всего-то спуститься на этаж. Едва я открыл дверь, нос уловил запах пищи. То, что нужно. И я, как бабочка, под музыкальные вариации голодного желудка устремился навстречу благоухающему цветку, то бишь, к пище.

Уборщики закончили ужин, но в воздухе продолжают витать гастрономические ароматы. По расписанию у ночной бригады сейчас восемь часов вечера. А для дневной смены учёных и прочей обслуживающей музей публики едва наступил рассвет. Время завтрака подойдёт через полтора часа. Но не голодать же мне.

Я подошёл к ночному шеф повару, готовившему для команды уборщиков. Майки Дакарэй как раз наводит порядок, чтобы передать зал коллеге, обслуживающему дневную смену.

– Что? Не спится? – сочувственно поинтересовался Майки – колоритный африканец. Впрочем, у него кожа не иссиня-чёрная, а имеет приятный светло-коричневый оттенок. Двухметровый рост, огромные мускулы и располагающая задушевность. Майки любят на ковчеге, и многие доверяет ему личные тайны. Оттого и получил второе имя – Всеведущий.

– Как-то так, – вздохнул я. На самом же деле глаза буквально слипаются, хоть спички вставляй. Но я знаю – возбуждённый мозг не позволит телу расслабиться, чтобы окунуться в волшебные объятия Гет.... Хм. Морфея.

– Знаю я ваши бессонницы, – усмехнулся Майки, взявсь у микроволновой плиты, словно шаман у костра. Сейчас на нём белое спортивное трико, голубая майка и фартук. – Хотите всю работу переделать. Где уж тут заснёшь. А видон у тебя ещё тот. Если б не знал лично, решил бы, что ты принял на душу. Интересно, а если бы на корабле сутки длились часов по сорок? А что? Постоянно светло, хоть и вовсе спать не ложись. Сколько выдержал бы? А?

Я лишь вздохнул. Над этим вопросом раздумывали многие, и даже проводили эксперименты. Но сейчас мне не до праздных разговоров.

– Понимаю, весь в делах. Где уж тут поболтать с Майки о всяких пустячках. Ну, ничего, я помогу, – сочувственно произнёс Всеведущий. – Кстати, здесь у меня есть баночка контрабандного земного кофе. Не то, что заменители в автоматах. Я вот и зёрна помолол. Нет ведь ничего лучше, чем маленькая чашечка кофеинчика после бессонной ночи. А?

– О, Майки, ты волшебник, – засмеялся я, принимая чашку с ароматным напитком. – Но взятку давать копу не хороший поступок.

– Да?! – взор Дакарэя затуманился. Майки упёр огромные руки в бока, широко раскрыл глаза так, что казалось, вылезут из орбит, и низвергнул на меня гневную тираду. – А ну давай назад мою чашку. Там вовсе и не кофе. Придёшь через два часа, и тебя накормит твоя....

– Ладно, сдаюсь, шеф. Виноват. Не то ляпнул спросонья.

Бывает.

– То-то, – рассмеялся Всеведущий. – А то, понимаешь, криминал шьют. А Майки отдувайся перед всеми. То одному не спится, то другому.

– А кто ещё не дождался завтрака? – поинтересовался я, разворачиваясь к столикам.

– Да вон, профессор Крайден, – махнул Дакарэй рукой. – Бессонница у человека. Каждый день ни свет, ни заря накидает чего-нибудь в рот, и бежит. Думает, много успеет, пока остальные спят. Да разве можно работу переделать? Сколько с ней не борись, почему-то не уменьшается.

Некая мысль, словно разъярённая оса, вонзилась в голову и жалила, жалила. Я даже остановился на полпути к столикам, чтобы додумать, но та стремительно ускользала. Бывает же. Вот уловил нечто, а тут раз, и уплыло. И стоишь с пустой головой, отчаянно пытаешься вспомнить. О чём же я думал? Майки. Ага. Шеф-повар дал кофе, затем упомянул о криминале. И... Есть! У меня промелькнула мысль – нужно поговорить с кем-нибудь из учёных. А профессор Крайден – глава научного сообщества на ковчеге – человек с энциклопедической памятью. Не зря же слывёт в народе «ходячим справочником».

Я взглядом нашёл профессора, спрятавшегося за одной из широких витрин, и устремился к нему. Не хотелось обращаться за помощью к властям, так сказать, официально. А в простой обстановке, может, и получу нужную информа-

цию.

– Разрешите? – спросил я профессора, останавливаясь у столика.

Торстен Крайден – типичный книжный червь. Одежда несвежая, копна распатланных седых волос, подбородок чаще небрит, а воспалённые глаза за толстенькими линзами будто взирают из иного мира. Оторвавшись от завтрака, профессор удивлённо посмотрел на меня. А по мимике лица я прочёл крайнее возмущение, поскольку его оторвали от важных мыслей. Затем Крайден демонстративно обвёл взглядом пустой зал, и снова уставился на меня. Пантомима, видимо, означала – чего ты лезешь, если вокруг пусто?

– Извините, что побеспокоил вас, – произнёс я, робея перед большим учёным. – Хочу задать, так сказать, между делом, неофициально, пару вопросов. Если вас, не затруднит.

– Да-да, конечно, присаживайтесь, – кивнул Торстен. Если не смотреть ему в лицо, кажется, говорит девушка. Правда, чем-то расстроенная.

К Крайдену я подошёл не случайно. К другому профессору, может, и не рискнул бы обращаться с вопросами. Но у «ходячего справочника» есть любимый конёк – просвещать народ. Что мне на руку.

Усевшись напротив профессора, я отхлебнул из чашки, мысленно настраиваясь на предстоящую беседу.

– Чую аромат настоящего кофе, – Торстен едва не пропел. – А мне казалось, сей благородный напиток запрещён.

– Нет, – усмехнулся я. – Просто не включён в перечень товаров, поставляемых снабженцами. Вы же знаете, как щепетильно медики наблюдают за нами. А врачи не рекомендуют пить кофе, поскольку может поднять давление. Но в отдельных случаях без него не обойтись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.